ПОДЛИПОВЦЫ.

ПОДЛИПОВЦЫ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

(ИЗЪ ЖИЗНИ БУРЛАКОВЪ)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

Ѳ. РѢШЕТНИКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Книгопродавца С. В. Звонарева.

1867.

Дозволено Цензурою С.-Петербургъ, 22 февраля 1867 г.

Типографія К. Вульфа. Литейный просп. № 60.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Николаю Алексѣевичу

НЕКРАСОВУ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПИЛА И СЫСОЙКО.

I.

Деревня Подлипная очень непривлекательна на видъ. Она состоитъ изъ шести домиковъ, построенныхъ по лѣвую сторону дороги, идущей отъ другихъ деревень, и разбросанныхъ по неровной мѣстности такъ, что одинъ домикъ стоитъ выше другаго, другой около дороги, а третій и прочіе пятятся къ лѣсу. Домики эти, четыре съ крышами, два безъ крышъ, съ соломою на потолкѣ, съ слюдою въ оконныхъ рамахъ, съ стайками и плетушками огорожены такъ: вколотили въ землю нѣсколько тонкихъ березовыхъ кольевъ, да и связали за нихъ, параллельно къ землѣ, гдѣ по двѣ, гдѣ по три березки, и назвали плетнемъ. Воротъ въ Подлипной вовсе нѣтъ. Добро бы лѣ-

су не было, а то кругомъ деревни лѣсъ высокій и густой, все береза да сосна, можно бы э-во какіе дома построить и заплоты дощаные съ воротами сдѣлать... «А пошто»? спроситъ подлиповецъ, не понимая.—«А и такъ, тожно, баско»!... За дворами невидится ригъ, или зародовъ сѣна, нѣтъ огородовъ съ овощами. Только направо замѣтны гряды съ капустой, морковью и преимущественно картофелемъ.

Самая мѣстность тоже непривлекательна, хоть зимой, хоть лѣтомъ. Противъ домиковъ, черезъ дорогу, за грядами, большое поле, ничѣмъ не огороженное, потомъ лѣсъ, а въ лѣвой сторонѣ тоже поле, а за полемъ тянется большое болото, поросшее мелкими кустарниками березы, ели и липы. Лѣтомъ досадно становится, какъ посмотришь на поля: земля кое какъ вспахана, кое гдѣ на засохшихъ кочкахъ видится травка, да развѣ двѣ-три лошади шатаются по полю, да и то не долго: онѣ идутъ въ лѣсъ, тамъ больше травы. «Пробовали, сказываютъ подлиповцы, ужь какъ вспахивали землю: и поздно, и рано, да проку нѣтъ. Вспахаешь,—стужа настанетъ, либо дождь, потомъ жара; все окоченѣетъ, а тамъ дождь, инеи, снѣгъ... Пробовали и за хлѣбушкомъ ходить, да все не въ толкъ: только начинаетъ созрѣвать хлѣбъ, — баско! вдругъ

дожди, заморозки, снѣгъ... Поплачешь, погорюешь, да и скосишь травку божью, измелешь и ѣшь такъ съ горячей водой, либо настоящей мучки смѣшаешь, али коры осиновой, либо липовой наскоблишь»... Зимой частые вѣтры да вьюги по полю, снѣга большіе до полъ-оконъ заметаютъ домики, а которые ниже, то и до крышъ, а дороги и слѣдъ простылъ.

Мало въ этой деревнѣ видится жизни. Лѣтомъ еще можно увидать мужчину, или женщину, или ребятъ на полѣ или около домиковъ, но за то не слышится веселаго говора, не слышится пѣсенъ, у всѣхъ точно какое-то горе, какое-то болѣзненное состояніе. На что дѣти,—и тѣ рѣзвятся какъ-то словно не хотя: побѣжитъ, упадетъ, заплачетъ и побѣжитъ домой; даже лошади, коровы и свиньи ходятъ какъ-то сонно; однѣ только девять курицъ да два пѣтуха бѣгаютъ скоро, и воздухъ оглашается крикомъ крестьянъ на животныхъ, лаемъ одной собаки, единственнаго деревенскаго сторожа, уцѣлѣвшей какимъ-то чудомъ отъ бойни хозяина, желавшаго употребить ея шкуру на шапку, крикомъ куръ, маленькихъ ребятъ, да чириканьемъ коростелей въ болотѣ... Зимой еще хуже. Тогда всѣ дома точно погребены снѣгомъ, на дорогѣ цѣлую недѣлю не видать слѣдовъ человѣческихъ, все какъ будто спряталось, только кой гдѣ корова про-

цамъ не на что. Положимъ, они нарубятъ лѣсу, но куда везти? городъ отъ нихъ въ ста верстахъ. Положимъ, скосятъ въ лѣсу траву и можно будетъ излишекъ продать; опять таки городъ далеко, а въ другихъ деревняхъ и селахъ свое сѣно, свои дрова и свой лѣсъ,— каждый бы самъ продалъ. Вотъ они, сдѣлавъ кадки, наберухи, лапти, везутъ это на продажу въ городъ, но тамъ и безъ нихъ много такихъ горемыкъ, какъ подлиповцы, и всякій сбываетъ за безцѣнокъ, лишь бы хлѣбушка купить. Занимаются они и стрѣляніемъ рябковъ, ходятъ на медвѣдей, но на порохъ надо деньги, а медвѣдя хоть и можно убить ломомъ чугуннымъ, или чѣмъ инымъ, такъ медвѣдей нынѣ мало. Сбыта очень мало, и рѣдкій много-много получитъ въ лѣто или зиму рубля три. Отъ этого у нихъ явилась апатія, всѣ они потеряли надежду на сбытъ чего нибудь, и рѣдкаго вытащишь изъ его избы...

Каждый мужчина взрослый и женщина или дѣвушка носятъ по одной рубахѣ круглый годъ, ходятъ лѣтомъ въ рубахахъ, зимой надѣваютъ полушубокъ изъ овечьей, телячьей и собачьей шкуръ, мужчины надѣваютъ на голову такія же шапки, а лапти носятъ всѣ, кромѣ дѣтей, которыя едва-едва прикрываютъ тѣло чѣмъ нибудь. Это еще ничего, но самое главное — пища мучитъ всѣхъ. Настоящій

хлѣбъ ѣдятъ рѣдкіе съ мѣсяцъ въ годъ, остальное время всѣ ѣдятъ мякину съ корой, и отъ этого у нихъ является лѣнь къ работѣ, болѣзнь, и часто всѣ подлиповцы лежатъ больные, сами не зная, что съ ними дѣлается, а только ругаются и плачутъ. Надо замѣтить, что и въ Чердыни хлѣбъ слишкомъ дорогъ, потому что его привозятъ туда только зимой изъ другихъ городовъ или доставляютъ на судахъ бичевники лѣтомъ изъ Вятской губерніи—изъ Сарапула или Елабуги.

Подлиповцы уже привыкли къ такой жизни, свыклись и съ своими болѣзнями. Они знаютъ, что помочь имъ некому; даже самые люди противъ нихъ. Всѣ они, жители своей деревни, родня другъ другу — отцы, братья, сестры, кумовья и кумушки; родни у нихъ много и въ другихъ деревняхъ, но тѣ не любятъ ихъ, не знаются съ ними, потому что и сами-то они голые, и отъ подлиповцевъ нечего взять. Съ своей стороны и подлиповцы не любятъ ихъ и не ходятъ къ нимъ. Подлиповцевъ не любятъ жители другихъ деревень еще и за то, что подлиповцы своей пермякской вѣры держатся, слывутъ за лѣнивыхъ, самыхъ бѣдныхъ, и ихъ называютъ колдунами: захочетъ подлиповецъ посадить килу (грыжу) — посадитъ, захочетъ, чтобы такой-то умеръ,—умретъ.

Зачѣмъ же подлиповцы живутъ тутъ? спроситъ читатель. Подлиповцамъ не растолкуешь этого, они сами не знаютъ, откуда они взялись. Извѣстно только нѣкоторымъ изъ другихъ деревень крестьянамъ, что сюда, когда еще не было поля и не было ни одного дома, давно переселился одинъ крестьянинъ звѣроловъ изъ какой-то сосѣдней деревни. Ему хотѣлось жить одному съ своимъ семействомъ, такъ какъ онъ перессорился съ своими однодеревенцами. Онъ построилъ домъ и жилъ съ женой и дѣтьми нѣсколько лѣтъ, не сообщаясь съ прочими крестьянами. Послѣ его смерти два сына женились и построили еще два домика, дочь вышла за-мужъ въ другую деревню. Такимъ образомъ люди расплодились до тридцати человѣкъ и живутъ теперь въ шести домахъ. Сначала они находились подъ управленіемъ старшихъ лицъ въ семействѣ, и къ нимъ не заглядывало никакое начальство. Понятія ихъ были такія: есть какой-то богъ, а какой, и сами не знали, и только по преданіямъ своихъ отцовъ справляли свои праздники, молились чучеламъ. О существованіи земли они знали только то, что земля даетъ пищу, да въ землю покойниковъ зарываютъ. Увидятъ они, что солнце ярко свѣтитъ, и думаютъ: это богъ, молятся ему; свѣтитъ ли ночью луна — тоже богъ, и

дождь, и снѣгъ, и молнія — все богъ. Знали они, что есть городъ Чердынь, только потому, что бывали тамъ, а есть ли еще за Чердынью что нибудь—дѣло темное. Въ городѣ они видѣли разныхъ людей, но никакъ не могли понять, что это за люди; этихъ людей они боялись, не вѣрили имъ, и только ѣздили туда за тѣмъ, чтобы сбыть необходимое для обмѣна на пищу. Но вотъ начальство заглянуло къ нимъ: деревню ихъ назвали Подлипною, обложили ихъ всѣхъ податью, стали брать по одному въ рекрута, пріѣхалъ къ нимъ священникъ и сталъ уговаривать принять православную вѣру. Подлиповцы ничего не понимали, никого не слушали и хотѣли разбѣжаться, но струсили: пріѣхалъ становой приставъ, обласкалъ всѣхъ; подлиповцы смирились, испугались, исполнили все, что отъ нихъ требовали. Сколько священникъ ни толковалъ имъ о Богѣ, они ничего не могли понять; хотя имѣли образа, но прятали ихъ подъ лавки и вынимали, когда являлся священникъ; окрестившись, они, изъ боязни, стали отдавать крестить дѣтей; вѣнчались сначала по своему, потомъ ѣхали въ село къ попу, везли къ нему покойниковъ... Ничего бы этого они не дѣлали, да священникъ становымъ ихъ пугалъ, а подлиповцы помнятъ становаго, какъ онъ, когда въ Подлипной

умерло съ голоду шесть человѣкъ, обласкалъ не только мужчинъ, но и женщинъ, самъ не зная, за что; а отрывши въ лѣсу мертвое тѣло, увезъ трехъ главныхъ стариковъ въ село, потомъ въ городъ, и съ тѣхъ поръ подлиповцы не видали своихъ стариковъ.

При своей бѣдности подлиповцы постоянно въ долгу: съ нихъ требуютъ подати, но имъ негдѣ взять денегъ, и на нихъ ростутъ недоимки съ каждымъ годомъ.

Неужели они не умѣютъ работать? Подлиповецъ, родившійся въ Подлипной, проживши въ своей деревнѣ дѣтство и имѣя взрослыхъ дѣтей, умѣетъ дѣлать то, чему научили его отецъ и родня: онъ умѣетъ домъ построить; но заставьте его, читатель, построить домъ въ городѣ, онъ вамъ построитъ такъ, что вы и посмѣетесь надъ нимъ, и прогоните его. Отчего? Отъ того, что подлиповецъ строилъ для себя домъ по своему умѣнію, собственно съ тою цѣлью, чтобы ему была защита отъ холода, дождя. Понятно, ему никакихъ удобствъ не надо. А вы любите, чтобы домъ вашъ былъ теплый и существовалъ долго, чего подлиповецъ не съумѣетъ сдѣлать. Заставьте вы подлиповца печь класть, онъ вамъ складетъ по своему. У себя дома онъ сложитъ печь, какъ ему отецъ передалъ;— «ей ты, цупело, подь тамока... Гдѣ каменья

увидишь — волоки». Сынъ притащилъ каменья. Достали изъ ручейка воды, вскипятили, разварили съ глиной... «Мастюжъ»! кричитъ отецъ и самъ работаетъ. Черезъ двѣ недѣли печь готова, а черезъ годъ она проваливается, нужно класть снова... Но растолкуй этимъ людямъ, какъ слѣдуетъ, по человѣчески, что нужно дѣлать, они примутся и сдѣлаютъ еще крѣпче городскаго мастера. Въ этомъ я ручаюсь: есть въ Перми одинъ печникъ. Онъ кладетъ печки дешево; но если склалъ, такъ печь и тепла всегда, и угара нѣтъ, и крѣпка. Его призываетъ только бѣдный классъ, но богачи, само собой разумѣется, надѣются на архитектора и поправляютъ печки черезъ пять лѣтъ, а нѣкоторые и раньше. Господинъ этотъ изъ Подлипной, только подлиповцы думаютъ, что онъ безъ вѣсти пропалъ или его медвѣди заѣли. Онъ былъ работникомъ у одного печника шесть лѣтъ, теперь семнадцатый годъ работаетъ самъ, безъ работниковъ, и имѣетъ въ Мотовилихинскомъ заводѣ свой домъ.

Подлиповцевъ нельзя винить ни въ чемъ: они глупы, необразованы, но кто ихъ вразумитъ, куда они пойдутъ?... «Ужь помру тожно, а тамока гдѣ ужь»! Подъ этими словами можно понимать, что подлиповцамъ нравится своя деревня, а дальше кто знаетъ, что такое

творится.—«Уйти изъ Подлипной? куда пойдешь?—Вонъ ушелъ изъ Подлипной Митюкъ Ковычка, еще молодой, и жену съ двумя дѣтями оставилъ, да такъ и пропалъ. Поди тамока, и тютю!... Пошелъ Терешка Вятка куда-то лѣсъ сплавлять и утонулъ, сказываютъ. Мишка Гайва ушелъ въ городъ какойто, да такъ и пропалъ»... Все это напугало подлиповцевъ до того, что они и замкнулись въ своей деревнѣ и живутъ по своему, какъ живется: вѣдь ростетъ же дерево, живутъ же лошади и коровы... Знаютъ подлиповцы, что безъ жены неловко, надо бабу—и живутъ съ бабами. Про идеальную любовь они вовсе не знаютъ, у нихъ своя любовь: играли вмѣстѣ, вмѣстѣ росли, вмѣстѣ и жить надо. Такъ и дѣлается въ Подлипной. Умретъ тотъ или другой, они хотя и думаютъ, что такъ и надо умереть, но имъ обидно, досадно, что умеръ такой-то, что опять надо къ попу ѣхать вѣнчаться. О любви подлиповцевъ я разскажу въ слѣдующей главѣ. Досадно имъ: зачѣмъ это дѣти родятся отъ нихъ, и съ маленькими дѣтьми обращаются какъ люди съ котятами; однѣ только матери немножко присматриваютъ за дѣтьми. Съ пятилѣтняго возраста дѣти ростутъ на произволъ судьбы...

Подлиповцы говорятъ по пермякски. Плохо понимая наши слова, они хотя и выговари-

ваютъ ихъ, но въ исковерканномъ видѣ. Выговоръ ихъ походитъ на выговоръ крестьянъ вятской и вологодской губерній.

II.

Ноябрь мѣсяцъ въ началѣ. Зима свирѣпствуетъ немилосердно, какъ будто все зло свое хочетъ выместить надъ Подлипной и ея обитателями. Утро. Холодъ въ тридцать градусовъ; вѣтеръ свиститъ по полю; деревья скрипятъ; верхушки ихъ то и дѣло съ шумомъ пошатываетъ направо и налѣво, и впрямь, и вкось. Вѣтеръ рыщетъ по полю и гонитъ снѣгъ какъ на зло къ самымъ домамъ, до половины уже занесеннымъ снѣгомъ. Дороги вовсе невидать — она сравнялась съ полемъ. Больше всего достается крайнему домику, безъ крыши, съ однимъ окномъ, со слюдою въ рамахъ, до половины заваленному снѣгомъ. Вѣтеръ такъ и рветъ съ домика что ему подъ силу: вонъ доску, высунувшуюся съ потолка, оторвало; вонъ посыпались высунувшіяся изъ-подъ снѣга каменья, составляющіе трубу, вонъ четверть крыши со стайки оторвало, вонъ и слюда треснула въ одной рамѣ — пошелъ вѣтеръ гулять по избѣ... Ни одного человѣка не видно; не видно и животныхъ, даже собака куда-то спряталась... Но вотъ вышелъ изъ

одного дома крестьянинъ, въ полушубкѣ изъ овечьей и телячьей шкуръ, въ шапкѣ изъ такой же шерсти съ длинными ушами, въ огромнѣйшихъ собачьихъ рукавицахъ, въ синихъ нанковыхъ штанахъ и въ лаптяхъ. Онъ уже не молодъ: ему годовъ сорокъ.

— Эко диво! сказалъ онъ, сторонясь отъ вѣтра. Вѣтеръ и стужа его злили. — Какъ пойдешь? Гли, што дiется... Онъ началъ шагать и тонулъ въ снѣгу. — Экъ испугались! Врешь!!... Ишь-ты, цуцело, околить бы тѣ!.. Онъ плюнулъ.—Да будь ты проклятъ, чортъ!... — Крестьянинъ дошелъ до крайней избушки и вошелъ въ нее. Въ избѣ холодъ страшный, вѣтеръ такъ и дуетъ въ окно сквозь раму; противъ окна снѣгъ на полу, на столѣ и на лавкѣ. Изба очень бѣдна; кромѣ стѣнъ, стола, скамейки да одного худаго лаптя, валяющагося среди пола, и небольшаго корыта съ корой и двумя большими ложками, въ ней ничего не видно... Только на полатяхъ да на печкѣ кто-то стонетъ.

— Эй, вы, цуцелы! Померли, али нѣтъ?..

Съ полатей раздался стонъ.

— Ошшо живы! сказалъ онъ весело.

— Пила, подь сюда!... Сказалъ съ полатей мужской голосъ.

Вошедшiй, бросивъ на полъ рукавицы, неторопясь полѣзъ на печь. На печкѣ лежала старуха.

— Скоро помрешь? спросилъ онъ ее съ участіемъ.

Старуха стонала. На полатяхъ лежалъ Сысой Степанычъ Сысоевъ, прозванный по подлиповски Сысойкомъ. Ему 20-й годъ, но онъ худъ и блѣденъ. Онъ лежалъ въ полушубкѣ, въ шапкѣ, въ лаптяхъ и дрожалъ.

— Печьку бы... пали, братанъ... А? Ишь стужа, витеръ! говорилъ Сысойко.

— Ну ужъ и времена!... На̀ картошки! сказалъ Пила и подалъ Сысойкѣ четыре печеныхъ картофелины.

— Я тожно—бѣда. Нутро... Сысойко хотѣлъ объяснить свою болѣзнь и разжалобить Пилу, но неумѣлъ. Вдругъ онъ спросилъ Пилу.—А Апроська?

— Апроська помиратъ.

— А можетъ представлятся?... Не помретъ?

— Кто ее знаетъ. А канючитъ больно: подь, баетъ, къ Сысойку, снеси картошки, да пусть, баетъ, придетъ молочка потрескать.

— Охъ, не говори, — не могу,—мочиньки нѣтъ... стонетъ Сысойко.

Пила молчалъ. Ему жалко было Сысойку и его мать, которая была больная, слѣпая и сумасшедшая.

— Истопить ужъ печь-ту! А гдѣ ребятате?... Пила слѣзъ съ печки.

— Въ печкѣ, сказалъ Сысойко.

Пила подошелъ къ окну, сталъ сгребать рукой снѣгъ съ полу; постоялъ у окна, вѣтеръ дуетъ; надо бы заткнуть, а чѣмъ? ничего нѣтъ такого. Онъ взялъ съ полу лапоть, приладилъ его въ раму, а вѣтеръ все дуетъ.

— Нѣтъ ли чего затыкать-то?

— Нѣту, братанко, сказалъ Сысойко.

— Да хоть рукавицъ штоли дай; жалко!... Чортъ!!. успѣешь околѣть-то... Боровъ! лежать бы все... Чуча!

Сысойко сбросилъ съ полатей рукавицы и шапку. Пила затыкалъ ими раму; вѣтеръ пересталъ дуть, за то въ избѣ темно сдѣлалось.

Пила пошелъ на улицу; вѣтеръ все дулъ. Пила отскребъ немного снѣгу отъ окна рукавицами и пошелъ искать дровъ около стайки, въ которой лежала лошадь, не ѣвшая ничего два дня. Пила долго удивлялся вѣтру: «Экой какой, сила какая!... Эвонъ что разворочалъ». Онъ досталъ съ потолка стайки сѣна и соломы, снесъ ихъ лошади.

— Ужо я овсеца тебѣ принесу... Скотинка ты, скотинка экая! жалобно говорилъ Пила, смотря на лошадь, какъ она принялась охобачивать сѣно и солому.

Гаврило Гаврилычъ Пилинъ, по подлиповски Пила, былъ человѣкъ добрый, пробойный и работящій. Онъ одинъ изъ подлиповцевъ понялъ, что ничего не дѣлая жить нельзя;

онъ какъ нибудь старался пріискать себѣ работу, сбыть ее, а главное, услужить своимъ подлиповцамъ. Назадъ тому годъ Пила постоянно стрѣлялъ дичь и сбывалъ ее въ городѣ, хлѣбъ у него водился; но какъ-то разъ утопилъ ружье въ рѣкѣ, самъ простудился и, пролежавъ два мѣсяца, обѣднѣлъ до того, что ему съ семействомъ привелось ѣсть кору, а коровѣ и лошадямъ вовсе нечего было ѣсть. Оправившись послѣ болѣзни, Пила насобиралъ у подлиповцевъ надѣланныхъ кадокъ, кузовковъ и лаптей, отправился за больныхъ продавать въ селѣ и городѣ. У Пилы въ городѣ былъ знакомый хозяинъ постоялаго двора, и онъ черезъ посредство его находилъ себѣ покупателей. Онъ и раньше возилъ вещи, но теперь постоянно сталъ заставлять подлиповцевъ работать, и для него ничего не значило съѣздить за сто верстъ: онъ одну половину денегъ отдавалъ крестьянамъ или покупалъ муки, а другую бралъ себѣ и покупалъ для себя пищи. Если въ городѣ ничего не покупали, Пила шелъ сбирать ради Христа и потомъ дѣлился съ подлиповцами. Своимъ подлиповцамъ онъ помогалъ чѣмъ только могъ. Бывало скажетъ подлиповцамъ: «чево сидите, робь; я буду робить»—и подлиповцы работаютъ съ Пилой; нѣтъ Пилы,—подлиповцы лежатъ. Скажетъ подлиповцамъ: — «смотри,

траву надо косить», здоровые идутъ косить, а не скажи Пила, что надо траву косить, подлиповцы не догадаются. Всѣ подлиповцы любили Пилу и каждый спрашивалъ его совѣта или просилъ полѣчить, такъ какъ Пила лѣчилъ больныхъ травами, хотя самъ не понималъ никакого толку въ травахъ. Мысль лѣчить травами пришла ему въ голову тогда, какъ онъ увидалъ въ городѣ крестьянина съ травами. Пила не понималъ, для чего крестьянинъ травы продаетъ. — «Это што?» спросилъ Пила крестьянина. — «Это лѣкарствіе». — Слово «лѣкарство» для Пилы было новостью; эму показалось, что это что-то баское.—«А какъ это дѣлаютъ?» спросилъ онъ крестьянина. — «Да такъ. Коли кто захвораетъ, ну и пьетъ траву, коя идетъ на такую болѣстъ. Тутъ всякія есть: затрясетъ тебя, лихоманка забьетъ, брюхо заболитъ, ну и лѣчатся такой травой». — «Лиже ты! А гдѣ онѣ растутъ?»—«Въ лѣсу да въ болотахъ...» Вотъ Пила и сталъ собирать лѣтомъ въ лѣсу да въ болотѣ разныя травы съ цвѣточками, вырывалъ съ кореньями и лѣчилъ подлиповцевъ.—«Ну-ка съѣшь эту травку, хворать не станешь», говорилъ Пила больному. Больной ѣлъ, и ему становилось либо лучше, либо хуже и все-таки всѣ просили у Пилы травы. Пила давалъ, не требуя за это ничего. Свя-

щенникъ требовалъ, чтобы крестьяне непремѣнно крестили дѣтей, везли въ село умершихъ, вѣнчались; первое подлиповцы не исполняли до тѣхъ поръ, пока священникъ не пріѣзжалъ самъ за сборомъ; за умершихъ они боялись и везли всѣ покойника въ село; свадьбы вѣнчались рѣдко: подлиповцы жили до тѣхъ поръ, пока опять не пріѣдетъ священникъ за сборомъ; а какъ пріѣхалъ—бѣда: «возитъ съ собой штуку какую-то (метрическую книгу) и давай считать да пугать—бѣда!» — говорятъ подлиповцы и ѣдутъ вѣнчаться въ село, но только съ Пилой. Причтъ проситъ денегъ, либо масла за свадьбу, и Пила пойдетъ сбирать ради Христа, жениху и невѣстѣ велитъ тоже сдѣлать, и, насобиравъ чего нибудь, идутъ къ причту. Всѣ подлиповцы удивлялись Пилѣ: какъ это онъ всегда успѣваетъ, все умѣетъ сдѣлать, всегда веселъ и рѣдко хвораетъ, даже и съ семьей его ничего не дѣлается. Поэтому его прозвали колдуномъ и боялись. Пила никогда не былъ колдуномъ, но слово это его забавляло.

Пила ужь третью недѣлю не выѣзжалъ изъ деревни. Всѣ подлиповцы сдѣлались больны отъ мякины и коры; продать нечего; дочь Пилы, Апроська, тоже захворала, жена его Матрена и парень Иванъ третьи сутки не встаютъ. Пила не знаетъ, что и дѣлать, кому и

какъ помочь,—травы его не дѣйствуютъ; надо бы купить муки, да уѣхать Пила боится: какъ да всѣ безъ него помрутъ? Наконецъ и у Пилы не стало муки, и онъ принялся мѣшать въ мякину кору, и его тошнить стало. Хорошо еще, у него картофель есть, да корова даетъ немного молока: для себя достаетъ, а если другимъ удѣлишь — у самого ничего не будетъ. — «Экая бѣда! думаетъ Пила. Что теперь дѣлать—не знаю. Уѣдь я—всѣ помрутъ, и Апроська, и Сысойка...»

Жена Пилы Матрена была такая же, какъ и прочія подлиповскія женщины, часто хворающая, но нѣсколько крѣпче прочихъ: она скоро выздоравливала. Работы у Матрены никакой не было, кромѣ того, что она доила корову. Она спала и во всемъ надѣялась на мужа. Пила на нее смотрѣлъ, какъ на какую-то потребность, часто возилъ онъ ее съ собой въ лѣсъ и въ городъ, пріучалъ къ какой нибудь работѣ, но Матрена ничего не хотѣла дѣлать, за что Пила билъ ее, во время своей злости, какъ лошадь, чѣмъ попало.

Всѣ дѣти ихъ, Апроська 19 лѣтъ, Иванъ 16, Павелъ 14 и Тюнька 3 лѣтъ, росли на произволъ судьбы. Апроська была не красивая дѣвушка, худая, часто хворающая, ничего не дѣлающая, какъ и мать. Отецъ билъ ее, Ивана и Павла, какъ и свою жену, за то, что

*

ему не нравилось; но Апроську Пила любилъ какъ будто даже болѣе, нежели дочь.

У Апроськи на 17 году былъ ребенокъ, но ребенокъ этотъ не дожилъ до пріѣзда священника, и когда онъ умеръ, его зарыли въ лѣсу. Теперь отецъ зналъ, что Апроська опять скоро родитъ, и зналъ, что ребенокъ будетъ отъ Сысойки...

На Ивана и Павла Пила смотрѣлъ какъ на работниковъ, не позволялъ имъ сидѣть даромъ, не вѣрилъ ихъ болѣзнямъ. «Какая хворость вамъ, экимъ парнямъ? Я вонъ прежде не хварывалъ», говорилъ Пила, когда парни лежали. Жалость къ дѣтямъ у Пилы была только тогда, когда они уже ревѣли отъ боли. Пилѣ казалось непріятно это, жалко было ребятъ, потому что онъ бы могъ замѣниться ими, и въ то время онъ кормилъ ихъ больше, насильно заставлялъ ѣсть травы. Павелъ и Иванъ были забитые парни, умѣли нарубить дровъ, знали дорогу въ село, но въ городѣ никогда не бывали. Братъ съ братомъ жили такъ дружно, что никогда не разставались, работали вмѣстѣ и старались отличиться другъ передъ другомъ. Начнетъ Иванъ плести лапоть, Павелъ тоже плететъ лапоть и дразнитъ брата: «ужь тебѣ гдѣ смастюжить! то ли я! Смотри какъ»?—Эй, Пашка, не дразни! Ты смотри, какъ я дѣлаю. Часто Пила

посылалъ парней понавѣдаться къ какому нибудь подлиповцу, братья ходили вмѣстѣ и проводили весь день въ гостяхъ. Если кто нибудь работалъ, братья высматривали работу и дома старались сдѣлать такъ же; если работы были обыкновенныя у всѣхъ, они дѣлали тутъ же, передразнивая и смѣясь надъ дѣвками и мужиками. Съ молодыми дѣвками они обращались за-просто, какъ съ своей сестрой: передразнивали, щипали ихъ за бока, ругали. Это была ихъ любовь. Пила поговаривалъ женить Ивана и сговорилъ ему одну дѣвку, Агашку. Иванъ сталъ ходить къ отцу Агашки, по наученію Пилы, которое заключалось въ слѣдующихъ словахъ: «дубина ты, какъ я погляжу, не знаешь, што баско... Пора тебѣ съ бабой жить»...

— А пошто?

— Дурень ты! говорятъ, будетъ баско. Ивану казалось смѣшно, онъ чего-то пугался, однако скоро уже постоянно ходилъ къ Агашкѣ. Эта любовь продолжалась полгода. Павелъ узналъ отъ брата, что съ дѣвкой жить хорошо, тоже нашелъ себѣ дѣвку.

Сысойко живетъ рядомъ съ Пилой, и дома ихъ не отдѣлены другъ отъ друга даже плетнемъ. Сысойко былъ самый бѣдный въ деревнѣ и рѣдко бывалъ здоровымъ. Отецъ его ходилъ на медвѣдей съ чугуннымъ ломомъ и

бралъ его съ собой. Но медвѣдей было мало, такъ что въ годъ они убивали много медвѣдя три. Мясо медвѣжье они ѣли, а шкуру продавали въ село за дешевую цѣну. Тогда при отцѣ можно было жить, но вотъ уже два года, какъ отца загрызъ медвѣдь, а Сысойко, бывшій съ отцомъ, хотя и убилъ этого медвѣдя, но медвѣдь изцарапалъ ему плечо. Сысойко едва-едва дошелъ до своей деревни, сказалъ о бѣдѣ Пилѣ и вмѣстѣ съ нимъ повезъ отца въ село, захвативши съ собой и убитаго медвѣдя. Священникъ не сталъ хоронить отца Сысойки, а почему-то призвалъ становаго пристава. Становой привязался къ Сысойкѣ и Пилѣ, говоря, что не медвѣдь загрызъ отца Сысойки, а они уходили его и только для формы привезли медвѣдя. Становому хотѣлось взять себѣ убитаго медвѣдя, и онъ взялъ таки его и попросилъ священника отпѣть покойника... Съ той поры Сысойко живетъ очень бѣдно: въ лѣсъ бить медвѣдей не ходитъ, стрѣлять дичь пороху нѣтъ, продавать кадки и прочее не стоитъ, да и Сысойко умѣлъ только лапти плести. И вотъ Сысойко помогалъ въ чемъ нибудь Пилѣ, то есть вмѣстѣ съ нимъ искалъ лекарственную траву, ѣздилъ по нуждѣ въ село и въ городъ, за что и пользовался отъ Пилы подачками хлѣбомъ и мясомъ; но такъ какъ онъ часто хворалъ, то и не могъ

всегда бывать съ Пилой, и Пила навѣщалъ его. Пила и Сысойко такъ привыкли другъ къ другу, что по цѣлымъ днямъ проводили вмѣстѣ, ничего не дѣлая, а лежа; если Пила хворалъ, да Сысойко былъ здоровъ, Сысойкѣ казалось, что и онъ хвораетъ, и на оборотъ. Пила и Сысойко въ болѣзняхъ всячески старались угодить другъ другу, а если Сысойко былъ здоровъ, то цѣлую недѣлю жилъ у Пилы и спалъ на полатяхъ съ Апроськой.

Сысойко и Апроська росли вмѣстѣ, но тогда у нихъ были только дѣтскія отношенія; такія же отношенія были и тогда, когда Сысойкѣ было 18 лѣтъ, а Апроськѣ 16, но скоро они уже измѣнились. Съ перваго же времени молодые люди привязались другъ къ другу-обоимъ имъ было скучно, когда они не видѣли другъ друга по недѣлямъ, а потому часто навѣдывались другъ объ дружкѣ у Пилы и сходились—или Сысойко въ домѣ Пилы, или Апроська въ домѣ Сысойки.

Сысойкѣ страшно опротивѣла жизнь въ своемъ дому: каждый день и даже ночь ревѣли его маленькіе братъ Петръ 4-хъ и сестра Пашка 2-хъ лѣтъ, которые мерзли съ холоду и постоянно голодали. Эти маленькія дѣти, неумѣющія еще выговаривать и ходить, постоянно лежали или сидѣли полунагія, одѣтыя въ нѣсколько тряпокъ, сшитыхъ напо-

добіе мѣшковъ. На нихъ не обращалось вниманія ни Сысойкомъ, ни матерью, которая, больная и сумасшедшая, постоянно лежала на печкѣ и охала. Куда Сысойко ни посадитъ дѣтей, тамъ они и сидятъ, тамъ и ползаютъ. А если Сысойко садилъ ихъ на полати, что случалось очень рѣдко, то ребята то и дѣло получали колотушки... Онъ даже нарочно садилъ ихъ на голый полъ, для того, чтобы они скорѣе умерли, нарочно не давалъ ѣсть, думая, что они помрутъ; но ребята кричали съ каждымъ днемъ хуже,—Сысойко злился, хотѣлъ ихъ пришибить чѣмъ нибудь, но ему было жалко, онъ чего-то боялся... Пила жалѣлъ дѣтей и всегда приносилъ имъ что нибудь; при появленіи Пилы дѣти начинали плакать и махали ему руками.. Сысойко, когда бывалъ здоровъ, по недѣлѣ не заглядывалъ въ свою избу, а терся у Пилы или гдѣ нибудь съ Пилой; объ сестрѣ и братѣ и наконецъ своей матери онъ не думалъ въ это время; онъ радъ былъ, что наконецъ то нѣтъ ихъ, не слышатся крики, не ворчитъ и не охаетъ старуха.

Хотѣлось Сысойкѣ жить у Пилы; да Пила говорилъ: нѣтъ, батъ, изба моя махонькая, куды же я тебя пущу съ ребятами и матерью?

— Да я одинъ... напрашивался Сысойко..

— Ужь не говори. Тѣ ребята-то все же

братъ да сестра... Ну да хоть помрутъ, не жалко, а мать-то? Она, батъ, родила тебя. А ты лучше живи тамъ да сюда ходи, замѣтила Матрена.

Сысойкѣ еще хотѣлось жить одному съ Апроськой да съ Пилой. «Съ Апроськой баско, Пила хлѣбъ носитъ», думалъ Сысойко. Но гдѣ жить? Въ своемъ домѣ нельзя — мать и ребята; Пила не пускалъ, да у него и жена и дѣти. Долго Сысойко ломалъ голову на этотъ счетъ, да ничего не выдумалъ. Пила тоже думалъ: какъ бы устроить, чтобы Сысойку было лучше. Хоть и жаль Апроськи, и надо же ей жить съ Сысойкомъ, потому что попъ такъ *велитъ* (*), да и отъ Апроськи будутъ дѣти рождаться: но гдѣ жить? Жить въ его домѣ нельзя, потому что у него свое семейство, парни того и гляди приведутъ въ домъ по дѣвкѣ, а какъ попъ велитъ имъ жениться, то и самому тѣсно будетъ. Отдать Апроську Сысойкѣ, чтобы она жила въ сысойковомъ домѣ,—тамъ мать сумасшедшая, ребята ревутъ маленькіе... Но до того, чтобы выстроить Сысойкѣ избушку, Пила не додумался. Онъ на томъ и рѣшилъ: ужь пусть живутъ такъ, какъ теперь; а какъ помретъ старуха Сысойкова да маленькіе ребята, тогда и

(*) То есть велитъ вѣнчаться.

можно Апроську Сысойкѣ отдать. А попъ прiѣдетъ, ну и вѣнчать можно. И ребята пойдутъ отъ Апроськи, все же лучше, опять къ попу можно съѣздить. «Только тѣ не помираютъ. Ужь померли бы скорѣе, пользы-то отъ нихъ нѣтъ,—только мука одна». Думалъ про себя Пила и сообщалъ объ этомъ Апроськѣ и Сысойкѣ, которые съ своей стороны тоже соглашались въ этомъ мнѣнiи съ Пилой и стали ждать да ждать, чтобы тѣ умерли...

III.

Пила принесъ въ избу Сысойки охапку дровъ. Бросивъ ихъ на полъ около печи, онъ заглянулъ въ печку. Тамъ лежали мальчикъ и дѣвочка нагiе.

— Эй вы, лѣшiе! Вылѣзайте!.. спалю тожно!.. кричалъ Пила.

Изъ печки не слышно было ни голоса, ни движенiя.

Пила потащилъ изъ печки за ногу мальчика. Мальчикъ былъ мертвый.

— Ишь ты! сказалъ Пила и сталъ щупать мальчика. — Померъ.

— Кто? спросилъ Сысойко.

— Парень.

— Ну и ладно... А дѣвка-то? спросилъ Сысойко и высунулъ голову съ полатей.

Пила вытащилъ за ногу и дѣвушку. Она была мертвая. Лѣвый високъ ея былъ чѣмъ-то проломленъ; лица ея незамѣтно было: все оно запеклось отъ крови и на немъ засохъ мусоръ отъ печки.

— Сысойко? гли! (смотри).

Сысойко плохо видѣлъ съ полатей.

— А што, померла?

— Слѣпъ ты штоли? Гляди, убита!..

— Вре?!

Пила положилъ мальчика и дѣвушку на лавку и долго смотрѣлъ на нихъ жалобно.

— Слышь, Сысойко? Ты убилъ дѣвку-то?

— А пошто?

— Право ты!

— Цуцело ты, Пила! Што я, медвѣдь штоли, экъ ты! Сысойко не сталъ и говорить больше, а спряталъ голову въ полушубокъ.

Пила нащепалъ березовой лучины, досталъ на трутъ кремнемъ огня, зажегъ лучину и сталъ смотрѣть въ печку. Въ ней лежалъ большой камень, отвалившійся съ неба печки. Теперь Пила понялъ, что не Сысойко убилъ дѣвку, а этотъ камень самъ отвалился. Только какъ же на парня камень не упалъ, а на одну дѣвку?..

— Смотри-кась, экой камень-то! сказалъ Пила Сысойкѣ, показывая ему камень.

Сысойко посмотрѣлъ и разинулъ ротъ отъ удивленія, но ничего не сказалъ.

Пила склалъ въ печку дрова, зажегъ. Въ избѣ сдѣлалось свѣтлѣе.

Пила опять подошелъ къ ребятамъ. Жалко ему стало ребятъ. «Эхъ голова-то какъ раскроена... Мальченки, мальченки! Жить бы вамъ долго, да што жить-то? Лучше, какъ померли. Вотъ, Сысойко, и померли ребята!..

— Померли. Таперь я къ тебѣ пойду.

— А мать?

— Помретъ.

Въ это время простонала на печкѣ старуха и что-то несвязно пробормотала. На это ни Пила, ни Сысойко не обратили вниманія.

Пила сталъ разсуждать, что̀ дѣлать съ ребятами. Зарыть ихъ такъ—попъ узнаетъ, и тогда бѣда; ѣхать къ попу — будетъ денегъ просить... Пилѣ хотѣлось ѣхать въ село; у него не было хлѣба и онъ ждалъ только удобнаго случая ѣхать туда. Случай этотъ выпалъ—везти хоронить дѣтей.

— Ну, пошто ребятъ туда везти? Зарыть бы здѣсь въ лѣсу, такъ нѣтъ ишшо, деньги давай, сердился Пила.

— Ты не вози, сказалъ Сысойко.

— Ишь ты! Какъ наѣдетъ—лучше будетъ? Нѣтъ ужь, свезу.

Въ избу прибѣжалъ Павелъ.

— Апроська зоветъ! ись, баетъ, хочу.

— А ты што? Нѣту штоли картошки-то?

— Молока проситъ.

— Поди подой корову-то.

— Я доилъ, да нѣту молока-то.

Пила ушелъ въ свой дворъ. Сталъ доить корову, у той не было молока.

— Родить тожно хочетъ, сказалъ про себя Пила.

Пила ушелъ въ свою избу. Въ его избѣ было немного чище и свѣтлѣе. Отсутствіе одежды и другихъ вещей здѣсь было такое же, какъ и у Сысойки. На печкѣ лежала Апроська, некрасивая, худая дѣвушка. На полатяхъ сидѣли: Матрена, Иванъ и Тюнька. Всѣ они ждали молока. Матрена жевала картофель.

— Ты ушелъ и утонулъ; дома хоть помирай... ворчала Матрена.

— Чево помирай! Вонъ ребята Сысойковы померли... Сысойко, гляди, помретъ, а старуха ужь поди теперь померла.

— А Сысойко? хворатъ? спросила Апроська.

— Сказано, помиратъ.

— А молока принесъ?

— Гдѣ возьму? Вонъ корова-то родить тожно хочетъ, нѣту молока-то.

Матрена заворчала.—Ужь у тебя все такъ. Когда я дою, всегда молоко есть... Ужь излѣнился ты совсѣмъ.

— Я те, стерво! Поворчи, што я тебя не отщепаю!

Пила ушелъ изъ избы разсерженный. Онъ вошелъ въ третью избу къ сосѣду Морошкѣ. Морошка былъ нездоровъ, нездоровы и дѣти. Жена его плела лапти.

— Нѣтъ ли продать чего? спросилъ Пила жену Морошки.

— А ты въ городъ?

— Въ городъ. Вонъ у Сысойки ребята померли; надо къ попу везти.

— Ладно. Вонъ тамо лапти складены, возьми.

Пила взялъ двѣ пары лаптей и пошелъ домой.

— Нѣтъ ли у те травки? просила жена Морошки.

— Какъ нѣту!

— Дай, родной!

— Ну, погоди, Пашку пошлю. А Агашка какъ?

— Ой, и не говори.

— Ванька у меня тоже... Вонъ съ Пашкой ничего не дѣлается...

Иванъ былъ женихъ Агашки.

На другой день Пила сдѣлалъ ящикъ въ видѣ гроба, положилъ въ него два маленькіе трупа, завернутые въ мѣшки, заколотилъ ящикъ досками и повезъ на дровняхъ въ село, вмѣстѣ съ двумя парами лаптей и тремя берестянными бураками отъ Морошки.

IV.

Въ село Пила пріѣхалъ ночью. Переночевавъ у знакомаго крестьянина, онъ утромъ отправился къ священнику. Извѣстно, что въ сельскихъ церквахъ служатъ только по воскресеньямъ и въ большіе праздники. Такъ и теперь церковь была заперта, и къ ней не было даже дороги проложено, т. е. незамѣтно было слѣдовъ человѣческихъ съ дороги. Священникъ долго не соглашался хоронить дѣтей. Пила нѣсколько разъ ѣздилъ къ нему, и вотъ уже въ пятый разъ пріѣхалъ къ нему. Священника это просто до слезъ проняло.

Онъ сталъ надѣвать худенькую съ заплатами рясу.

— Вотъ что, Пила: ты въ пятый разъ ко мнѣ пріѣхалъ, а ничего не привезъ. Смотри, у меня на ногахъ-то лапти! Священникъ былъ въ лаптяхъ. Пила въ этомъ не видѣлъ ничего удивительнаго; ему смѣшно показалось.

— Тебѣ смѣшно, а мнѣ плакать хочется. Вотъ ужь шестой годъ живу здѣсь, а ничего не пріобрѣлъ. Просилъ, чтобы перевели, да выговоръ получилъ.

Пила плохо понялъ.

— Такъ мнѣ надоѣло житье съ вами! Уѣду я таки отъ васъ.

— А ты уѣдь, право! сказалъ Пила.

— И уѣду.

— А ты теперь уѣдь.

— Не пускаютъ. Да и что толку въ томъ, что я уѣду! Пошлютъ другаго на мое мѣсто, и тогда вамъ хуже будетъ.

— Ишь ты. А ты не поѣдешь?

— Не пускаютъ. Священникъ кликнулъ дьячка и послалъ его съ Пилой въ церковь.

— Ну-ко, Пила, открой гробъ!

— А пошто?

— Такъ нельзя.

— Да ты ужь совсѣмъ зарой, а то земля-то въ глаза насыплется.

— Ну, открой. Тебѣ говорятъ, нельзя такъ... Кто тебя знаетъ, что ты привезъ тутъ.

Пилѣ обидно стало. — Цу́цело ты, какъ я погляжу! Сказано, Сысойковы ребята.

— Хочешь, становаго призову?

Пила струсилъ и открылъ топоромъ одну доску.

— Ты другую открой.

Дьячокъ раскрылъ одинъ мѣшокъ. Мальчикъ лежалъ лицомъ кверху, дьячокъ осмотрѣлъ его всего — мертвый. Жалко ему стало мальчика. Раскрылъ другой мѣшокъ. Дѣвушка лежала на животѣ. Сталъ и дѣвушку осматривать дьячокъ и, какъ взглянулъ на лицо, съ ужасомъ отступилъ.

— А, такъ ты такъ-то хочешь насъ провести! Что это такое?

Пила испугался. — Батшко, не я!

— Врешь! Кайся, разбойникъ!

— Ты не кричи—экъ испугались! Медвѣдей бивалъ!

— Такъ ты еще запираешься? Сейчасъ становаго призову.

Пила повалился въ ноги.—Батшко, не губи!.. Камнемъ дѣвку-то пришибло въ печкѣ! Што хошь возьми... не губи...

— Разсказывай, какъ было!

Пила разсказалъ все. Дьячокъ вѣрилъ и не вѣрилъ. Онъ сталъ еще смотрѣть на лицо дѣвушки: кажется, и камнемъ изъ печки пришибло, кажется, и другой кто нибудь убилъ. Онъ затруднялся: повѣрить Пилѣ, или нѣтъ?

— Не вѣрю я тебѣ; я пойду къ становому.

— Батшко не губи! Я тѣ все сказалъ... Што я, звѣрь штоли?.. Сысойко хворатъ, старуха тоже... А эти въ печкѣ дрыхнули... Я такъ и увидѣлъ камень на лицѣ-то.

— Цѣлуй крестъ!

Пила поцѣловалъ.

— Клянись, что не ты убилъ.

— Эхъ ты! Я вонъ и Сысойка спрашивалъ, онъ заревѣлъ только, жалко стало... А ты говоришь: убилъ, убилъ!.. Эхъ ты!.. Я вонъ только восемь медвѣдевъ убилъ...

Дьячокъ опѣшилъ. Къ подобнымъ выходкамъ онъ уже привыкъ.

Пила опять повалился въ ноги.—Не погуби, батшко!

Черезъ два часа, Пила везъ въ Подлипную на своей и поповской лошадяхъ, запряженныхъ въ поповскія сани, попа и дьячка.

V.

Дорогой въ Подлипную, Пила долго ругался. Священникъ съ дьячкомъ разсуждали: какъ поступить съ подлиповцами, никакіе страхи ихъ не берутъ и вѣровать-то они по христіански не хотятъ...

Наконецъ пріѣхали въ Подлипную. Священникъ и дьячокъ вошли въ избу Пилы и влѣзли на полати, потому что въ избѣ было холодно, да къ тому же они хорошо прозябли. У дьячка былъ въ запасѣ буракъ съ водкой. Семейство Пилы осталось на печкѣ. Апроськѣ было немного легче, но она все лежала. Иванъ все хворалъ, Матрена ходила.

— Ну-ко, Матрена, дай намъ закусить, просилъ священникъ.

— Да что я тебѣ дамъ-то? Хлѣбушка нѣтъ, молока нѣтъ. Кору нынче ѣдимъ...

— Поди, посбирай въ деревнѣ.

— Гдѣ ужь, тамъ ни у кого нѣтъ хлѣбушка. Вонъ Пила не привезъ ли... Пила дѣйствительно привезъ двѣ ковриги хлѣба и нѣсколько фунтовъ муки. Пила распрягалъ лошадей, ругая дьячка. Павла онъ послалъ къ подлиповцамъ. «Бѣги ко всѣмъ, скажи: попъ, молъ, наѣхалъ»... Павелъ ушелъ и сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ Пила. У подлиповцевъ до сей поры всѣ образа были гдѣ-то на полатяхъ; теперь Павелъ поставилъ ихъ на полки въ переднихъ углахъ.

Пила принесъ въ избу хлѣба, отрѣзалъ нѣсколько ломтей и роздалъ священнику, дьячку и своему семейству. Въ нѣсколько минутъ одной ковриги не стало.

— Ты, тятька, снеси Сысойку-то! просила Апроська Пилу.

— Эй ты, Пила! хошь водки? кричалъ съ полатей дьячокъ, уже опьянѣвшій.

— Давай.

Пила хлебнулъ изъ бурака.

— Ну, пойдемъ къ подлиповцамъ, сказалъ священникъ, слѣзая съ полатей.—А ты, дѣвка, все еще не за мужемъ? спросилъ онъ Апроську.

— Нѣтъ, батшко.

— То-то смотри. Найду ребятъ, бѣда тебѣ будетъ!

—Ужо тепло будетъ, повезу ее, сказалъ Пила.

*

— Ты давно мнѣ говоришь. Съ кѣмъ ты ее хочешь свѣнчать?

— А съ Сысойкомъ.

— То-то. Ну, пойдемъ.

Пила повелъ священника и дьячка къ Сысойкѣ. Съ собой онъ захватилъ полковриги хлѣба. Сысойкѣ было легче, но онъ все еще лежалъ. Въ избѣ холодно и темно.

— Зажигай лучину! командовалъ дьячокъ.

Лучину зажгли.

Священникъ сталъ смотрѣть въ передній уголъ: есть ли икона.

Икона была.

— Эй вы! Отчего никого нѣтъ? кричалъ дьячокъ.

— Да больны они, больно больны, сказалъ Пила. Сысойко спрятался въ уголъ на полатяхъ и молчалъ. Мать его по прежнему стонала.

. . . .

. . . .

Переночевавъ у Пилы, священникъ и дьячокъ поѣхали въ село. Пила ѣхалъ за ними на дровняхъ; за дровнями шла пилина корова съ веревкой на шеѣ.

Какъ ни горько было Пилѣ вести корову въ село, но онъ, изъ боязни, чтобы не погубилъ его становой, рѣшился-таки отдать ее. «Ужо, какъ помретъ Пантелѣй, возьму его корову

себѣ. А не помретъ, изъ другой деревни уволоку», думалъ Пила.

Матрена, какъ Пила сталъ привязывать корову къ дровнямъ, полѣномъ ударила Пилу, дьячка обругала, какъ только могла, и можетъ быть убила бы Пилу за корову, да у нея силы не было: Пила и дьячокъ до того избили ее, что она едва-едва добралась до своей избушки. Матрена больше всего въ своей жизни любила корову. Корова для нея была больше, нежели дѣти: дѣти ей ничего не давали, а корова снабжала всю семью молокомъ и лѣтомъ не просила ѣсть, а питалась въ лѣсу, сама находила пищу для себя, только зимой Матрена наваливала ей сѣна каждое утро. А теперь какъ она будетъ жить безъ коровы?...

VI.

Пила пріѣхалъ въ село вечеромъ. Заплакалъ Пила, какъ заперли его корову въ чужую стайку. Хотѣлъ онъ увести корову ночью, да двери стайки были на замокъ заперты. На другой день отпѣли умершихъ, а Пила съ церковнымъ сторожемъ едва-едва сдѣлали на кладбищѣ маленькую яму и свалили туда гробъ, потомъ завалили яму землей и снѣгомъ. Послѣ этого Пила пошелъ къ дьячку просить

денегъ. Дьячокъ сжалился надъ Пилой, далъ ему пятнадцать коп. сер. Пила былъ очень доволенъ этими деньгами и даже повалился въ ноги.

Выйдя изъ двора дьяческаго, Пила долго стоялъ у своей лошади. Его сильно давило горе. Онъ лишился коровы, которая кормила его. Какъ онъ теперь безъ коровы будетъ жить? Какъ семья его пробьется до лѣта? Не корова бы, что бы было съ ними?... Пилѣ все теперь опротивѣло, проклялъ онъ свою жизнь, долго билъ свою лошадь, самъ не зная, за что, сѣлъ на дровни, стегнулъ лошадь, лошадь пошла по улицѣ. Пила не зналъ, куда ѣхать, и пустилъ лошадь на произволъ. Лошадь дошла до лѣсу. Дорога вела въ деревню. Пила не поѣхалъ въ деревню, а поѣхалъ въ городъ.

Въ городѣ Пила шатался двѣ недѣли. Жилъ онъ подаяньемъ добрыхъ людей. Придетъ въ домъ, попроситъ ради Христа, ему даютъ, кто ломтикъ хлѣба, кто грошикъ. Ломтей у Пилы накопилось много; деньги шли на водку. Хотѣлъ онъ купить на рынкѣ корову, да просили десять рублей. Видѣлъ онъ и дьячка своего сельскаго, тотъ сказалъ ему, что корову онъ подарилъ по начальству. Узнавши, гдѣ корова, Пила двѣ ночи сряду ходилъ къ воротамъ новаго ея хозяина, да все ворота

заперты; перелѣзъ онъ и черезъ заплотъ, да и тамъ не нашелъ коровы, а зарубивъ топоромъ двухъ свиней и перебросивъ ихъ черезъ заплотъ, увезъ въ лѣсъ и тамъ зарылъ въ снѣгу.

Пила собрался ѣхать, какъ увидѣлъ около питейной лавочки толпу мужиковъ зырянъ, вотяковъ, пермяковъ и крестьянъ вологодской и архангельской губерній. Пилу любопытство взяло, и онъ спросилъ одного изъ толпы:

— Што, ребя?

— Ништо, сказалъ одинъ крестьянинъ.

— Ты откедова? спросилъ Пилу другой крестьянинъ.

— А подлиповечъ! А вы-то?

— А мы бурлацить.

— Лиже! А поштё?

— Баютъ: баско, богачество, баютъ...

Пила задумался. Каждую зиму онъ видѣлъ около этого кабака толпу мужиковъ, каждую зиму онъ слышитъ, что они идутъ бурлачить, богачество, баютъ, отъ бурлачества получаютъ. Прежде Пила не вѣрилъ мужикамъ, говорящимъ про богачество, и не спрашивалъ, что такое бурлачество; теперь ему опротивѣла жизнь, мужики раззадорили его: не лучше ли бурлачить? спросилъ самъ себя Пила. «А Сысойко?.. а Апроська?... Ну ихъ къ лѣшимъ и съ бурлачествомъ!...» Апроська показалась

Пилѣ милѣе бурлачества... «Уйди тамъ, а куда?... Ну, уйди—и тютю...» думалъ Пила. Однако онъ снова подошелъ къ бурлакамъ.

— А васъ много?

— Не всѣ ошпо. Ихъ было человѣкъ тридцать.

— А далеко?

— Далеко.

— А што робить?

— Плыть.

— Э! А скоро идти-то?

— Скоро.

Пила ушелъ отъ бурлаковъ и поѣхалъ въ Подлипную. Дорогой онъ думалъ: «идти въ бурлаки, или нѣтъ? Бурлачество, баютъ,— хлѣба много... А въ деревнѣ што! тотъ боленъ, другой помираетъ, третьяго везти хоронить надо. Эхъ!... Надоѣла эта жизнь!... Дай, пойду въ бурлаки... Надоѣли подлиповцы; пусть помираютъ, мнѣ не пособить. Только выздоровѣетъ Сысойко и Апроська, возьму ихъ съ собой...» Пилѣ эта мысль хорошею показалась, онъ захохоталъ и рѣшился, во что бы то ни стало, уйти съ Апроськой и Сысойкомъ бурлачить, самъ не зная, что это за дѣло такое, вѣря въ слово богачество и въ надежду имѣть всегда много хлѣбушка... «Уйду же я, уйду! Ужь не поклонюсь болѣ никому, не дамъ коровы. Что я безъ коровы-

то? Вонъ везу двѣ свиньи, да что толку—не живыя... И становаго теперь не боюсь»... При мысли о томъ, что онъ будетъ бурлачить, Пила чувствовалъ какую-то легкость, свободу, удовольствіе и никого не боялся...

До Подлипной Пила ѣхалъ четыре дня. Ночи онъ спалъ въ деревняхъ. Каждую ночь ему мерещилось бурлачество, или онъ идетъ куда-то на гору съ Сысойкомъ, Апроськой и всѣми подлиповцами. Сердится Пила: зачѣмъ это прочіе подлиповцы идутъ, зачѣмъ и Матрена тутъ? и старуха Сысойкова тутъ?... Идутъ они долго-долго, все гора, и конца нѣтъ. Вотъ одинъ свалился съ горы, за нимъ другой и прочіе, и Пила въ страхѣ кричитъ и пробуждается. «Не дошли...» ворчитъ Пила и силится заснуть, чтобы увидать что нибудь получше—хорошо ли бурлачить... Ему опять кажется, опять онъ съ своимъ семействомъ и подлиповцами на полѣ, и всѣ рубятъ дрова. Рубятъ, рубятъ, а дровъ нѣтъ... Гдѣ же Сысойка и Апроська?... Жалко стало Пилѣ, сталъ онъ искать ихъ, нашелъ: лежатъ въ подлиповскомъ болотѣ мертвые—медвѣдемъ изгрызены... Заплакалъ Пила, заревѣлъ... Проснулся, на глазахъ слезы... Живы ли Сысойка и Апроська?... Сердце дрогнуло у Пилы: «а что, если померли»?... Пила не могъ придумать, что будетъ съ нимъ, если

лѣсъ. Губерніи составлявшія округи Ополченія, приносили большія денежныя и вещественныя пожертвованія, кромѣ поставки ратниковъ и снабженія ихъ всѣмъ нужнымъ. Онѣ доставляли въ дѣйствующія арміи хлѣбъ, обозы, лошадей, воловъ, тулупы, сапоги, устроивали лазареты для раненыхъ и больныхъ. При всѣхъ сихъ пожертвованіяхъ, которыя приносимы были въ даръ Отечеству по единодушнымъ приговорамъ дворянскихъ и гражданскихъ обществъ, обыкновенно поставлялось за правило: не требовать отъ казны вознагражденій. Слово Царское подвигло на брань 200,000 поселянъ; пятдесятъ милліоновъ жителей, составлявшихъ тогдашнее народонаселеніе Россіи, воодушевлены были одною мыслію—ничего не щадить для Отечества. Не смотря на лѣта и семейныя обстоятельства, всѣ спѣшили подъ знамена. Ни одинъ дворянинъ, способный владѣть оружіемъ, не уклонился отъ принятія участія въ священномъ дѣлѣ. Люди, никогда не помышлявшіе видѣть ратное поле, просили, какъ милости, позволенія ополчиться. Были примѣры, что молодые люди отроческихъ лѣтъ убѣгали изъ родительскихъ домовъ и записывались въ полки. Каждый, забывъ о собственныхъ дѣлахъ, помышлялъ только о средствахъ отвратить опасность, угрожавшую Отечеству. На площадяхъ и ули-

открыты, такъ строго смотрятъ... Пила струсилъ старухи, соскочилъ съ полатей, плюнулъ на печку и убѣжалъ на улицу... «Ишшо загрызетъ стерва!» ворчалъ Пила.

Въ свою избу Пила вошелъ весело. Какъ только онъ вошелъ, на него закричала Матрена.

— Што, дьяволъ!... Всѣхъ насъ уморить што ли захотѣлъ?.. Вонъ Апроська-то померла!...

Пилу какъ обухомъ кто ударилъ по головѣ, онъ ротъ разинулъ и тупо смотрѣлъ на печку, гдѣ сидѣлъ Сысойко; блѣдный и такой сердитый... Жена все ворчала.

— Ишшо не околѣлъ ты, чортъ!.. Другіе мрутъ, а ему и смерти нѣтъ!

Пилѣ горько сдѣлалось. Ударилъ онъ жену и полѣзъ на печку. На полатяхъ лежала Апроська. Она была такая же, какъ и двѣ недѣли тому назадъ, только не дышала. Пила не вѣрилъ, что она умерла, сталъ онъ ее толкать, она не шевелится... Взвылъ Пила, убѣжалъ на улицу, забрался въ стайку и долго тамъ плакалъ... Въ стайкѣ спали Павелъ и Иванъ. «Помру ли я?» спросилъ самъ себя Пила. «Уйду отсель! уйду!...» закричалъ онъ и вышелъ изъ стайки. Пила хотѣлъ ѣхать, но ему жалко стало Сысойки, да и что дѣлать съ Апроськой? Везти надо ее, опять надо къ попу ѣхать...

Пила вошелъ въ свою избу. Матрена выла на печкѣ, Сысойко дико смотрѣлъ на Апроську. Онъ не плакалъ, а видно было, что его страшно мучило горе. Онъ любилъ Апроську сильно, хотѣлъ съ ней всегда жить, вотъ умерли ребята его матери, умерла и мать... Зачѣмъ же Апроська померла? Онъ-то зачѣмъ не померъ? Дикъ и золъ сдѣлался Сысойко, теперь онъ походилъ на собаку, лишившуюся своего дѣтища, онъ готовъ былъ, Богъ знаетъ, что сдѣлать, только бы Апроська была жива, готовъ былъ помереть, но не зналъ, какъ помереть...

Пила также мучился, какъ и Сысойко. Онъ сѣлъ съ Сысойкомъ на полати и долго смотрѣлъ на Апроську, потомъ вскричалъ: «Апроська!...» Апроська не двигалась, Пила заревѣлъ, заплакалъ и Сысойко. Долго плакалъ Пила, да не помогъ слезами горю. Онъ опять вышелъ на улицу, сѣлъ на крылечко и сталъ думать... Сначала ничего онъ не придумалъ, все Апроська мучила его; потомъ ему опротивѣла своя изба, вся деревня. Пила вскочилъ, какъ бѣшеный, и сказалъ самъ себѣ: «что я за чучело? Что мнѣ жить-то? пойду изъ Подлипной, наплюю на ихъ всѣхъ... Безъ Апроськи что за жизнь». Онъ вошелъ въ избу.

— Сысойка! айда отсель! Пойдемъ бурлачить!

— Не пойду. Сысойко еще не вѣрилъ тому, что Апроська умерла. «А можетъ она такъ...» думалъ онъ.

— Э, дура голова! Пойдемъ! бурлачество баская штука, богачество получимъ, а хлѣбушка эво! ужасти!...

Сысойкѣ не хотѣлось идти. Пила сталъ уговаривать его; Сысойко только ругался.

— Ну, и околѣвай, чортъ! Я одинъ пойду, ребятъ съ собой возьму.

Пила сталъ думать, что теперь дѣлать съ Апроськой. Матрена ругается за корову, говоритъ: вези опять, отдай лошадь... «Ну ужь, теперь съ меня онъ шишъ возьметъ!» Однако, онъ все-таки рѣшилъ везти Апроську и мать Сысойки къ попу... «Коли просить чего станетъ, я и къ набольшему его пойду... Баетъ, у меня начальство есть».

На другой день по пріѣздѣ въ Подлипную онъ принялся дѣлать гробъ съ Сысойкомъ, Иваномъ и Павломъ. На третій день они уложили въ гробъ мать Сысойки и Апроську въ такой одеждѣ, въ какой онѣ умерли. На обѣихъ ихъ были худенькіе полушубки, худые лапти, Сысойко надѣлъ на руки Апроськи свои рукавицы и положилъ ей на грудь ковригу хлѣба. Въ этотъ же день Пила съ женой, дѣтьми и Сысойкомъ, положивъ гробъ на Пилины дровни, отправились въ село. Гробъ

былъ прикрытъ досками и обвязанъ веревкой. На немъ сидѣли Пила и Сысойко. На Сысойковыхъ дровняхъ, запряженныхъ въ Сысойкову лошадь, ѣхали Матрена, Павелъ, Иванъ и Тюнька.

Дорогой Пила уговаривалъ Сысойку идти бурлачить. Сысойко ругался, и наконецъ понялъ, что въ деревнѣ ему тошно жить, согласился идти съ Пилой туда, гдѣ хлѣба много. Только какъ же безъ Апроськи?

— Ужь не воротишь. Жалко, а нештò дѣлать, говорилъ Пила, вздыхая.

— У, Апроська! стерво ты... лѣшій!... вскричалъ со злостію Сысойко. Ему слишкомъ было обидно, что Апроська померла.

Дьячокъ удивился, когда увидалъ передъ своимъ домомъ подлиповцевъ.

Этотъ день былъ теплый, какихъ въ этомъ краю мало бываетъ зимой. Солнце грѣло, съ крышъ капало, вѣтру не было. Пила подумалъ, что лѣто скоро.

— Гли, Сысойко, солнце-то! говорилъ Пила весело, указывая на солнце. — Лѣто тожно скоро... Ишь какъ баско.

Сысойку это не порадовало, а возмутило. Онъ все думалъ объ Апроськѣ.

— А пошто она издохла!... Пошто? вскричалъ Сысойко.

— Пошто? спросилъ и Пила, и ему тоже обидно сдѣлалось.

Вышелъ дьячокъ: — ну что, братцы?

— Што. Знамо што... сказалъ Пила съ сердцемъ. Онъ и Сысойко теперь походили на звѣрей; вокругъ нихъ собралось много крестьянъ, которымъ Матрена и Павелъ толковали, какъ померла Апроська, и которые жалѣли и умершихъ, и Матрену.

— Кто опять умеръ? спросилъ дьячокъ.

— Кто? Какъ бы не ты, жива бы Апроська-то была... ворчалъ Пила.

— Ну полно, Пила... Она теперь покойная...

— Знамо... Зажмурила шары-те. Отъ того и померла...

Крестьяне между тѣмъ съ участіемъ распрашивали Матрену и Сысойку, отчего умерла Апроська.

— Ступайте въ церковь, я сейчасъ буду. Священникъ ушелъ къ становому, крестьяне по своимъ домамъ, а Пила и Сысойко поѣхали къ церкви. Церковь была отперта сторожемъ. Поставивши гробъ среди церкви, Пила и Сысойко съ Павломъ и Иваномъ отправились на кладбище.

— Неужли тутъ все люди? спросилъ Сысойко.

— А кто не то. А ты помнишь, гдѣ отецъ-то твой лежитъ?

— Кто ево знаетъ!

— А вонъ на той сторонѣ, — туда и пойдемъ копать; а вонъ тамо ребята.

Пила и Сысойко отгребли снѣгъ, потомъ топорами прорубили неглубокую яму. Эта работа продолжалась съ часъ, до тѣхъ поръ, пока за ними не прибѣжалъ сторожъ.

Въ церкви священникъ и дьячокъ начинали уже отпѣванье. Дьячокъ стоялъ около священника, на которомъ была надѣта ветхая риза. Въ рукахъ у священника было кадило. Въ церкви теплилась одна лампада и горѣли двѣ свѣчки. Гробъ былъ открытъ. Пила и Сысойко стояли около гроба и смотрѣли на Апроську. Они не молились, а думали; жалко имъ было и досадно, что Апроська умерла, что ее въ землю скоро зароютъ; а какъ да старуха-то съѣстъ ее?...

— Надо бы другой гробъ-то? сказалъ Сысойко.

— Поздо ужъ.

Пилу и прежде и теперь одно занимало: зачѣмъ это священникъ какой-то штукой съ дымомъ такимъ баскимъ машетъ? Это занимало и дѣтей его, и Сысойку.

— Батшко, ты не хлесни Апроську-то, сказалъ Пила.

Священникъ молчалъ.

— Право, брось! Ишшо вырвется...

Священникъ сталъ убѣждать Пилу, что онъ дѣлаетъ нехорошо, что это такъ закономъ установлено. Наконецъ, священникъ кончилъ отпѣванье, посыпалъ трупы землей и велѣлъ подлиповцамъ нести гробъ.

Съ полчаса Пила возился съ Сысойкою. Сысойко просилъ еще посмотрѣть на Апроську, а Пила хочетъ закрыть гробъ и увязать веревкой.

— Пила! я ошшо погляшу!

— Ишшо не наглядѣлся!

— Пила, я Апроськѣ носъ откушу!...

— А это вишь! Пила показалъ Сысойкѣ кулакъ.

— Пра, откушу!

— Не тронь!

— Дай?!

Сысойко расцапался съ Пилой. Дьячокъ и сторожъ выпроводили подлиповцевъ изъ церкви и съ двумя крестьянами вытащили гробъ на улицу.

На кладбищѣ Пила увязалъ гробъ веревкой, покопалъ еще яму и съ Сысойкой и ребятами опустили гробъ въ яму.

— Пила, дай погляжу!

— Ну ужь, развязывать не стану.

— Я завяжу.

Пила толкнулъ Сысойку и сталъ засыпать гробъ землей. Засыпавъ землей и снѣгомъ

яму, Пила и Сысойко воткнули въ курганъ два топора.

— Нà, Апроська!... Не жалуйся, што обижали тебя... Дѣти Пилы ушли къ матери за церковную ограду. Матрена не пошла на кладбище; она плакала у церкви.

Пила и Сысойко съ полчаса стояли у кургана. Они большую часть времени молчали, смотрѣли на топоры; жалко имъ топоровъ-то, а можетъ Апроськѣ понадобятся они. Надо бы съ ней положить... «Вѣдь вотъ Апроська-то жила, жила, а теперь лежитъ вотъ тутъ»... говорилъ Пила и плакалъ.

— Какъ бы ее старуха не съѣла. Пошто же это въ землю-то зарыли? говорилъ Сысойко.

— Пошто! што съ ней, мертвой-то?

— А мы возьмемъ, уволокемъ!

— Нуко возьми!.. Ужъ теперь ихъ нѣтъ тута.

— Вре?!

— Попъ баетъ, улетѣли!

— Ахъ, ватаракша! да мы зарыли-то, не попъ?

— Ну, баетъ, какъ зароемъ — и тютю...

Вдругъ Сысойкѣ послышался стонъ изъ земли, онъ пустился бѣжать и, запнувшись о пень, упалъ.

— Экъ те бросило! захохоталъ Пила.

— Пишшитъ!.. Ай, пишшитъ!! кричалъ Сысойко.

Пила струсилъ. — Кто пишшитъ? крикнулъ онъ.

Пила услыхалъ изъ могилы стонъ и стукъ... Пилу морозомъ обдало, онъ не могъ двинуться съ мѣста... Изъ могилы раздался еще глухой протяжный стонъ, похожій на визгъ. Пила побѣжалъ. Добѣжавъ до воротъ, онъ закричалъ: «Сысойко! бѣда!» Сысойко лежалъ на своемъ мѣстѣ, боясь встать... Ему слышался еще стонъ. Пила тоже не шелъ къ Сысойкѣ. Оправившись отъ испуга, онъ сжалъ кулаки и сталъ ворчать: попишши ты у меня! Я те ужо... Экъ те взяло!.. Сысойко!

Сысойко опять пустился бѣжать и, прибѣжавъ къ Пилѣ, кричалъ: ай бѣда! пишшитъ! все пишшитъ...

— И теперь?

— Теперь... Сысойкѣ и теперь казалось, что пишшитъ. Пила уже не слышалъ стона.

— Кто же пишшитъ-то?.. Витеръ? спрашивалъ Пила.

— Апроська.

— Ужь молчалъ бы... Знаешь ты черну немочь.

— Апроська!

— Ну нѣтъ, Апроська улетѣла... Вотъ такъ штука!..

*

Обоихъ ихъ любопытство брало, что это за штука такая? Идти развѣ послушать, да боялись они, ихъ трясло.

— Ужь не Апроська ли? сказалъ вдругъ Пила.

— Я тѣ баялъ...

— Подти туда?

Сысойко побѣжалъ за ограду, Пила пошелъ за нимъ.

— Лѣшій! право... чортъ! подемъ, поглядимъ тамока, уговаривалъ Сысойку Пила.

Сысойко не шелъ.

Пила и Сысойко сказали объ этомъ Матренѣ и ребятамъ, и тѣ испугались. Сказали они и крестьянамъ, тѣ сначала не повѣрили, потомъ пошли на кладбище, но такъ какъ тамъ ничего уже не слыхали, то и обругали Пилу и Сысойку.

Предметъ любви Пилы и Сысойки—Апроська была живая похоронена. Интересно было бы знать, что бы сталось съ ними тогда, когда бы она пробудилась отъ летаргіи въ то время, какъ Пила ладилъ веревку обвязывать гробъ. Вѣроятно они разбѣжались бы, а можетъ быть, и убили бы ее.

VIII.

Послѣ зарытія Апроськи въ землю и послѣ слышаннаго Пилой и Сысойкомъ стона изъ

могилы горе обоихъ усилилось. Они ходили какъ полуумные, взбѣшенные, и какъ ни были глупы оба, но у обоихъ явилось въ ихъ мозгахъ сомнѣніе насчетъ смерти Апроськи. Оба они сильно любили Апроську.

Наконецъ, Пила и Сысойко увѣрились въ томъ, что Апроська умерла. Имъ сдѣлалось легче. «Апроська умерла, убилась. А я-то пошто живу!» думали Пила и Сысойко.

— Пила, заруби меня! сказалъ Сысойко.

— Э!.. ты заруби.

Оба они думали о смерти; но все-таки обоимъ имъ казалось страшно умереть, обоимъ хотѣлось еще пожить...

— Поѣдемъ, Сысойко!.. Поѣдемъ, говорилъ Пила.

— Куда къ лѣшимъ?

— Бурлачить.

— Убей меня!..

— Богачество тамъ..., Ну, что въ деревнѣ? Апроськи нѣтъ! Эхъ, горе! Пила заплакалъ.

Сысойко изругался; въ ругани онъ хотѣлъ излить все зло на эту жизнь, — на все, чего онъ не понималъ...

— Пойди ты въ Подлипную... Ну, что тамъ? помремъ.

— Пойдемъ, Пила, пойдемъ, братанъ... Эхъ, Пила!!.

Горе обоихъ велико было. Для обоихъ міръ

этотъ казался тяжелымъ, невыносимымъ. У нихъ не было отрады. При всей бѣдности, безъ Апроськи, они думали: какъ жить теперь?

— Пойдемъ вмѣстѣ, сказалъ Сысойко... Веди, а въ Подлипную шабашъ!

— Ужь ты иди, не отставай... Сысойко! умри ты — бѣда мнѣ...

— Мнѣ тоже!..

До утра оба они не спали. Когда они заснули, то имъ померещилась Апроська съ искусанными руками, и они слышали откуда-то стонъ. Они спали не долго и, пробудившись, стали звать Матрену, Павла и Ивана въ городъ.

IX.

Когда была жива Апроська, Матренѣ было все равно, что есть у нея дочь; не будь дочери, Матренѣ было бы тоже все равно; есть человѣкъ—ладно, а впрочемъ пожалуй и не надо бы: хлѣбъ лишній идетъ; только ровно веселѣе съ дѣвкой-то, да и грудью ее Матрена кормила, какъ кормила и прочихъ дѣтей. Только въ этомъ и заключалась любовь матери къ дочери. Когда умерла Апроська, Матренѣ жалко стало ея, а почему жалко, она сама не могла понять. Она плакала, что не увидитъ уже Апроськи, не будетъ говорить

съ ней, и сама не знала, чего бы такого попросить у Бога, а только со слезами говорила: «Апроська померла!.. Ахъ, пошто ты померла?.. Пожила бы ты ошшо чуточку, поглядѣла бы я ошшо на красно солнышко...» Слова эти были заимствованы Матреной у другихъ женщинъ, плакавшихъ и причитавшихъ по усопшимъ, и все-таки они были искренніи, задушевныя; больше этихъ словъ Матрена ничего не придумала хорошаго. Матренѣ жалко стало Апроськи, а потому ей тоже не хотѣлось ѣхать въ деревню. Безъ Апроськи пусто теперь дома. Подумай Матрена объ этомъ при жизни Апроськи, представь себѣ то, что Апроська, какъ и всѣ, можетъ умереть, теперь бы ей не такъ жалко было Апроськи. Но Матрена никакъ объ этомъ не думала: она хотя и видѣла умершихъ женщинъ, но никакъ не могла представить себѣ того, что Апроська можетъ умереть; она не могла до сихъ поръ понять: что это такое дѣлается съ людьми, когда умираютъ, и зачѣмъ ихъ зарываютъ въ землю? Матрена даже не вѣрила, что и она можетъ умереть, а если говорила объ своей смерти, такъ только такъ себѣ, зря, и то когда сердилась. Скажи ей кто нибудь: и ты, Матрена, тоже помрешь, и тебя въ землю зароютъ, Матрена тому бы въ лицо плюнула и обругала бы...

Когда Пила сталъ звать Матрену бурлачить, она думала, что бурлачить — баско, и согласилась.

И такъ, подлиповцы, Пила съ женой и дѣтьми и Сысойко, отправились бурлачить.

X.

Подлиповцы прiѣхали въ городъ часу въ пятомъ вечера. Они остановились у содержателя постоялаго двора, Терентьича. Терентьичъ зналъ Пилу, который часто прислуживалъ ему, и потому пустилъ подлиповцевъ даромъ. Кромѣ подлиповскихъ лошадей, во дворѣ была только одна лошадь. Пила досталъ хозяйскаго сѣна, утащилъ изъ незапертой стайки овса и сталъ кормить лошадей. Подлиповцы отправились въ избу. Въ ней было до двадцати мужиковъ: пермяковъ, черемисовъ и вотяковъ. Половина изъ нихъ лежали на печкѣ, на полатяхъ и на лавкахъ, половина сидѣли за большимъ столомъ и хлебали что-то въ родѣ щей. Въ избѣ не было огня, хотя было очень темно.

— Богъ нà-помочь! сказалъ Пила.

— Ладно. Ты откедова? спросили его сидящiе за столомъ.

— Подлипную знаешь?

— Кто те знаетъ. Вячкой или Чердынскiй?

— Чердынскiй.

— Колдунъ, ребя!

Пила подумалъ: «сдѣлаю я съ вами штуку».

— Экъ васъ сколь! Бурлачить?

— Бурлачить.

— Э!

— А эта баба-то тоже?

— Тоже.

— Бабъ, баютъ, не берутъ.

— Ее возьмутъ... Она килы садитъ.

Сидѣвшіе за столомъ вытаращили глаза на Матрену.

— Вѣрьте вы ему, ватаракшѣ... Онъ вонъ Апроську уморилъ! ворчала Матрена.

— Слышь, бѣда!.. чурайся! наше мѣсто свято!.. шептались мужики.

Пилу манилъ запахъ щей, и онъ подошелъ къ столу.

— Экую ты гомзулю-то взялъ!.. Смотри, обтрескаешься! сказалъ Пила одному мужику, оплетавшему большой ломоть хлѣба. Мужикъ спряталъ кусокъ за пазуху. Четыре мужика вылѣзли изъ-за стола, за ними вышли и прочіе.

— Экой лѣшой, и ись-то не даетъ!

— Шаркни его по башкѣ-то.

— Топоромъ ево! кричали мужики.

— Садись, Сысойко. За столъ усѣлись всѣ подлиповцы — Пила, Сысойко, Матрена съ Тюнькой, Павелъ и Иванъ.

Мужики боялись Пилы и Матрены. Они

давнонаслышались, что всѣ чердынскіе крестьяне колдуны, а колдунъ, по ихъ понятіямъ, опасный человѣкъ, да и не человѣкъ, а чортъ не чортъ, что-то особенное: и человѣкомъ ходитъ, и невидимкой дѣлается, съ нечистой силой знается, медвѣдемъ бѣгаетъ, сорокой летаетъ и проч. и проч... Не спавшіе мужики стали смотрѣть на Пилу и Матрену, сидѣвшіе за столомъ и вышедшіе изъ-за него стояли у печки и у порога, доѣдая куски хлѣба, и молча смотрѣли на подлиповцевъ, ожидая какого нибудь чуда.

Пила, его семейство и Сысойко принялись доѣдать лежащій на столѣ хлѣбъ и налитые въ большую чашку скоромные щи.

— А ты напередъ заплати деньги, тогда и распоряжайся, сказала хозяйка и утащила чашку со щами.

— Заплачу, сказалъ Пила.

— Заплатишь ты! Сколько ѣлъ, а все не платилъ.

— А ты погляди, кто у те въ чашкѣ-то сидитъ?

— Кто сидитъ? спросила хозяйка.

— Дай сюды, покажу! Пила подошелъ къ хозяйкѣ.

— Что ты врешь?

— Ослѣпла! Гляди, мышь!

— Ахъ вы, погань экая!... сказала хозяй-

ка.—Вы и хлѣбъ-то весь испоганите. Она хотѣла взять хлѣбъ, но Пила сказалъ ей, что въ ковригѣ лапка чья-то видится. Хозяйка прижалась къ печкѣ и стала смотрѣть на подлиповцевъ, какъ они охобачивали хлѣбъ. Щей ужь не было. Мужики дивились.

— Ишь, Якуня Ваня, што дiѐтся!

— Подемъ!

— Ты учись, научитъ...

Такъ толковали мужики.

— А я ишшо не то сдѣлаю, бахвалился Пила.

— Ой!

— Подемъ, ребя!

— Айда. Стоявшiе мужики ушли.

Хозяйка вѣрила всѣмъ предразсудкамъ и страшно боялась колдуновъ. Пилу она и прежде считала за колдуна, потому что онъ хитрилъ надъ мужиками и возилъ съ собой какiя-то травы, которыя и ей давалъ. Увидѣвъ теперь, что его испугались мужики, она тоже струсила. Хотѣла скликать мужа-хозяина, но въ то же время ей хотѣлось выслужиться и Пилѣ.

— А ты килы садишь?

— Эво! Тебѣ штоли надо?

— Не мнѣ, а Терентьихѣ. Проходу мнѣ нѣтъ отъ нея; все говоритъ: ужь какова̀ нибудь, да буду я тебѣ!

— А много ли дашь?

— Да денегъ-то нѣтъ...

— Кормить станешь?

— Ладно, только сдѣлай килу.

— Ужъ сдѣлаю!

Мужики съ печки, полатей и лежащіе на лавкахъ слушали Пилу и переговаривались между собой.

Сытно наѣлись подлиповцы. Цѣлую ковригу съѣли.

— Што, Сысойко, наѣлся?

— Баско! Ошшо бы...

— Нѣту болѣ, сказала хозяйка.

— Ну, таперь спать. Пила полѣзъ на полати.

— Убью! не ходи... закричалъ одинъ мужикъ.

— А ты гляди: кила у тебя на рожѣ-то! сказалъ Пила. Мужикъ испугался и ушелъ съ полатей, за нимъ ушли и прочіе. Они улеглись на полъ. Подлиповцы залѣзли на полати и расположились спать, не раздѣваясь, такъ же, какъ и прочіе мужики.

— Учись, Сысойко! всему научу, хвастался Пила.

— Ты врешь все.

— Хошь килу?

— Нѣтъ.

— То-то... Ужъ я, братъ, што захочу, все сдѣлаю.

— А зачѣмъ Апроська померла?..

— Такъ ты колдунъ? спросилъ одинъ мужикъ съ печи.

— Колдунъ.

— Глиже! У насъ тоже есть колдунъ; што захочетъ, такъ и будетъ. Баба есть такая, въ трубу вылетаетъ.

— А вотъ эта баба-то—бѣда! сказалъ Пила про Матрену.

— Ой-ли?

— Вѣрь ты ему, варнаку! отплюнулась Матрена.

— А ты молчи! крикнулъ на нее Пила.

— Што молчать-то!.. Матрена знала, что Пила не колдунъ; а впрочемъ кто его знаетъ. Пила слишкомъ заврался.

— Ребя, бабы-то нѣтъ ужь!

— Ой!

— Улетѣла! А ты молчи! шепнулъ Пила Матренѣ, которая лежала у стѣны.

Мужики струсили. — Какъ улетѣла? спросили они, а заглянуть на полати боялись.

— Да она откедова?

— Кто ее знаетъ. Сѣла ко мнѣ на лошадь; вези, говоритъ...

— А ты бы ее топоромъ, топоромъ, такъ бы и хлесталъ.

— Билъ — не беретъ...

— Куды же она улетѣла?

— А кто ее знатъ. Она вонъ къ ейной бабѣ улетѣла.

— Это къ Терентьихѣ? спросила хозяйка, дрожащая отъ страха.

— Къ ей!

— Слава тѣ Господи!

— А ты зачурайся, сказалъ хозяйкѣ одинъ мужикъ, лежащій на полу.

Подлиповцы стали засыпать. На полатяхъ было такъ тепло, что подлиповцы ни за что бы не сошли и спали бы долго, долго. Они уснули скоро. Во снѣ имъ мерещилась Апроська, и они часто кричали со сна: «Апроська! пишшитъ!» Мужики, бывшіе въ избѣ, долго еще толковали насчетъ Пилы и разсказывали разные случаи объ колдунахъ, слышанные ими отъ людей.

— Недавно, говорилъ одинъ: — у насъ, значитъ, свадьба была. Баско гуляли. Ладно. Вотъ и появись колдунья, и запѣла по куричьи: съѣмъ, баетъ... Бѣда! Такъ и бѣгатъ за бабами! Ну, и драло всѣ, а кто на печку залѣзъ да кринки на голову и посдѣвалъ... Она, будь проклята, и давай кринки на полъ кидать, кою броситъ, и разобьется... Ужасти! Мужики крестились и охали.

— Это што, говорилъ другой. — Вячки-те лучше вашихъ чердынскихъ. У насъ, братчи, колдунъ издохъ. Какъ ноць, и перевернетца

и побѣжитъ, и побѣжитъ!.. Привезли ево въ черковь, черковный пѣунъ и давай отцытывать, а попъ и давай махальничей махать. Махалъ, махалъ долго, а колдунъ и давай зубами цакать... Пѣунъ побѣгъ; а попъ и хлобысни колдуна-то цитальницей... Колдунъ и померъ.

— У васъ што въ Вяткѣ-то. У насъ лучше есть...

Лежавшимъ на печкѣ не спалось. Одинъ изъ нихъ досталъ огня на лучину, всѣ четверо, лежавшіе на печкѣ, заглянули на полати: тамъ всѣ подлиповцы храпятъ, и Пила тутъ, и Матрена тутъ.

— А баба-то прилетѣла!

— Хлобысни бабу-то!

— Ты хлобысни...

Пила въ это время проснулся, взглянулъ... Мужики испугались и слѣзли съ печки... Пила слѣзъ на печку и уснулъ на ней одинъ. Онъ спалъ лучше всѣхъ.

Подлиповцы пробудились на другой день поздно. Хотѣлось имъ еще поспать, да хозяинъ сказалъ, что у нихъ одной лошади нѣтъ. Пила и Сысойко соскочили, одинъ съ печки, другой съ полатей, вышли во дворъ; дѣйствительно, не было лошади Пилы съ дровнями и двумя топорами.

Пила выругалъ хозяина, говоря: ты укралъ

мою лошадь. Хозяинъ тоже выругалъ Пилу, говоря, что лошадь укралъ не онъ, а навѣрное мужики, ушедшіе изъ избы вечеромъ. Пила пошелъ съ Сысойкомъ по городу отыскивать свою лошадь. Но городъ не Подлипная; въ городѣ скорѣе заблудишься, нежели отыщешь лошадь. Пила вошелъ въ сосѣдній съ постоялымъ дворомъ дворъ, тамъ кучеръ выругалъ его и погрозилъ отправить въ полицію; въ третьемъ онъ натолкнулся на какого-то барина, баринъ прикрикнулъ на него... Пила постоялъ на улицѣ, подумалъ, куда идти искать? «Пропала лошадь, не найдешь. Вотъ если бы я колдунъ былъ, ужь не украли бы лошадь». Ворчалъ Пила. Горе его велико было, лошадь — товарищъ крестьянина. Куда онъ теперь дѣнется безъ лошади, пожалуй и бурлачить нельзя. «Оказія! Ахъ воры!.. И смерти-то на васъ нѣтъ...» Изругался Пила сильно; долго ругался, ругалъ и Матрену, и Сысойка, и мужиковъ, и Апроську выругалъ, а лошади не отыскалъ.

По дорогѣ шли вчерашніе мужики.

— Вонъ онъ, колдунъ-то! сказали нѣсколько мужиковъ.

Пила выругалъ ихъ.

— Ишь онъ, чортъ-то! Видно мяконькихъ наклали.

Пила опять выругалъ ихъ.—Лошадь украли! крикнулъ онъ.

Мужики захохотали. Пила бросился на мужиковъ, какъ медвѣдь: одного сшибъ съ ногъ, другаго повалилъ на снѣгъ, третьему носъ разбилъ... Мужики разбѣжались отъ него.

— Смѣшно, лѣшіе?... лошадь украли, дьяволы!.. ругался Пила.

Пошелъ онъ опять на постоялый дворъ. Тамъ было шесть мужиковъ. Пила все ругался.

— А ты не ругайся, и мы ругаться-то мастаки... Тебѣ нашто лошадь-то? Въ бурлаки съ лошадями не берутъ, — не нужно. А ты вотъ продай эту. Пила еще хуже заругался. Мужики стали сбивать Сысойко продать лошадь.—Ты то пойми, какая у те лошадь-то: ишь худая, того и гляди, издохнетъ. А ты продай.

— Ты свою заведи да продай, ворчитъ Пила.

— Были онѣ, свои-то, да тоже продали.

— Што ты, собака, присталъ: — продай да продай!

— А посмотри завтра, и этой не будетъ.

Однако мужики сбили Пилу.

— Ты врешь, што лошадь не надо? спросилъ Пила, понявъ, что имъ не чѣмъ будетъ кормить лошадь.

— Што врать-то, дѣло говорю. — Рубля три дадутъ...

— Экой прыткой... Пять давай! Пила больше пяти рублей не зналъ счету: для него пять рублей уже богачество было.

— Не продамъ! сказалъ Сысойко.

— А оно гоже, Сысойко, толкуютъ! — Лошадь-то того и гляди издохнетъ; ужь моя ходила чуть чуть, а эта ишь какая пигалица, самому ошшо надо везти.

Пила и Сысойко рѣшили продать лошадь и тутъ же продали одному крестьянину за три рубля. Получивши два рубля, Пила и Сысойко поѣхали съ крестьяниномъ въ питейную лавочку. У питейной лавочки стояло съ пятнадцать мужиковъ.

— Эй ты, лѣшой! Гдѣ баба то? спросилъ Пилу мужикъ, спавшій въ постоялой избѣ.

— Што баба... Вотъ лошадь украли.

— А я, баетъ, колдунъ.

— Поговори ты у меня шароглазый песъ!

Мужики осмѣяли Пилу. Пила обругалъ ихъ.

Въ питейной лавочкѣ пили водку три мужика. Крестьянинъ, купившій Сысойкину лошадь, поставилъ полштофа водки и сталъ подчивать подлиповцевъ. Сысойко никогда не пивалъ еще водки, со стакана его разобрало. Въ лавочку вошло еще человѣкъ шесть. Попойка продолжалась съ часъ; Пила, захмѣлѣвъ, пропоилъ еще рубль. Мужики стали пѣть и плясать и кричали до ночи, когда ихъ

вытолкали на улицу. Мужики орали пѣсни или разсуждали о бурлачествѣ.

— Баско бурлачить! замѣтилъ Сысойко, уже пьяный, поддерживаемый Пилой, который тоже пошатывался впередъ и назадъ, направо и налѣво.

— Баско, отвѣтилъ одинъ мужикъ.

— А што дѣлать-то? спросилъ Пила.

— Плыть. Рѣки эво какіе! — Большущіе, пребольшущіе.

— Лиже ты! А близко?

— Далеко. Теперь будетъ Соликамско городъ, потомъ Усолье городъ, Дедюхино...

— Вре!

— Пра. Тамъ Чусова рѣка, Кама матушка... Вотъ дакъ рѣка! А тамъ, баютъ, Волга, супротивъ той Кама што! А идетъ она съ тово свѣту и конца ей нѣту...

— На ней, баютъ, атаманъ Ермакъ,—силища у него у! какая была! онъ, баютъ, города бралъ; никто ему не смогъ перечить...

— А тамъ люди-то есть же? спросилъ Пила.

— Есть, да иные, баютъ.

— Вотъ, Сысойко, куда мы подемъ! — Ты мнѣ долженъ спасибо сказывать, каракуля ты экая... говорилъ Пила.

Пила и Сысойко отстали отъ мужиковъ, шли кое-какъ; Пила хвалился тѣмъ, что онъ сила и колдунъ, Сысойко почти спалъ и толь-

ко нукалъ да эвалъ. Шагъ за шагомъ ноги обоимъ измѣняли и они, разсудивъ, что лучше тутъ уснуть, улеглись середи дороги, и въ первый разъ въ жизни забывъ о житейскихъ дрязгахъ, о своемъ горѣ, уснули въ обнимку. За то утромъ они проснулись въ мѣстѣ грязномъ, мѣстѣ прохладномъ и душномъ, среди незнакомыхъ лицъ, мужиковъ и какихъ-то, «кто ихъ знаетъ какихъ» людей...

Благодѣтельная полиція сжалилась надъ подлиповцами, спавшими середи улицы на дорогѣ, и стащила ихъ въ чижовку.

XI.

Пила и Сысойко никакъ не могли понять, гдѣ они, и что это за люди такіе. Помнятъ они, что были въ кабакѣ, а какъ сюда забрались? Они даже струсили: ужь не на тотъ ли свѣтъ они забрались, ужь не бурлачество ли это? Пошелъ Пила къ дверямъ, двери заперты. Пила удивился. Люди его забавляли: они говорили такія слова, что Пилѣ смѣшно стало. Спросилъ онъ ихъ: — а што, бурлачество это? Тѣ осмѣяли его. Пила ихъ выругалъ и улегся опять на полъ около Сысойка.

— А баско, Сысойко. Спи знай, ишь сколь людей-то, и люди-то все какіе-то вострoглазые. Пила и Сысойко уснули. Однако имъ не

позволили долго нѣжиться. Пришелъ въ чижовку квартальный съ казаками и растолкалъ ихъ ногами. Пила и Сысойко испугались и встали.

— Кто вы такіе? крикнулъ на нихъ квартальный. Пила струсилъ.

— Мы-те? спросилъ онъ.

— Да что ты, скотина, не отвѣчаешь?

— А ты знашъ Подлипную?

— Что?

— А ты не кричи! Экъ испугались!.. сказалъ Пила и пошелъ къ дверямъ. Квартальный ударилъ Пилу по лицу, Пила сталъ ругаться и полѣзъ въ драку...

— Въ острогъ его, каналью! Въ кандалы заковать! свирѣпѣлъ квартальный.

— Экъ испугались! Туды тоже и съ лапищами лѣзетъ!... Я, батъ, восемь медвѣдевъ убилъ.

Долго возились съ Пилой и Сысойкомъ солдаты: хочется солдатамъ кандалы надѣть на ноги подлиповцевъ; а они ругаются; одному солдату такую затрещину далъ Пила, что тотъ и свѣту божьяго не взвидѣлъ. Солдаты связали имъ руки, но и тутъ Сысойко укусилъ одному солдату руку. Подлиповцевъ вытолкали изъ полиціи и два дюжихъ солдата повели въ острогъ.

Пила и Сысойко никогда не видали аре-

стантовъ, не знали, что за острогъ, не понимали, что такое дѣлается съ ними. Впрочемъ, они струсили. Ужь не на смерть ли ихъ ведутъ. Пила боялся солдатъ.

— Поштенной, а поштенной, куды это мы? спросилъ Пила робко одного солдата.

— Куда? знамо въ острогъ.

— А это што?

— Не бывалъ коли, — увидишь. Заворовались, сволочи!

— Поругайся ты, востроглазый!

— Видно плута.

— Право, не ругайся, всего изобью. Пила рванулъ было руки, да руки крѣпко связаны назадъ. Пила чувствовалъ, что онъ ровно безъ рукъ сдѣлался. Онъ пошелъ въ сторону, за нимъ пошелъ и Сысойко.

— Куда! куда! закричали солдаты.

Пила и Сысойко пустились бѣжать. Солдаты ихъ догнали и избили. Пила и Сысойко ругались, ругали другъ друга.

— Баялъ я тѣ, не пойду! ворчалъ Сысойко.

— Молчи, пучеглазый! не ты бы, дакъ не пошелъ бы я.

— А ошшо баетъ: я колдунъ! Сысойко выругалъ Пилу. Пила плюнулъ въ лицо Сысойки, Сысойко тоже плюнулъ въ лицо Пилы.

— Смирно вы, дьяволы! закричалъ на нихъ одинъ солдатъ.

Пила и въ солдата плюнулъ... Солдатъ опять избилъ Пилу. Кое какъ солдаты довели подлиповцевъ до острога и сдали офицеру. Смотритель втолкнулъ ихъ въ большую избу, темную, сырую, холодную и грязную, съ удушливымъ запахомъ махорки. Руки имъ развязали.

— Ишь чортъ, куда попали! ворчалъ Сысойко.

— Молчи, собака, звѣрь ты эндовой, мохнорылый песъ!...

— Издохнешь, пиголица!...

— Тьфу... мохнорылый песъ! Пила плюнулъ въ лицо Сысойки, тотъ тоже плюнулъ. Завязалась драка. Ихъ оглушили хохотомъ тридцать человѣкъ арестантовъ съ кандалами, лежащихъ на нарахъ и подъ нарами. Двадцать арестантовъ окружили подлиповцевъ и розняли ихъ.

— Я восемь медвѣдевъ убилъ, а ты што? ругался Пила.

— Самъ я одново убилъ... Экой прыткой!

— Ай, да молодцы! Ну-ко ишшо? кричали арестанты.

— Што ишшо? Подойди, песъ! кричалъ Пила одному арестанту.

— Ты много ли душъ-то сгубилъ?

— За убійство знамо попался!

Пила схватилъ попавшійся подъ руки

ушатъ и поднялъ его въ порывѣ ярости, его облило чѣмъ-то вонючимъ. Всѣ хохотали, даже Сысойко смѣялся. Пила бросился на арестантовъ, Сысойко тоже бросился, но арестанты избили ихъ.

— Не хочу я знаться съ вамъ! сказалъ Пила. — Айда, Сысойко.

Пила пошелъ къ двери; двери были заперты. Пила сталъ стучать въ двери и услышалъ: что стучишь, сволочь? Сиди!

— Я тѣ дамъ, сиди! Пила и Сысойко, что есть мочи, стучали въ двери кулаками и метлой, валявшейся на полу.

— Храберъ! кричали арестанты.

— Ты, Сысойко, за меня держись .. Какъ отопрутъ, мы и выскочимъ, а то съѣдятъ здѣсь. Ишь какія рожи-то... Сысойко взялъ въ обѣ руки полы полушубка Пилы. Загремѣлъ замокъ, двери отворились, Пила и Сысойко выскочили. Но ихъ поймали. Смотритель ихъ жестоко отпоролъ розгами и втолкнулъ въ какую-то темную канурку. Пилѣ и Сысойкѣ такъ обидно сдѣлалось отъ боли и отъ всего, что было съ ними, что каждый изъ нихъ хотѣлъ что нибудь сдѣлать этимъ злымъ людямъ Оба они лежали вмѣстѣ на животахъ; руки были завязаны на спинѣ. Они не могли даже повернуться; такъ ихъ избили и истерзали!...

— Сысойко!... стоналъ Пила.

— Пила!... Охъ больно!...

— Ну, таперь помремъ... Пила началъ ругаться, Сысойко тоже, и оба страшно ругались и грызли рогожу, на которой лежали.

XII.

На другой день подлиповцевъ повели въ полицію. Пила и Сысойко шли молча, едва переступая отъ боли. Лица ихъ избиты; отъ ранъ на нихъ запеклась кровь.

— Экъ тебя избили! сказалъ жалобно Пила Сысойкѣ.

— И тебя, батъ, тоже, глаза-те у тебя эво какіе! а носъ-то—бѣда!... стоналъ Сысойко.

Не смотря на боль, обоихъ забавляли ружья солдатскія.

— Што же это торцытъ, Сысойко? Вострое — ножъ не ножъ?...

— А ты спроси!

— Нѣтъ, ты спроси.

— Боюсь, изобьютъ; ошшо пырнетъ востреемъ-то...

Пила не утерпѣлъ, спросилъ таки солдата: — а это, поштенный, што у те?

— Што што?

— А на ружьѣ-то торцытъ?

— Это ружье, а то штыкъ.

— Эво, не знаютъ што ли ружья-то! Медвѣдевъ вонъ ломомъ билъ, а рябковъ ружьемъ стрѣлялъ, знаю.

Солдаты хохотали: — будетъ вамъ жару и пару!

— Ошто?

— И какъ еще вздерутъ-то!

— А пошто?

— А за-то, не ходи пузато. Не дѣлай убійства.

Пила и Сысойко молчали.

Въ полиціи были городничій и судебный слѣдователь.

Въ присутствіе ввели Пилу одного.

Судебному слѣдователю жалко стало Пилу при видѣ его особы, избитой и худой. Ему сказали только, что есть два важныхъ преступника, которые бѣжали отъ стражи и были пойманы. Обстоятельство дѣла началось съ донесенія квартальнаго, который писалъ, что Пила и Сысойко валялись пьяные ночью на улицѣ, были приведены въ полицію и тамъ произвели буйство.

— Кто ты такой? спросилъ судебный слѣдователь Пилу.

Пила повалился въ ноги судебному слѣдователю. — Не губи, батшко! Вонъ корову увели, лошадь украли... Апроська померла... Всего избили... Смерть тожно скоро...

Городничій улыбнулся. — Притворяется, каналья!

— Встань! сказалъ слѣдователь. Когда Пила всталъ, слѣдователь велѣлъ развязать Пилѣ руки.

— Ты говори откровенно: кто ты такой?

— Чердынской.

— Крестьянинъ?

— Хресьянинъ.

— Какой деревни?

— Деревни Подлипной, обчество Чудиново.

— Чѣмъ занимаешься?

— А што дѣлать-то?... Хлѣбушка нѣтъ, кору ѣдимъ... Вонъ Сысойковы ребята померли, корову за нихъ увели... А тамъ Апроська померла, Сысойкова мать померла, я и пошелъ бурлачить... Вонъ Матренка съ ребятами у Терентьича на постояломъ живетъ... Пусти, батшко, бурлачить-то!.. Ослободи!...

— А какъ зовутъ тебя?

— Зовутъ меня Пила.

— Имя и отечество?

— Туто все: Пила родился, Пилой помру... Зовутъ еще Гаврилкомъ, да это только дразнятся, а Пила настоящее; всѣ такъ зовутъ: и попъ, и Терентьичъ здѣшній.

— Зачѣмъ ты драться лѣзъ?

— Гдѣ-ка?

— А какъ тебя пьянаго сюда привели и

какъ потомъ квартальный сталъ тебя спрашивать.

— Кто его знаетъ, кто онъ. Я съ Сысойкомъ лежалъ, а онъ съ архаровцами пришелъ и давай пинать меня, потомъ и хлеснулъ... А я, батъ, самъ восемь медвѣдевъ убилъ, никому не спущу... Больно прытокъ!... Ишшо не то ему сдѣлаю... Ишшо вотъ желѣзки, собака, надѣлъ...

— Ты не ругайся, а говори дѣло.

— Ужь какъ умѣю... А ужь не спущу... Вонъ архаровцы всего избили, а тамъ еще хлестать стали .. Бѣда!... Пила плакалъ.

— Онъ, кажется, невиноватъ, сказалъ слѣдователь городничему.

— Притворяется, собака.

Позвали квартальнаго. Какъ только вошелъ квартальный, Пила чуть не бросился на него. — Вотъ онъ, ватаракша! Ну-ко, подойди ко мнѣ! Подойди!

— Молчать! сказалъ городничій. Пила присмирѣлъ.

— Вы его привели въ полицію ночью? спросилъ слѣдователь квартальнаго.

— Казаки.

— Онъ говоритъ, вы его били.

— Ахъ онъ каналья! Онъ спалъ пьяный, я сталъ будить его и другаго, они ругаются. Сталъ спрашивать, кто они такіе, этотъ раз-

бойникъ и полѣзъ на меня. Я и велѣлъ заковать въ кандалы и отвести въ острогъ.

— Зачѣмъ?

— Да помилуйте, онъ всѣхъ перерѣжетъ!

— Ахъ ты востроглазый чортъ!... Я тѣ дамъ!!!. Ты меня бить-то сталъ, а ужъ тебѣ гдѣ со мной орудовать. На тебѣ и надѣто-то што!... Пиголица, право!

— Онъ вотъ и теперь ругается. Да онъ, можетъ быть, бѣглый какой нибудь.

— Есть у тебя паспортъ? спросилъ слѣдователь Пилу.

Пила не понималъ. — Это какъ?

— Получалъ ты когда нибудь паспортъ изъ волостнаго правленія?

— Какой прыткой! Поди-ко, возьми напередъ.

— Знаешь ты, что такое паспортъ?

— А пошто?

— Тебѣ не давали никакой бумаги?

— Нѣту!

Слѣдователь показалъ Пилѣ лежащій на столѣ паспортъ.

— Баско! осклабился Пила. — А ты дай мнѣ! Пилѣ понравился кружокъ съ орломъ на паспортѣ: — а это какая птича-то?

— Есть у тебя квитанція въ платежѣ податей?

Пила не понималъ этихъ словъ:—это опять какъ? спросилъ онъ.

— Платилъ ты подати?

— Самъ бы взялъ ошшо, да не даютъ, вонъ Христа ради пособираешь да купишь хлѣбушка. Экъ ты!...

Пила сдѣлался развязнѣе. Слѣдователь понравился ему.

— Вотъ што, поштенный, дай мнѣ хлѣбушка, Христа ради!.. Вотъ у меня Сысойко того и гляди помретъ; а Матрена съ ребятишками померла ужь поди.

— На что же ты пьянствовалъ?

— А я лошадь Сысойкову продалъ хресьянину; хресьянинъ и повелъ насъ, меня да Сысойка, въ кабакъ; хресьяна чужіе пришли, ну и пили... За лошадь два рубля получилъ, а какъ хватился въ томъ мѣстѣ, гдѣ меня впервые избили, и тю-тю денегъ...

Слѣдователь былъ человѣкъ молодой и понималъ дѣло. Ему жалко стало Пилу.

— Сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ онъ Пилу.

— Да вотъ поди лѣто скоро будетъ... Лѣтомъ-то баско...

— Неужели ты не знаешь себѣ лѣтъ?

— Прокуратъ ты, какъ я погляжу! Померъ бы я, да не могу... Вчера вотъ думалъ, совсѣмъ помру, а нѣтъ... Вонъ Апроська сперва померла... Ахъ дѣвка, дѣвка!.. Пила вспомнилъ, какъ онъ видѣлъ ее въ могилѣ.

— Кто она тебѣ?

— Дѣвка. Матрена родила.

Слѣдователю не разъ приводилось имѣть дѣло съ подобными крестьянами. По своей глупости они ни за что, ни про что попадали въ бѣду. Назадъ тому годъ до него, подобныхъ крестьянъ обвиняли въ разныхъ разностяхъ, приговаривали къ каторгѣ, и они, терпя наказанія и разныя муки, шли въ далекія страны, сами не зная, что съ ними дѣлается, и гибли, какъ гибнутъ измученныя животныя. Прежнимъ слѣдователямъ никакого не было дѣла до участи этихъ бѣдныхъ крестьянъ, имъ только нужно было скорѣе сдать дѣло въ судъ, который рѣшалъ по тѣмъ даннымъ, какія были въ дѣлѣ. Счастье Пилы, что его сталъ спрашивать не становой и не городничій, а такой слѣдователь, какихъ у насъ еще очень немного.

— Если ты окажешься правъ, мы отпустимъ тебя, сказалъ Пилѣ слѣдователь.

Пила повалился въ ноги слѣдователю... — Батшко! пусти скорѣ!.. Куды я безъ Сысойка дѣнусь, и его пусти, вѣдь вонъ тамъ парни ошшо. Пилу вывели въ прихожую.

Позвали Сысойка. Сысойко оказался еще глупѣе Пилы, говорилъ тоже, что и Пила. Онъ даже не зналъ своего настоящаго имени, а говорилъ: «я Сысойко,—и все тутъ».

Позвали Матрену и ребятъ Пилы. Тѣ раз-

сказали все, что умѣли и знали, а Матрена выла объ Апроськѣ. Хозяинъ постоялаго двора сказалъ, что онъ знаетъ Пилу нѣсколько лѣтъ, что онъ вреда не дѣлаетъ, а больно бѣденъ. Спросилъ слѣдователь и арестованныхъ при полиціи, тѣ показали, что квартальный первый ударилъ Пилу. Служащіе полиціи показали, что квартальный въ тотъ день былъ пьянъ. Пилу и Сысойка расковали и оставили при полиціи подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ донесенія отъ становаго пристава, завѣдывающаго Чудиновской волостью, о томъ, есть ли тамъ Пила и Сысойко, и какія настоящія ихъ имена.

XIII.

Въ полиціи Пила и Сысойко жили съ мѣсяцъ. Жили они въ небольшой комнатѣ, называемой чижовкой, грязной, съ тремя лавками, двумя небольшими окнами, съ рѣшотками и съ разбитыми стеклами въ рамахъ, заклеенными въ нѣсколькихъ мѣстахъ бумагою. Клоповъ, блохъ и вшей въ ней находилось безчисленное множество, и эти насѣкомыя то и дѣло, что насыщались кровью своихъ жертвъ — нѣсколькихъ человѣкъ, постоянно находящихся въ чижовкѣ. Иногда въ чижовкѣ было человѣкъ 10, иногда и 5. Люди

эти были большею частію пьяницы, найденные ночью на улицахъ полиціею, люди, нанесшіе обиды разнымъ подобнымъ же имъ людямъ, не платящіе долговъ, уличенные въ воровствѣ и разныхъ преступленіяхъ, которые сидѣли тутъ по недѣлямъ, а потомъ или препровождались въ острогъ, или выпускались.

Пилѣ и Сысойкѣ весело было съ этими людьми; но они все-таки имъ не нравились. Они поняли, что чижовка такое мѣсто, куда садятъ только «негожихъ людей, да и люди-то эти все ругаются, да говорятъ такія слова, что ужасти». Первую недѣлю Пила привыкалъ къ этой праздной жизни и удивлялся, какой это добрый человѣкъ носитъ имъ хлѣбъ, хоть и не свѣжій, а все же настоящій, и воду носитъ. Но когда онъ узналъ отъ солдата, что онъ подъ судомъ и хлѣбъ дается ему казенный или царскій и когда товарищи его надоѣли ему, онъ не залюбилъ эту чижовку и всѣхъ людей, которые въ ней жили, и постоянно ругался съ ними. Первымъ дѣломъ его храбрости въ чижовкѣ было то, что онъ согналъ съ одной лавки двухъ женщинъ и расположился съ Сысойкомъ на мѣсто ихъ. Это было на второй недѣлѣ ихъ заключенія. Всѣ они спали на полу въ своей одеждѣ, на своихъ кулакахъ, такъ какъ постлать и по-

ложить подъ голову нечего было, но привыкши спать на полатяхъ и понявъ, что спать на лавкѣ лучше, чѣмъ на полу, гдѣ постоянно ходятъ и наступаютъ на нихъ, Пила, во что бы то ни стало, задумалъ отнять одну лавку. Какъ онъ ни приступалъ, его не пускали на лавки и даже гнали, когда онъ садился. Но вотъ одна лавка опросталась: лежавшіе на ней арестованные были выпущены, и на ихъ мѣсто расположились двѣ молодыя женщины, обвинявшіяся въ воровствѣ. Пила узналъ, кто этѣ женщины, и не залюбилъ ихъ. Когда на другой день потребовали ихъ къ допросу, Пила и Сысойко тотчасъ заняли ихъ мѣсто. Замѣтивши это, другіе арестованные, перебивающіеся также, какъ и подлиповцы, обидѣлись.

— Вы, сволочи, зачѣмъ легли?

— А што?

— Тутъ занято, почище васъ есть.

— Поговори ты, собака!.. Мы, батъ, раньше тебя живемъ.

Какъ ихъ ни ругали арестованные, Пила и Сысойко только отругивались, а съ мѣста не шли.

Пришли женщины, и увидѣвъ, что имъ, кромѣ пола, лечь некуда, стали толкать Пилу и Сысойка. Тѣ притворились спящими. Когда

женщины потащили Пилу, Пила ударилъ одну изъ нихъ такъ, что та упала на полъ.

— Что ты, собака, дерешься?

— Што? Нуко подойди ошшо? Подойди!..

— Ты наше мѣсто занялъ.

— Я тѣ дамъ «занялъ»! Прытка больно!..

Въ чижовкѣ всѣ хохотали.

— Да пустите, черти! просили женщины.

Пила легъ лицомъ къ стѣнѣ и ворчитъ: я те пушшу, ватаракшу. Ты то пойми: за что мы-то сидимъ? Женщины стали ласкать Пилу.

— Какой ты хорошій! говорила одна.

— Я тѣ «хорошій»... Прытка больно!..

Одна женщина обняла Пилу.

Пила опять ударилъ ее. — Сказано, не тронь! и все тутъ! А съ тобой ужь не лягу, у меня вонъ Апроська была, а ты чужая...

. . . .

Подлиповцы каждый день топили печки въ полиціи и у городничаго; случалось, проводили по цѣлому дню въ кухнѣ городничаго, что нибудь работая. Дни эти были блаженные для нихъ: они были нѣсколько свободны, ихъ кормили щами, жаркимъ и даже кашей. Самъ городничій понялъ положеніе Пилы, тѣмъ болѣе, что жена его, Матрена, просила городничаго пустить ее въ чижовку жить съ ребятами. Они теперь жили у одной нищей за 15 к. въ мѣсяцъ и собирали Христа ради. Одна-

ко городничій не дозволилъ Матренѣ жить въ каталажкѣ, а погрозилъ отправить въ Подлипную.

Казаковъ и солдатъ подлиповцы не любили, но боялись ихъ; тѣ, зная о подлиповцахъ, обращались съ ними добрѣе, чѣмъ съ прочими арестованными, и часто шутили. По мнѣнію солдатъ и казаковъ, подлиповцы были очень глупы и дики; раздразнить ихъ ничего не стоило: осердившись, подлиповцы лѣзли драться на того, кто сердилъ; но не всѣ изъ солдатъ были такіе: одинъ изъ нихъ часто отговаривалъ подлиповцевъ отъ ругани и драки. Отъ этого же солдата они узнали, кого надо бояться, кого бить, кому какъ говорить, кому кланяться, кому нѣтъ. Подлиповцы узнали также, что ихъ становой и сельскій попъ еще не большія лица, а въ городѣ есть выше ихъ: исправникъ, городничій, судья, а надъ попомъ благочинный, и что надъ этими лицами еще есть старше, они живутъ въ губернскомъ городѣ и надъ тѣми тоже есть старшіе... Подлиповцы только дивились этому и плохо вѣрили. Говорили имъ также, что этотъ городъ не одинъ и земля велика; подлиповцы только смѣялись.

Въ продолженіи мѣсяца подлиповцы узнали больше, чѣмъ жили до этого времени; напримѣръ они узнали, что есть мѣста лучше

и хуже Подлипной, есть люди богатые и такіе, которыхъ ни за что обижаютъ и дѣлаютъ съ ними не силой, а чѣмъ-то инымъ все, что только захотятъ, какъ это было и съ ними: въ Подлипной они боялись только попа и становаго, а здѣсь многіе ихъ обидѣли, избили и отодрали, и теперь никуда не пускаютъ. Узнали, что такое паспорты; узнали также, что такъ жить, какъ жили они, нельзя, а нужно идти въ другое мѣсто. Пилѣ и Сысойкѣ опротивѣла не только деревня, село, но даже и городъ, и они задумали, какъ выпустятъ ихъ, тотчасъ же идти бурлачить и вести себя скромнѣе.

Наконецъ Пилу и Сысойко выпустили изъ полиціи.

— Куда теперь? спросилъ Сысойко Пилу.

— Знамо, бурлачить.

— Айда! А мы Пашку да Ваньку возьмемъ?

— Возьмемъ.

— И Матрену?

— А не то какъ? Ну, и времячко! и городокъ!.. Сколько бѣдъ-то!

— Одно къ одному и идетъ. Апроськи нѣтъ, пишшитъ поди стерво. Лошади тютю...

— А тамъ, баютъ, лучше.

— Опять бы бѣды не было?

Насобиравъ на дорогу хлѣба, купивъ на собранныя деньги два мѣшка и по двѣ пары

лаптей, подлиповцы съ Матреной и дѣтьми ея отправились бурлачить. Къ нимъ пристали еще четыре крестьянина Чердынскаго уѣзда, отправляющіеся бурлачить въ третій разъ.

XIV.

Подлиповцы и прочіе крестьяне очень бѣдно одѣты; но послѣдніе, по одеждѣ, все-таки нѣсколько богаче первыхъ. На нихъ надѣты овчинные полушубки, во многихъ мѣстахъ изодранные, зашитые сѣрыми нитками или дратвой, съ заплатами кожи, холста и синей нанки; подъ полушубкомъ видятся поддевка изъ толстой сермяги, также вѣроятно съ заплатами; на головахъ большія шапки изъ бараньей шкуры, тоже съ заплатами; на ногахъ новые лапти; мочальными бечевочками обвязаны сѣрые съ синими изъ нанки заплатами штаны, по колѣни не закрытые ничѣмъ; на рукахъ—или небольшія кожаныя рукавицы, тоже съ заплатами, но они не одни надѣты на руки: подъ ними есть варежки, когда-то связанныя изъ шерсти, а теперь обшитыя холстомъ,или большія собачьи рукавицы, т.е. сшитыя изъ бѣлыхъ собачьихъ шкуръ съ шерстью. Но Пила и Сысойко одѣты еще хуже; на нихъ полушубки изъ овечьей и телячь-

ей шкуръ, чуть чуть прикрывающіе колѣни. Полушубки эти распластаны во многихъ мѣстахъ, дыры ничѣмъ не зашиты, сквозь нихъ видятся сѣрыя изгребныя рубахи и грудь, такъ какъ у горла нѣтъ ни пуговицъ, ни крючковъ, и они опоясаны ниже пупа толстыми веревками. Отъ полушубковъ болтаются о колѣни клочки кожи. Шапки у нихъ изъ телячьихъ шкуръ тоже съ дырами, ничѣмъ не зашитыми; синіе штаны, обвязанные по колѣни веревками отъ худыхъ лаптей, тоже съ дырами, и свозь дыръ видно тѣло; лапти худые, изъ носковъ выглядываютъ онучи; рукавицъ не было ни у Пилы, ни у Сысойки: ихъ украли въ полиціи. Матрена была одѣта въ такой же полушубокъ, какъ и подлиповцы, такіе же лапти, съ тою только разницею, что колѣни ея прикрывала синяя изгребная рубаха, а на головѣ худенькій платокъ, подаренный ей въ городѣ. Матрена была опоясана веревкой, и за пазухой ея сидѣлъ трехгодовалый Тюнька. На рукахъ Матрены были варежки, такія же, какъ и у крестьянъ, шедшихъ съ ними. На Павлѣ и Иванѣ не было вовсе шерсти, а сверхъ худыхъ рубахъ надѣты сѣрыя поддевки, ноги и колѣна прикрывали тряпки, завязанныя бичевками отъ худыхъ лаптей; на рукахъ большія кожаныя рукавицы съ дырами, на головахъ шапки изъ

крѣпкаго войлока. У каждаго изъ нашихъ путешественниковъ болтается на спинѣ по котомкѣ съ хлѣбомъ, по парѣ или по двѣ пары лаптей; у Пилы, кромѣ этого, болтается еще вмѣстѣ съ лаптями худой сапогъ, найденный имъ въ городѣ гдѣ-то среди дороги, вѣроятно брошенный по негодности. Для чего взялъ Пила этотъ сапогъ, онъ и самъ не зналъ, а понравилось. «Баская штука-то! ужо продамъ!» говорилъ онъ и дѣйствительно продавалъ въ городѣ этотъ сапогъ, только никто его не взялъ.

Идутъ наши подлиповцы по большой дорогѣ, ухабистой и частью занесенной снѣгомъ; идутъ по сугробамъ и ругаются. Морозъ какъ на зло щиплетъ имъ и щеки, и колѣни, и пальцы ногъ и рукъ, и уши; хорошо еще, что по обѣимъ сторонамъ лѣсъ густой и высокій. Подлиповцы привыкли къ холоду и ихъ только злятъ проѣзжіе въ повозкахъ и съ дровами: нужно сворачивать въ сторону; а какъ своротилъ, такъ и увязъ въ снѣгу по колѣни, а гдѣ и больше. Больше всего доставалось Павлу и Ивану; они въ первый разъ въ жизни шли куда-то далеко; прежде они ѣздили на лошади, и хоть холодно имъ было, но все же не вязли въ снѣгу. Зачѣмъ это тятька и Сысойко коней продали? разсуждали они. Ѣхали бы мы, ѣхали баско; а то иди, иди,

конца нѣтъ... Они шли два часа и имъ показалось это долго, они устали; имъ щипало пальцы ногъ и рукъ, носы забѣлѣлись, уши тоже.

— Тятька, помру! кричалъ Павелъ.

— Тятька, не пойду! кричалъ Иванъ.

— Я вамъ дамъ! сказалъ Пила и обернулся назадъ. Жалко ему стало ребятъ.

— Што, щиплетъ?

— Аяй!

— Три носъ-то, да уши-те. Три хорошенько рукавицами-те! кричалъ одинъ крестьянинъ, а другой сталъ тереть Ивану щеки, носъ и уши.

— Ой, ноги щиплетъ! кричали Иванъ и Павелъ.

— Бѣги! впередъ бѣги, прыгай, тепло будетъ! Ребята пустились бѣжать и стали скакать.

— Ай мальчонки!

— Брать бы не надо.

— Што имъ въ деревнѣ-то дѣлать; помрутъ!

— Такъ оно. Гли, чтобы не замерзли!

— Не околіютъ.

Но и тутъ Пила отобралъ отъ Павла рукавицы и поэтому Павелъ отнималъ у Ивана рукавицы, Иванъ отнималъ ихъ въ свою очередь у Павла, — такъ что эта борьба смѣшила нашихъ путешественниковъ.

Лучше всѣхъ было Тюнькѣ. Ему тепло было на груди матери, а когда ему было холодно, то онъ плакалъ и кричалъ, а мать колотила его. Подлиповцы и товарищи ихъ шли большею частію молча. У всѣхъ была какая-то тяжелая, неопредѣленная дума, какая-то тоска и радость: всѣхъ тяготила мысль о прошедшемъ, радовало будущее, хотѣлось скорѣе получить богачество. Пила и Сысойко думали о прошедшемъ, объ своихъ горестяхъ и о томъ, что-то будетъ въ бурлачествѣ. Сколько проѣхало мимо нихъ повозокъ съ теплыми шубами! Подлиповцы имъ кланялись, снимая шапки и удивляясь звону колокольчиковъ, и долго стояли на одномъ мѣстѣ, глядя на удаляющуюся повозку. Сидѣвшіе въ повозкѣ не только не кланялись имъ, но и не глядѣли на нихъ. Они не знали, сколько потерпѣли горя Пила и Сысойко, не знали, что вся жизнь ихъ была одни лишенія, несчастія, горькія слезы; что они не могли оставаться въ своей деревнѣ; что имъ надоѣла своя родина, и вотъ они бѣгутъ отъ нужды, идутъ въ морозъ куда-то въ хорошее мѣсто, гдѣ будетъ имъ лучше, гдѣ будетъ много хлѣба, гдѣ они будутъ свободны... Далеко ли имъ идти, они не знаютъ, а ужъ коли пошли, пойдутъ таки, авось будетъ хорошо, а назадъ не зачѣмъ. Будь хоть тамъ богачество, — они назадъ не пойдутъ:

тамъ они лишились Апроськи, коровы, лошадей, тамъ ихъ избили и измучили...

Товарищи Пилы и Сысойки, уже не молодые люди, также ругались и также сѣтовали на свою горькую, безотрадную жизнь; имъ также опротивѣла своя деревня, и они вотъ уже третью зиму оставляютъ свои семейства на произволъ судьбы. Понятія ихъ были не лучше, чѣмъ у подлиповцевъ. Они разнились отъ подлиповцевъ только тѣмъ, что были люди уже бывалые, видали города, испытали бурлацкую жизнь, словомъ, были люди тертые. Какъ ни трудна была бурлацкая жизнь, все же она имъ казалась лучше, чѣмъ въ своей деревнѣ, гдѣ они жили только два мѣсяца въ году и скучали о бурлачествѣ. Теперь они рѣшились не ходить въ свои деревни, а жить въ городахъ на время зимы. Только жалко имъ было своихъ семействъ, но что же дѣлать: бабъ бурлачить не берутъ, а сыновья еще маленькіе. «Пусть сами идутъ добывать хлѣбъ», говорили они. Пила ихъ ругалъ за это, но крестьяне были своего убѣжденія: они уже обурлачились, стали отвыкать отъ бабъ и разныхъ удовольствій...

Вотъ что разсказывали подлиповцамъ эти крестьяне. — Спервоначалу баско. Турнутъ тебя на барку и заставятъ грести. Гребешь это, гребешь день и ночь, въ рубахѣ гре-

бешь... спотіешь, а барку несетъ по водѣ чуть чуть, потому, значитъ, желѣза въ ней много. Почнетъ витеръ, такъ барку-то и давай качать туды да сюды... А на Чусовой такъ наша барка, лѣтось, о камень хлобыснулась и потонула; одинъ бурлакъ, молодой парнюга, дай Богъ ему на томъ свѣтѣ баскую жизнь, потонулъ родной,—такъ и не искали; баютъ, послѣ вынырнулъ, да ужь мертвый... Насъ было много; робить заставили, значитъ вытаскивать желѣзо да барку, какъ воды меньше стало... Опосля ужь на другую барку сѣли... Плыли долго... Городовъ много видали... Чудеса. А какіе тамъ махины бѣгаютъ по водѣ-то, съ колесами, да съ печкой, трубища въ сажень, а гдѣ и больше... Пра! А какъ сцапаетъ двѣ, либо три огромнѣющіе махины, только безъ колесъ, и волокетъ такъ прытко и къ верху, и къ низу. Баско...Только трудновато на баркѣ-то, а все же ровно лучше. А таперь хлѣбъ тамъ какой есть: бѣлый, — чарскій, баютъ. Все бы ѣлъ да ѣлъ, дорого только... Какіе тамо яблоки да арбузы... Баско!.. Сладко тамъ!

Пила и Сысойко слушали и губы облизывали... Они во всемъ вѣрили товарищамъ и отъ души полюбили ихъ.

— А вы насъ туда и ведите!.. На самое такое мѣсто... говорилъ Пила.

— Ужъ приведемъ, спасибо скажешь... А назадъ ужь мы не подемъ, шабашъ!

— И мы не подемъ.

Наконецъ попалась имъ деревня. Всѣ они разбрелись по домамъ. Добрые хозяева, распросивъ ихъ, куда они идутъ, пустили ихъ на печки. Подлиповцы и товарищи ихъ, отогрѣвшись на печкахъ, закусивъ тѣмъ, что дали имъ хозяева, которые были немного позажиточнѣе подлиповцевъ, отправились опять въ путь.

Подлиповцы и ихъ товарищи пять дней шли, пять ночей спали въ деревняхъ, пять дней мерзли на холодѣ, оттирали свои щеки рукавицами и бѣгали по дорогѣ, отогрѣвая ноги, ругали холодъ, вѣтры и вьюгу, пять ночей отогрѣвались на печкахъ, а конца все нѣтъ. Пилу и Сысойко брало сомнѣніе: куды это они насъ ведутъ! часто спрашивали крестьянъ: а скоро придемъ!..

— Да теперь скоро Усолье, тамъ и возьмутъ насъ, отвѣчали имъ крестьяне.

Пила и Сысойко послѣ этого терпѣливо стали ждать конца и шли веселѣе. Деревни здѣсь попадались чаще, съ виду они были лучше чердынскихъ, и людей въ нихъ больше на улицѣ, и всѣ что нибудь да дѣлаютъ; то бревна распиливаютъ, то избу строятъ, то дрова куда-то да сѣно везутъ.

— Вотъ здѣсь баско!.. говорилъ Пила.

— И хлѣбъ-то здѣсь баскяе, говорилъ Сысойко.

Иванъ и Павелъ часто мерзли отъ холода; крѣпко ихъ пробивало вѣтромъ: часто они плакали, садились на дорогу; но Пила колотилъ ихъ и заставлялъ идти. Ребята шли и плакали... На шестой день они пришли въ Усолье.

XV.

Усолье большое село, расположенное на берегу рѣки Камы. Оно очень красиво на видъ: соляныя варницы его рисуются на берегу р. Камы; зимою строятся барки и баржи, весною рѣка оживаетъ; всюду съ отплытіемъ льда, снуютъ бѣдные мужики и спѣшатъ куда-то; сплавляются барки внизъ, пароходы, зимовавшіе на Камѣ, оживаютъ отъ своего сна, бѣгутъ къ низу одни, или потащутъ за собою баржи. Цѣль этихъ пароходовъ — дать пищу жителямъ. По мелководью Камы выше Усолья и, большею частію, по ненахожденію хорошихъ лоцмановъ, знающихъ Каму отъ Усолья до Чердыни, буксирные пароходы ходятъ отъ Перми только до Усолья, и то весной и до половины лѣта. Отъ Перми до Усолья только два пассажирскихъ

парохода. Сбытъ Усолья — соль, но соль постоянно сплавляется коноводками, большими барками, въ которыя помѣщаются десятки тысячъ пудовъ соли и которыя большею частію дѣйствуютъ лошадьми. Усолье богатое село; въ немъ живутъ зажиточные купцы; остальной людъ большею частію пробивается около варницъ Усольскихъ и Дедюхинскихъ—завода, находящагося вблизи отъ Усолья. Не смотря на то, что и въ Соликамскѣ есть варницы и въ 12 верстахъ отъ него стеклянный Ивановскій заводъ, городъ этотъ, какъ и Чердынь, бѣднѣе Усолья, потому что сбытъ всѣхъ матеріаловъ изъ него шлется въ Усолье, оттуда идетъ въ Пермь и дальше большею частію по рѣкѣ. Соликамскіе жители всегда закупаютъ въ Усольѣ хлѣбъ и другія необходимыя вещи.

Наши подлиповцы ротъ разинули, при видѣ хорошихъ домиковъ и особенно варницъ: все какіе-то столбы стоятъ, а промежъ ихъ, на верху, перекладины; дома большіе съ большими лѣстницами до самой крыши, мужчины и женщины по лѣстницамъ какіе-то мѣшки таскаютъ. Вездѣ народъ что нибудь дѣлаетъ: кто дрова, доски, бревна везетъ; бабы или ругаютъ мужчинъ, или поютъ звонко пѣсни, мужчины щиплютъ ихъ, онѣ визжатъ и колотятъ ихъ кулаками или мѣшками. Всю-

ду оживленіе, суетня, — иная жизнь, неизвѣстная доселѣ нашимъ подлиповцамъ...«Эко диво! Вотъ бы поробить!.. А это што? Ишь домина-то какая не широкая да высокая, а въ верху штука какая-то: то поднимется, то унырнетъ»...

— Это, братцы, соль добываютъ. Вишь ты эту махину-то, што штучка-то укурнется да вынырнетъ,—это насосъ, а столбы-те эти съ перекладинами тоже штучка... вишь перекладину-то: это жолобъ. Соль идетъ въ варницу.

— Вре!

— Пра! Только соль-то не такая, какую мы ѣдимъ, а черная; въ варницѣ,—вишь, гдѣ изъ трубы дымъ-то идетъ,—тамъ она варится и дѣлается бѣлой, настоящей солью.

— Лиже ты! Ахъ цуцело! Это соль-то, што на хлѣбъ сыплемъ! удивлялся Пила.

— Она и есть.

— Вре!

— Ну. А ты самъ погляди.

Товарищи повели подлиповцевъ въ насосъ. Тамъ четыре лошади, погоняемыя однимъ мальчуганомъ, шли кругомъ столба съ колесами. Колеса двигались, и ихъ много, большіе и маленькіе. Подлиповцы ничего не понимали, не понимали и товарищи ихъ, какъ соль добывается. — «Лихо, бать, колеса-те ворочаются, смотри, какіе большіе. Спереди-

то ровно ничего: то укурнется, то вынырнетъ какая-то штучка, а здѣсь вишь ты!...» разсуждали товарищи подлиповцевъ. Мальчуганъ погонялъ лошадей. «Эй вы черти! Пссю! Я васъ!» и онъ билъ ихъ палкой. Какъ должно быть скучно его занятіе погонять лошадей вокругъ столба цѣлый день, а можетъ быть и недѣлю?.. Павла и Ивана задоръ взялъ: имъ завидно стало. Обоимъ хотѣлось также погонять лошадей, какъ погонялъ этотъ мальчуганъ. Они пристали къ нему попросту, какъ къ обыкновенному деревенскому мальчугану. Мальчуганъ обругалъ ихъ. Подлиповцы вышли. Этотъ мальчуганъ былъ тертый калачъ, испытавшій нужду и горе съ дѣтства, человѣкъ заводскій; а нашъ заводскій мальчикъ не уступитъ взрослому заводскому человѣку, который толковѣе и злѣе крестьянина.

Заводскій человѣкъ больше золъ на свою судьбу, чѣмъ крестьянинъ. Крестьянинъ (я беру государственнаго) работаетъ на себя, сколько ему хочется; съ него требуютъ только подати, спрашиваютъ рекрута, да онъ долженъ понравиться, — т. е. удовлетворить становаго. Заводскій человѣкъ не то. Нанялся онъ въ рабочіе (я беру не то время, когда эти люди были крѣпостными и когда съ ними дѣлали, что хотѣли), назначили ему въ мѣсяцъ, поне-

дѣльно или поденно плату и говорятъ: вотъ тебѣ работа,—непремѣнно чтобы она была кончена. Не кончилъ работникъ къ сроку работу, или прогулялъ нѣсколько дней, т. е. почему нибудь не пришелъ на работу, ему не дадутъ жалованья. Если рабочій дѣлаетъ не такъ, и мастера замѣчаютъ, что онъ лѣнится, его прогоняютъ, не заплативъ платы. И такъ часто заводскому человѣку приходится искать работы долго и голодать, потому что онъ идти въ старое мѣсто боится; но куда пойдешь? какъ оставишь свое семейство, которое живетъ только имъ однимъ? И вотъ онъ за какую бы то ни было плату готовъ опять работать на томъ же заводѣ пусть дѣлаютъ, что хотятъ, а я буду робить»...Онъ работаетъ день, на ночь уходитъ домой въ надеждѣ, что получитъ деньги утромъ; не утромъ, а въ первомъ часу, прикащикъ, явившійся посмотрѣть, работаютъ ли люди, гонитъ отъ себя рабочихъ: прикащикъ человѣкъ богатый, онъ чувствуетъ, что онъ сила, что онъ все, что онъ имѣетъ рабовъ... а этимъ рабамъ ѣсть нечего, убиваются, ихъ жоны, голодаютъ дѣти!..

Вотъ почему рабочій человѣкъ ко всему относится съ ненавистью. Ни работа его не радуетъ, ни свое семейство; онъ всю жизнь свою мучится: онъ еще въ дѣтствѣ знаетъ, что онъ за человѣкъ, въ дѣтствѣ начинаетъ

привыкать къ работѣ, и наконецъ, поступивъ въ рабочіе, видитъ угнетеніе, его бьютъ... Ушелъ бы, да боится: онъ только и умѣетъ дрова рубить, да сѣно косить, да соль варить или что нибудь подобное, къ чему онъ пріучился еще съ восьми лѣтъ.

Всѣ заводскіе мальчики смышленѣе крестьянскихъ мальчиковъ: мальчикъ шести лѣтъ уже бѣгаетъ по заводскимъ улицамъ съ другими мальчиками, съ товарищами, не боится старшихъ; видя то, что дѣлаютъ старшіе и что особенно его забавляетъ и нравится ему, онъ дѣлаетъ то же сáмое одинъ или съ товарищами; онъ также ругается, какъ и взрослый, и кого ненавидятъ старшіе, того ненавидитъ и онъ.

Товарищи Пилы повели подлиповцевъ въ варницы. Въ варницѣ печь огромная; пламя въ ней такъ и разливается; жара нестерпимая, а мужики то и дѣло бросаютъ въ нее большущія полѣнья... «Диво! Откуда и лѣсу-то столь добыто? Вотъ бы тутъ остаться... тепло было бы, да вонъ и семь мужиковъ, сидя въ углу на землѣ, каждый оплетаетъ большія гомзули хлѣба, да что-то изъ большаго котла хлебаютъ...»

— Это што? спросилъ Пила одного работника, показывая рукой въ печь.

— Слѣпъ што ли?.. Ишь печь!

*

— Знамо; ровно, печь...

— Ну, и не спрашивай... Ково вамъ надо?

— Да мы такъ, поглядѣть, сказалъ одинъ товарищъ подлиповцевъ.

— Эка невидаль! Заставить бы васъ поробить, такъ покаялись бы

Пила не понималъ: что тутъ труднаго? ужь не горятъ ли тутъ люди. «Вонъ попъ баялъ какъ помрешь, такъ въ огонь, баетъ, турнутъ... и никогда, баетъ, не сгоришь. Вотъ этотъ огонь-то и есть...» Ему страшно сдѣлалось.

— Подемъ, ребя! Ошшо спалятъ! говорилъ Пила товарищамъ. Товарщи разговаривали съ рабочими.

— Ужь какъ трудновато. Не знаемъ—дрова въ кучу складывать, не знаемъ — бросать въ печь, говорилъ одинъ изъ работниковъ.

— Эй вы, черти! что встали? Помогай дрова таскать! кричалъ одинъ мужикъ, бросая въ варницу дрова, привезенныя на семи лошадяхъ. Подлиповцы съ товарищами стали бросать къ печкѣ дрова. Подлиповцы охотно работали, ихъ пробиралъ потъ, имъ хорошо показалось носить дрова и бросать ихъ въ кучу.

— Баско, Сысойко!... говорилъ Пила осклабляясь.

— Баско...

— Ты говори спасибо: не я, такъ съѣли бы тебя тамока.

— Ну ихъ къ церту на кулицки. А мы не пойдемъ отселева?..

— Коли бурлачество—баско... только лиже печь-то, огнища-то эво! Спалятъ ошшо...

— Нѣтъ ужь, въ друго мѣсто подемъ.

— А вы откелева? спрашивали между тѣмъ работники товарищей подлиповцевъ.

— А чердынскіе. Знашь Егорьевскую волость!

— Нѣтъ.

— А вы здѣшніе?

— Мы дедюхинскіе; прежъ казенные были, теперь вольные стали.

— И подать не платите?

— Кои года выслужили, не платятъ. А вы куда?

— Бурлачить.

— Плохо. Бурлачить, сказываютъ, нынѣ не то, что прежде. Пароходовъ много развелось. Вонъ прежде у насъ и заведенія такого не слыхали, а нынче пароходовъ много ходитъ, а тамъ въ губернскомъ пропасть ихъ.

Товарищи подлиповцевъ повели ихъ въ самую варницу. Тамъ въ огромномъ котлѣ, на подобіе ящика въ нѣсколько саженъ длины и ширины, что-то варилось, только видѣлась сѣдая пѣна, которую изрѣдка мѣшали рабочіе;

надъ котломъ разныя перекладины подѣланы да доски; на нихъ не то снѣгъ, не то что-то сѣрое и что-то каплетъ въ котелъ съ досокъ. Въ одномъ мѣстѣ рабочіе бросали лопатками пѣну на эти доски. Въ правомъ углу, при входѣ, изъ стѣны что-то .черное уставилось и отъ него жолобокъ къ котлу сдѣланъ. Сысойко дернулъ за кранъ; потекло черное, густое, небаско пахнетъ...

— Што же это? дивился Сысойко.

— Это разсолъ...

— Не замай! Што трогаешь! закричали на Сысойко работники и, оттолкнувши его, завернули кранъ. Пила и Сысойко пристали къ рабочимъ.

— Это штоже?

— А вы куда? Сюды нанимаетесь?

— Нѣтъ. Мы бурлачить.

— Ишь ты...

— А ты скажи: што это за штука? спрашивалъ Пила, указывая на котелъ.

— Это котелъ. Вотъ оттудова, гдѣ крантъ-то, что черное-то бѣжитъ, разсолъ сюда пускаемъ, онъ переваривается въ котлѣ-то, потому, значитъ, подъ котломъ-то печь... А это въ верху-то полати, тутъ соль дѣлается. Опосля она въ амбары сыплется.

— Такъ это соль-то и есть?

— Она и есть. Одинъ работникъ досталъ

съ полатей на лопату соли и показалъ подлиповцамъ: — вишь какая!

— А ты дай намъ соли-то?

Работникъ далъ. Пила склалъ ее въ мѣшокъ, въ которомъ былъ хлѣбъ.

— Да ты заверни чѣмъ нибудь соль-то, она хлѣбъ испортитъ.

— А пошто?

— Сырой сдѣлается.

Пила не зналъ, что дѣлать: неловко, какъ хлѣбъ испортится; «выбросить развѣ соль-ту», да жалко соли-то попуститься. «Дай лучше съѣдимъ». Подлиповцы расположились ѣсть хлѣбъ, посоливъ его круто солью, до того, что ѣсть вовсе нельзя было. Однако они соль эту ссыпали на другой кусокъ. Наѣвшись, подлиповцы еще попросили соли и завязали каждый, по ровной части, въ концы полъ своихъ полушубковъ, спросивъ предварительно: а ничего, не съѣстъ соль-та?...

Всему дивились подлиповцы въ варницѣ, все ихъ забавляло; хотѣлось имъ остаться тутъ, да товарищи торопили ихъ къ рѣкѣ. Они пошли. На берегу рѣки и на льду ея работались барки, полубарки и баржи крестьянами. Подлиповцы въ первый разъ видѣли все это.

— Видишь эти штуки? спросилъ одинъ товарищъ Пилу.

Пила посмотрѣлъ: домины не домины, а съ окнами, трубищи огромныя, по серединѣ ровно колеса.

Въ рѣкѣ стояли три парохода.

— Это вотъ барки; на нихъ мы и поплывемъ. А эти вотъ съ колесами-те то и есть, што мы баяли: больно прытко бѣгаетъ и волокетъ за собой много... много...

— Э, да ты прокуратъ! Ну какъ на колесахъ по водѣ бѣгать-то? Подико не знаютъ!..

— А такъ.

— Ну, не морочь. Вонъ я сколько разъ былъ на рѣкѣ Камѣ, такъ тамъ колесъ-то нѣту, а вонъ эдакія устроены, говорилъ Пила, показывая на одну лодку.

Всѣ подошли къ пароходу. Пила и Сысойко сначала боялись подойти.

— Не ходи близко, пырнетъ! говорилъ Пила Сысойкѣ.

— А ты подойди!

— Я подойду. А самъ ни съ мѣста. Однако, видя, что товарищи ихъ, Павелъ и Иванъ подошли близко, они спросили товарищей:

— А ничего, подойти-то можно?

— Можно, не укуситъ... Пила и Сысойко подошли.

—Онъ, братцы, желѣзный, говорилъ одинъ товарищъ.

— Вре?

— Пра! И какъ бѣжитъ — свиститъ..... ужасти!

— Ахъ чортъ! дивились Пила и Сысойко.— Какъ же онъ съ колесами? Да и колеса-то какія-то другія, а не наши... Тамъ поди лошадь гдѣ нибудь спрятана...

— Это вишь ты для виду колесо, а выходитъ, по здѣшнему, перья. Какъ пустятъ его, онъ и почнетъ загребать и почнетъ... да такъ скоро, мигнуть не успіешь.

— А пошто онъ теперь стоитъ?

— По то̀: рѣка замерзла. А какъ пройдетъ ледъ, онъ и побѣжитъ.

— А скоро?

— Когда тепло будетъ.

— А таперь побѣжитъ?

— Таперь нельзя, ишь привязанъ. Подлиповцы посмотрѣли на канатъ: толстая штука; имъ въ первый разъ приводилось видѣть подобную вещь. Они захохотали.

— Силенъ, собака. Ишь какую веревку-то на него надѣли... А какъ онъ да перегрызетъ?...

— Лѣтомъ убѣжитъ... Лѣтомъ, баютъ, онъ на цѣпи стоитъ: якорь такой съ цѣпью бросаютъ въ воду.

— Ахъ чортъ! ахъ лѣшій!

Долго дивились подлиповцы надъ парохо-

домъ и плохо поняли, что это за штука такая. Потомъ они пошли къ баркамъ.

— Это што? спросилъ Пила, указывая на большое пространство, занимаемое рѣкой.

— Это рѣка Кама.

— Вре! Да Кама и у насъ есть, только далеко, два дня ходу.

— Это все Кама.

— Экая цуцело!...

— Куда Богъ несетъ? спросили ихъ рабочіе.

— Бурлачить.

— На Чусовую пробираетесь?

— На Чусовую.

— А вы какіе?

— Чердынскіе.

— Такъ оно. У насъ есть чердынскіе.

— Кто?

— Да съ прокопьевской волости двое, да изъ чудиновской семеро.

— Ишь черти! А у васъ нѣтъ ли чего робить?

— Теперь нѣту. А вы на базаръ ступайте, тамъ много бурлаковъ. Баютъ, прикащикъ какой-то скоро будетъ нанимать на Чусовую.

— Ладно... А вы почемъ робите?

— Да рядились по пяти рублевъ, только опаска есть, какъ бы не обмишурились. Вонъ

въ прошлую зиму робили, робили, а получили только три рубля.

— А эти мальченки-то съ вамъ?

— Съ намъ.

— Ой не возьмутъ?

— Спехаю, говорилъ Пила про своихъ дѣтей. Подлиповцы съ товарищами пошли на рынокъ

XVI

На рынкѣ они увидѣли до шестидесяти человѣкъ крестьянъ, одѣтыхъ очень бѣдно, съ котомками на плечахъ. Всѣ они ходили по рынку, глазѣли, очень мало покупали, потому что у многихъ не было вовсе денегъ; многихъ изъ нихъ занимали бездѣлицы, удивляло то, что для сельскаго жителя нисколько неудивительно. По выговору ихъ, по одеждѣ, по обращенію замѣтно, что они не здѣшніе, а пришли откуда-то изъ далека и чего-то ищутъ, или куда-то идутъ еще дальше. Надъ ними смѣялись торговки, смѣялись надъ ихъ выговоромъ и непонятливостію даже уличные мальчишки села.

Всѣ эти люди также бѣдны, какъ и подлиповцы: нужда, бѣдность края, неумѣнье работать заставили ихъ покинуть свои семьи и идти въ бурлаки съ такимъ же убѣжденіемъ,

какъ шли подлиповцы и ихъ товарищи. Каждому, какъ видно, опротивѣла родная сторона, хочется чего-то хорошаго, хочется раздолья, хочется хорошо поработать, хорошо поѣсть, хорошо поспать... Здѣсь были крестьяне сѣверовосточной части Вологодской и восточной части Вятской губерній, смежной съ Пермскою: тамъ, при всевозможныхъ усиліяхъ, какъ и въ Подлипной, отъ холода, недобывается хлѣба, а сбыта матеріаловъ очень мало. И вотъ они, наслышавшись отъ другихъ крестьянъ, что есть хорошее занятіе бурлачество, работа легкая: знай плыви, даютъ деньги, ѣда въ волю, люди все разные, мѣстности хорошія, — пустились на удалую въ путь бурлачить по Камѣ, какъ къ ближайшей рѣкѣ отъ ихъ родины, на которой съ давнихъ поръ бурлачило нѣсколько десятковъ тысячъ крестьянъ каждое лѣто...

Послѣ вопросовъ, куда и откуда, подлиповцы и товарищи ихъ пристали къ толпѣ. Первый день и второй день прошли весело. Подлиповцы, вмѣстѣ съ прочими крестьянами, ходили по селу, дивились надъ хорошими домами, ходили въ варницы, на рѣку, помогали даромъ работникамъ, плутали по селу, отыскивая свои квартиры. Большую часть дня спали въ постоялыхъ избахъ и въ избахъ бѣдныхъ сельскихъ жителей. На третій день у

подлиповцевъ не было хлѣба. Они насобирали хлѣба и по нѣскольку копѣекъ денегъ у сельскихъ жителей; имъ начала надоѣдать эта праздная жизнь; имъ хотѣлось скорѣе дойти до бурлачества. Но вотъ уже четвертый и пятый день прошелъ, а они все ходятъ по селу; крестьянъ прибываетъ все болѣе и болѣе... Всѣ эти крестьяне—жители разныхъ деревень и знакомятся другъ съ другомъ очень просто: спросили, куда и откуда, и конецъ. Въ другъ другѣ они видятъ подобнаго себѣ человѣка, знаютъ, кто, куда и зачѣмъ идетъ, знаютъ, что цѣль у всѣхъ одинакова; говорятъ они другъ другу объ своихъ нуждахъ; сообщаютъ свои понятія о томъ, что ихъ интересуетъ; ѣдятъ вмѣстѣ въ домахъ, гдѣ ихъ квартиры; дѣлятъ пополамъ хлѣбъ и вмѣстѣ спятъ, гдѣ придется, не разбирая и того, что товарищъ не ихъ деревни, и кто его знаетъ, хорошій онъ, или худой человѣкъ. По имени другъ друга рѣдко называютъ. Они знаютъ товарища по лицу, а въ имени — что толку: онъ ему не братъ, не родня, а такъ сошлись, веселѣе вмѣстѣ. Обругать и осмѣять другъ друга тоже ничего не значитъ; и подерется кто, все какъ-то веселѣе, словно шутя: никто не сердится, а напротивъ, другихъ это забавитъ. Если у бѣднаго и больнаго человѣка нѣтъ хлѣба, другой товарищъ

сжалится надъ нимъ, отдастъ ему излишекъ, надѣясь самъ добыть хлѣба хоть милостинкой, да и товарищу хорошо отъ этого: вѣдь и онъ можетъ быть безъ хлѣба и ему при случаѣ поможетъ его товарищъ. Если у кого есть деньги и онъ привыкъ употреблять ихъ на водку, то онъ одинъ не выпьетъ, а позоветъ товарищей, которые ему особенно нравятся, или съ которыми онъ живетъ на квартирѣ. Такъ у всѣхъ этихъ крестьянъ были по два и по три хорошихъ товарища, и всѣ они, сойдясь на рынкѣ, были какъ старые знакомые, конечно не снимали шапокъ и не жали руки, а начинали разговоръ прямо.

— А ты, поштенный, што ротъ-то разинулъ!

— Э! ништо.

— Гли, баба-то какъ стерелешиватъ! (*).

— Экъ ее разобрало. Всѣ хохочутъ.

— Экой конь-то баской!

— Запречь бы его бревна возить!

— А што, ребя, сдюжитъ ли онъ, какъ запречь его вонъ дрова въ варничи возить?

— А пошто?

— А не сдюжитъ. Ишь, кака штука-то запрежена, легонькая, махонькая, пиголича....

(*) Бѣжитъ.

— Не сдюжитъ. Всѣ хохочутъ.

И все въ такомъ родѣ.

Пила и Сысойко такъ свыклись съ своими товарищами, что постоянно ходили съ ними, ѣли и спали на одной квартирѣ. Съ своей стороны и тѣ не отставали отъ нихъ, и если у кого нибудь не было хлѣба, то другой товарищъ удѣлялъ свой излишекъ бѣдному.

Но никто такъ не жилъ дружно, какъ Пила съ Сысойкомъ, Павелъ съ Иваномъ. Объ отношеніяхъ Пилы къ Сысойку и на оборотъ мы знаемъ. Надо сказать и объ дѣтяхъ Пилы. Развитіе ихъ началось съ тѣхъ поръ, какъ отецъ повелъ ихъ въ городъ. Въ деревнѣ ихнему уму не предстояло развитія впереди; они бы выросли также, какъ и Пила и Сысойко; въ городѣ они увидѣли другихъ людей, узнали, что тамъ живутъ разные люди; они видѣли, какъ ихняго отца заковали и вели со связанными руками по городу, и узнавъ отъ людей, что это дѣлается только въ такихъ случаяхъ, когда люди убиваютъ и грабятъ, они поняли, что ихъ отецъ плохой человѣкъ, что какъ онъ ни бахвалится, а есть люди лучше его. Съ этихъ поръ отецъ сталъ казаться имъ какъ обыкновенный человѣкъ; онъ и Сысойко казались имъ даже смѣшными, и если они шли за ними, такъ только изъ привязанности къ Пилѣ и Сысой-

кѣ, да и куда дѣнешься безъ нихъ? къ тому же, они шли куда-то въ хорошее мѣсто, а что имъ оставаться здѣсь или въ Подлипной? Видя городскихъ дѣвушекъ, красивѣе и опрятнѣе подлиповскихъ, ребята подумали, что подлиповскія дѣвушки хуже, вотъ бы съ этой жить.:. Чѣмъ дальше шли ребята, тѣмъ больше работали ихъ головы. Они бывали во многихъ деревняхъ; деревни были лучше Подлипной, въ избахъ тоже лучше и дѣвки лучше. Въ селѣ ихъ интересовало и забавляло все, и они старались понять, что это за штука такая? почему здѣсь такъ, а въ Подлипной и въ другомъ мѣстѣ иначе? Но что они могли понять, когда и отецъ, и товарищи отца сами не знали, почему это и зачѣмъ такъ? Вотъ они стали спрашивать сельскихъ жителей, большею частію рабочихъ; тѣ, хотя съ бранью, но растолковывали имъ. Послѣ этого ребята долго толковали между собой и кое-какъ понимали. Напримѣръ, они поняли, что разсолъ добывается посредствомъ лошадей, что у лошадей больше силы, чѣмъ у людей, и человѣку-мужику безъ лошадей плохо. Это они узнали такъ. Встали они противъ насоса. Насосъ былъ въ бездѣйствіи. Подошли къ дверямъ—лошадей не было. Они попробовали вернуть колесо, но не повернули. Въ другомъ мѣстѣ лошади были въ дѣй-

ствіи и насосъ былъ въ дѣйствіи. Короче сказать, они болѣе понимали, чѣмъ ихъ отецъ, Сысойко и Матрена, которая рѣшительно ничего не понимала, а только охала. Понявъ что нибудь изъ словъ седьскихъ жителей, они сообщали отцу, который не вѣрилъ имъ, и ребята, — послѣ того, какъ онъ разъ выругалъ ихъ, когда они сказали ему: тятька! робь лучше здѣсь, а бурлачить, баютъ, трудно, — не стали больше говорить ни ему, ни Сысойкѣ, ни Матренѣ того, что имъ казалось хорошо и что было бы хорошо и тѣмъ. Бурлачество ихъ не манило почему-то, имъ лучше нравилось жить въ селѣ, но какъ отстать отъ отца? «Ужь пойдемъ, тамъ, баютъ, городъ баской есть, тамъ и останемся...»

Теперь жизнь имъ казалась лучше, ихъ тянуло на улицу: они поняли, что прежде они хворали отъ коры, теперь ѣдятъ хлѣбъ и потому теперь хорошо. Одно только нехорошо, ноги устаютъ. Братья постоянно были вмѣстѣ, часто ходили по селу одни, говорили безъ умолку, спорили, дрались между собой и съ сельскими ребятишками, которые ихъ очень дразнили, ругали и раззадоривали на драки и которые имъ весьма ненравились.

— Ужь мы туда не подемъ! говорилъ Иванъ Павлу, показывая рукой въ ту сторону, откуда они пришли.

фессоръ, знакомившій своихъ слушателей съ упомянутыми конституціями, лишенъ былъ самъ существенныхъ понятій о государственномъ правѣ и обнаруживалъ на каждомъ шагу глубокое невѣжество. «Полезнѣе бы сдѣлалъ г. Желтухинъ, возражалъ на это Магницкій, ежели бы онъ удостовѣрился, *въ какомъ духѣ* предметы сіи преподаются, *ибо въ томъ только и важность*. Но онъ упустилъ сіе изъ виду.»

Изъ инструкціи ректору мы уже видѣли, съ какой точки смотрѣлъ Магницкій на преподаваніе медицины. Въ 1819 году, при ревизіи имъ Казанскаго университета, настоялъ онъ на удаленіи отъ должности профессора хирургіи Арнгольда, который, по словамъ его, не зналъ латинскаго языка и даже не умѣлъ собрать остова тѣла человѣческаго. Арнгольдъ лишился мѣста, но каково же было общее удивленіе, когда, въ 1825 году, Магницкій началъ ревностно хлопотать о возвращеніи ему прежней каѳедры. На запросъ министерства, чѣмъ изъяснить такой неожиданный переворотъ, поспѣшилъ онъ представить такого рода объясненіе: Магницкій разказывалъ, что когда Арнгольдъ пріѣхалъ чрезъ нѣсколько времени послѣ своего выхода въ отставку въ Петербургъ, то онъ замѣтилъ весьма счастливую перемѣну не только въ его характерѣ, *но и въ самой наружности*. Бывшій профессоръ повѣдалъ ему, что «многія бѣдствія, въ теченіи пяти лѣтъ имъ испытанныя,

они ему языкъ кажутъ. Онъ ихъ бить, и они барахтаются.

— Ахъ черти! ворчитъ Пила. — Въ меня вы, стервы, уродились, сильные будете... Пила даже радовался, что ребята его умѣютъ драться, и всегда отнималъ у нихъ хлѣбъ съ бою, причемъ, конечноребятамъ больно доставалось.

О Матренѣ нечего сказать. Она постоянно сидѣла или лежала на полатяхъ да говорила съ хозяйкой большею частію о подлиповцахъ и Апроськѣ.

XVII.

На пятый день Пила увидѣлъ въ толпѣ прибывшихъ вновь крестьянъ своихъ однодеревенцевъ, Елкина и Морошина, прозванныхъ по Подлиповски Елкой и Морошкой. Пила обрадовался. До сихъ поръ онъ рѣдко вспоминалъ подлиповцевъ, даже сталъ забывать Апроську.

— Вонъ они! весело вскричалъ Пила Сысойкѣ. — Ахъ вы лѣшіе! бурлачить?

— Бурлачить.

— А пошто?

— Да Пилы нѣтъ, што за жизнь, говорилъ Морошка.

— А ребята какъ?

— Баба въ городѣ осталась и ребята съ ней.

— Есть деньги?

*

— Есть.

— Укралъ?

— Укралъ.

— Ахъ лѣшій, лѣшій! А со мной-ту что было, ужасти! Пила началъ разсказывать, какъ его избили, и повелъ своихъ однодеревенцевъ въ питейную лавочку.

— Ужь мы все знаемъ, говорили прибывшіе подлиповцы.

— Ну, ошшо не всѣ померли? спросилъ Пила Морошку. — А Агашка жива?

— Послѣ твоей Апроськи парень да дѣвка Тычинки померли... Агашка ушла съ бабой,— куды-то въ домъ робить взяли.

— Ишь ты... А попъ?

— Што съ нимъ... Да я, почесь, и не видѣлъ его.

— А какъ... самъ зарылъ?

— Самъ.

— Ну, таперь кто тамъ у те?

— Да жена

— А околіетъ?

— Пусь.

— Ахъ, чучело!.. Жалости въ тебѣ нѣтъ.

— Такъ таперь кто тамъ? Корчага да Кочеражка? спросилъ Сысойко.

— Идти тожно тоже хочутъ совсѣмъ: уйдутъ, тоже и моя баба съ ними.

— А ты бы и взялъ ихъ!.. Ну ужь, и край Кто же въ Подлипной-то останется?

— А собака!..

— Эво! И собаку съ собой надо. А дома-тс какъ?

— Дома? Эко диво! — што съ домами-то?.. Помрутъ?

Подлиповцы стали ходить вмѣстѣ съ товарищами Пилы и составили особую толпу.

— Мы, ребя, тожно всѣ пойдемъ. Смотри не отставать, а што Богъ дастъ, все пополамъ, усовѣщивалъ Пила своихъ однодеревенцевъ.

— Ужь не бай; ты голова, не намъ чета.

Наконецъ, пріѣхалъ прикащикъ изъ Шайтанскаго завода за наймомъ бурлаковъ. Около Шайтанскаго и прочихъ заводовъ хотя и есть крестьяне, но они считаютъ за лучшее остаться дома, а крестьяне другихъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи рады за небольшую плату наняться въ бурлаки. Бурлакамъ платятъ отъ 8-ми до 15-ти рублей за сплавъ барки отъ завода до Елабуги и другихъ городовъ выше Нижняго, откуда металлы сплавляются уже пароходами.

Крестьяне числомъ около ста собрались на рынкѣ. Пришелъ прикащикъ. Крестьяне шапки сняли.

— Вы бурлачить?

— Бурлачить.

— Кажите паспорта!

Паспорта были у двадцати человѣкъ, преимущественно крестьянъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ.

— А у васъ есть паспорта? спросилъ прикащикъ остальныхъ.

— Батшко, не губи!.. Каки тутъ еще паспорта?... вопили крестьяне.

— Безпаспортныхъ мнѣ не надо.

Крестьяне въ ноги ему поклонились.

Долго возился съ крестьянами прикащикъ. Не понимаютъ они его. Ему каждый годъ приводилось возиться съ ними, и онъ все-таки обдѣлывалъ дѣло: самъ ѣздилъ въ волости, выправлялъ паспорта бурлакамъ и вносилъ за нихъ деньги. Теперь онъ заключилъ со всѣми крестьянами контрактъ; отобралъ паспорта, у кого они были, далъ паспортнымъ по рублю, а безпаспортнымъ по полтиннику; велѣлъ дожидаться его, а самъ отправился въ ихъ волости.

Послѣ отъѣзда прикащика всѣ крестьяне загуляли. Загуляли и Павелъ съ Иваномъ, которые, хотя и были всѣхъ моложе, но тоже попали въ бурлаки и получили по 30 коп. денегъ. Цѣлую недѣлю кутили бурлаки, до тѣхъ поръ, пока не издержали всѣ деньги. Да и промысловые рабочіе то и дѣло подговаривали

простаковъ на выпивки и угощались на ихъ счетъ сами. Но когда у бурлаковъ нестало денегъ, рабочіе два вечера сряду угощали ихъ на свой счетъ,—за что промысловые рабочіе очень понравились бурлакамъ. Павелъ и Иванъ купили себѣ лапти и валенки, а остальныя деньги проѣли на булкахъ. Одна только Матрена скучала, ее не приняли въ бурлаки. Она поступила работницей на варницу и содержала Пилу, Сысойко и дѣтей.

Три съ половиной недѣли бурлаки ждали прикащика. Въ это время они хотѣли уйдти, но ихъ отговаривали промысловые рабочіе тѣмъ, что теперь уже нельзя, такъ какъ получены ими задатки. Большая часть ихъ работали на пристаняхъ, у барокъ и у варницъ и только небольшими заработками они пробивались въ селѣ.

Наконецъ, пріѣхалъ прикащикъ. Онъ пересчиталъ всѣхъ крестьянъ, записалъ ихъ снова, показалъ имъ паспорта, взятые на полгода, выбралъ изъ нихъ четверыхъ въ лоцманы; далъ всѣмъ, кромѣ лоцмановъ, по рублю денегъ, а лоцманамъ по три рубля, велѣлъ идти въ заводъ. Уладивши все съ крестьянами, прикащикъ уѣхалъ.

Прикащикомъ было нанято еще болѣе ста человѣкъ, только на самыхъ мѣстахъ, въ селахъ и деревняхъ Вятской губерніи.

Всѣ крестьяне, накупивъ по двѣ пары лаптей, по три ковриги хлѣба, соли, наѣлись на ночь сытныхъ щей, крѣпко уснули, а утромъ, вставши до свѣту, закусили крѣпко на дорогу, увязали плотнѣе свои котомки, собрались за селомъ и тронулись въ путь.

Матрена долго слѣдила за подлиповцами. Идутъ они, идутъ въ большой толпѣ... вонъ Ванька да Пашка оглядываются и утираютъ слезы... Не взяли Матрену! заплакала она и ушла въ варницу... Одинъ только Тюнька не знаетъ теперь горя: онъ рано встаетъ съ маленькими хозяйскими дѣтьми, и какъ только встанетъ онъ да хозяйскія дѣти, и начинается у нихъ бѣготня да игры. Хорошо еще что хозяйка, мастерская жена, добрая и есть съ кѣмъ Тюнькѣ порѣзвиться, а не будь ни этой хозяйки, ни дѣтей ея, что бы сталось съ Тюнькой и Матреной? Какъ бы она стала работать съ ребенкомъ? А работа ея такая: дрова она въ варницу таскаетъ да изъ варницъ въ амбары соль на плечахъ по длинной лѣстницѣ носитъ. Трудная работа досталась Матренѣ!...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БУРЛАКИ.

I.

И такъ, наши подлиповцы отправились бурлачить съ товарищами.

Всѣхъ шло сто тридцать одинъ человѣкъ. На подлиповцахъ такая же одежда, въ какой они были въ Чердыни и въ Усольѣ. На прочихъ товарищахъ или такая же одежда, какъ и у подлиповцевъ, или разнообразная: тутъ были полушубки изъ разныхъ шкуръ, большею частію распластанные, въ лохмотьяхъ, безъ заплатъ, или просто изорванныя сермяги, поддевки и что-то среднее между сермягой и поддевкой, называемое просто гунькой; у всѣхъ разнообразныя шапки, хотя повсюду и одинаковыя: большія изъ шкуръ, или войлочныя на подобіе горшка; на рукахъ у каждаго рукавицы или кожаныя, или изъ шкуръ,

или шерстяныя; на ногахъ у каждаго лапти. У каждаго на спинѣ виситъ котомка съ хлѣбомъ, кое у кого съ разнымъ тряпьемъ. Ниже котомки болтаются по парѣ или по двѣ пары лаптей. Спасибо еще прикащику, который нанялъ ихъ бурлачить: онъ не поскупился дать каждому задатокъ; не дай онъ денегъ крестьянамъ, какъ бы они пошли въ дальній путь безъ хлѣба и лаптей?

Всѣ они шли до сборнаго мѣста, т. е. до завода, цѣлыхъ три недѣли, и шли, какъ нѣкогда шли евреи по пустынѣ Аравійской, съ тою только разницею, что это были русскіе крестьяне, бѣжавшіе отъ своихъ семействъ. Шли они въ разсыпную по большимъ и проселочнымъ дорогамъ, узкимъ тропкамъ; плутали по цѣлымъ днямъ въ незнакомыхъ мѣстностяхъ; ругались, мерзли, дрались и даже раскаявались, что пошли.

Ихъ взялись вести четыре лоцмана, уже нѣсколько лѣтъ занимавшіеся бурлачествомъ и знавшіе всѣ станціи-пристани отъ Чердыни до Нижняго и отъ Билимбаевскаго завода до Перми; но у этихъ лоцмановъ не было согласія въ выборѣ дорогъ: каждый изъ нихъ жилъ въ разныхъ мѣстахъ зимой и отправлялся на Чусовую своими дорогами; сошедшись вмѣстѣ, каждый хотѣлъ идти по своей дорогѣ.

Вотъ, наконецъ, они согласились; всѣ крестьяне идутъ за ними. Идутъ они два часа, едва едва переступая ногами, не торопясь, разговариваютъ, поютъ пѣсни грустныя, долгія и тяжелыя, а больше молчатъ. Проѣзжающіе заставляютъ ихъ сторониться, и кто изъ ста человѣкъ не успѣлъ своротить съ дороги, того ямщикъ хлещетъ витнемъ. Крестьяне ругаются, хохочутъ и лѣзутъ драться. Одному почтовому ямщику плохо пришлось отъ нихъ за витѐнь, и крестьяне убили бы его, если бы не вступился почтальонъ и не разогналъ ихъ саблей. Всѣхъ забавитъ звонъ колокольчиковъ и шубы проѣзжающихъ баръ. Они сначала дивятся, потомъ хохочутъ. Всѣмъ какъ-то весело и кто поотстанетъ отъ толпы, догоняетъ ее. Подлиповцы идутъ особой кучкой. Они увлекаются разговорами товарищей, ихъ хохотомъ, тѣшатся надъ выговоромъ татаръ и черемисовъ; собственныя несчастія они начинали уже забывать.

Но вотъ дорога дѣлится на двое. Вся ватага стала.

— Кажись, сюда таперь? спрашиваетъ одинъ лоцманъ.

— Нѣтъ, не сюда, а сюда, говоритъ другой лоцманъ.

— Нако-ся! Таперь по этой, по лѣвой надо: тутъ село будетъ, говоритъ третій.

— Эво! Што у те шары-те чѣмъ заволокло? Вотъ какъ подемъ по этой, по правой— тутъ и будетъ деревня, три версты и всего-то! говоритъ второй лоцманъ.

— Молчи! Тебѣ баютъ — село, а ты баешь — деревня...

— Медвѣдь ты раменской!... Тебѣ говорятъ—деревня... какъ войдемъ въ нее, и сворачивай на лѣво, говоритъ четвертый лоцманъ.

— Да будьте вы прокляты, лѣшіе! Привычки у васъ нѣтъ, обычаю... Мы десять годовъ по эвтой дорогѣ хаживали. Черти вы, дьявольскіе! ругается второй лоцманъ.

Остальные лоцманы задумались: — а что, если онъ правду говоритъ?

— Смотри, не обмишурься... Право, знать эта дорога-то? говоритъ первый лоцманъ.

Часть бурлаковъ (бывалые) пристаетъ ко второму лоцману, и говорятъ: — а, батъ, дорога-то на лѣво. Веди! Къ нимъ пристаетъ еще человѣкъ тридцать. Пристаютъ и остальные. Начинается брань безпощадная, крикъ...

— Что, братцы, горло дерете? Коли вы другую дорогу знаете,—пошли... Мы восьмой годъ ходимъ, знаемъ...

— И я восьмой! и я шестой!... кричатъ остальные путеводители

— Ты веди толкомъ! кричитъ Пила.

— А я уйду тожно! кричитъ первый лоцманъ.

— Ну, и иди, чортъ! што присталъ? кричатъ бурлаки.

— Ребя! валяй его!... бей!..

Перваго путеводителя окружаетъ человѣкъ сорокъ. Онъ старается всѣхъ урезонить. Бурлаки не вѣрятъ. Остальные лоцманы-путеводители идутъ по лѣвой дорогѣ. За ними идутъ и прочіе. Попадается имъ крестьянинъ съ дровами. Онъ знаетъ, кто эти люди.

— Эй, братанъ! эта дорога на Чусовую? спрашиваетъ крестьянина одинъ изъ лоцмановъ.

— А вы бурлачить?

— Бурлачить.

— Э! Ступай вкось, тамъ и будетъ рѣка Яйва.

— Вре! А мы ее не прошли?

— Послѣ завтра будетъ.

— Ахъ-ты (слѣдуетъ непечатная брань), да вѣдь Яйва въ Каму бѣжитъ?

— А куды не то?... Кама-то эво што!.. Вы бы и шли по Камѣ.

— А ништо, подемъ по Камѣ! говоритъ одинъ лоцманъ.

— Ступай. Эдакъ мы скорѣ придемъ: тамъ еще будетъ Косва да Усва, а потомъ Чусова.

— Ну, и подемъ.

Тронулись по лѣвой дорогѣ. Пришли въ деревню. Ночевали. Утромъ тронулись въ путь по правой дорогѣ. Къ вечеру пришли въ эту же деревню... Ночевали. Утромъ пошли по лѣвой дорогѣ.

— Ишь ты, лѣшій! ворчатъ бурлаки. — Да вѣдь мы были тутотка?

— Гдѣ, въ деревнѣ-то?

— Ну!

— Слѣпъ! Деревня-то совсѣмъ другая: — въ той семь домовъ, а въ этой восемь, говоритъ одинъ лоцманъ. Бурлаки вѣрятъ и не вѣрятъ. Лоцмана спорятъ и все-таки идутъ вмѣстѣ всѣ. Наконецъ, пришли и къ Яйвѣ. Рѣка не широкая, покрытая льдомъ, занесеннымъ снѣгомъ.

— А это што? спрашиваетъ Пила, указывая на пространство, занимаемое рѣкой.

— Это рѣка, баютъ, отвѣчаютъ ему бурлаки.

— Кама? спрашиваетъ Пила.

— Нѣту. Кама вонъ дѣ, указывая рукой на сѣверъ, говоритъ бурлакъ. Пила дивится.

Всѣ стоятъ на берегу рѣки и спорятъ, какъ идти: направо по рѣчкѣ или налѣво.

— Мы, таперича, какъ подемъ налѣво, и Чусова будетъ, говорилъ одинъ лоцманъ: — олонись я не былъ здѣся, добавляетъ онъ.

— Ну, это ошшо тово оно... говоритъ другой лоцманъ.

— Вотъ если бы таперича вскрылась рѣка, да барки бы если пошли, ну и узналъ бы, въ кою сторону путь держать, — говоритъ первый лоцманъ. Холодно. Всѣ спускаются на ледъ; всѣхъ продуваетъ вѣтеръ. Идутъ кто направо, кто налѣво, кто за рѣку. Всѣ тонутъ въ снѣгу и ворчатъ.

— Да вы ладомъ ведите! По Яйвѣ-то никто не бурлачитъ и мы въ Яйвѣ-то ни разу не шли, а переходили только, ворчитъ одинъ бурлакъ. Лоцмана ведутъ всѣхъ узенькой дорожкой, попавшейся за рѣкой. Бурлаки радуются. Пришли въ деревню къ вечеру. Поѣли, выспались, утромъ тронулись въ путь. День шли хорошо, пѣли пѣсни или молчали. Къ нимъ пристало нѣсколько зырянъ.

Увидѣвъ кучу бурлаковъ, зыряне спросили: — кыдче мунанъ (*)?

— Булачить! было отвѣтомъ. Зыряне пристали.

Въ толпѣ были тоже зыряне и между ними завязался разговоръ.

— Илыся локъ тысь? (**).

— А Ежва, кырнышъ (***).

(*) Куда пошли?
(**) Издалека шли?
(***) Рѣка Вычегда, называемая зырянами Ежвой. Кырнышъ — ругань.

Опять попалась рѣка. Бурлаки обрадовались.

— Вотъ она, Чусова-то!

— Вре! Экая махонькая?

— Это братцы не Чусова, а Косва. Тамъ еще будетъ Усва, вотъ по той мы и пойдемъ въ Чусовую.

Бурлаки успокоились, перешли рѣку и тихимъ шагомъ пошли за своими путеводителями. На третій день послѣ перехода Косвы вышла ссора.

Все шли они по одной узкой дорогѣ; ладно. Вдругъ дорога раздѣлилась на три части. По которой идти? Лоцмана забыли.

Всѣ стоятъ.

— По этой?

— Нѣтъ, по этой!

— Знаешь ты черну немочь! По этой...

Лоцмана дерутся. Ихъ окружаютъ бурлаки.

— Бей ево!... Вотъ такъ!... ну-ко ошшо!.. слышится со всѣхъ сторонъ.

Одинъ лоцманъ убѣжалъ по лѣвой дорожкѣ. Его пошелъ догонять другой лоцманъ. Половина бурлаковъ идутъ за этими лоцманами. Два оставшіеся лоцмана уговариваютъ остальныхъ бурлаковъ идти за ними.

— Пусть они идутъ по той! Ужь такъ-то ли заблудятся, эво какъ! говоритъ одинъ лоцманъ.

— Ну, а ты и веди, коли мастеръ, а я пойду съ нимъ... говоритъ другой лоцманъ.

— И чортъ тебя бей! А мы какъ разъ дойдемъ и по своей...

Бурлаки совѣтуются, какъ имъ идти.

— Тѣ поди ладно идутъ, а мы-то какъ?

— Подёмъ тожно съ нимъ.

Однако лоцмана ведутъ своихъ товарищей по той дорогѣ, по которой ушла недавно половина бурлаковъ. Прошли съ версту, а тѣхъ бурлаковъ не видать. Прошли они двѣ дороги, наконецъ, на третью свернули и пошли.

— Куды же тѣ-то побѣгли?

— Черти... ворчатъ лоцмана.

— Надо бы намъ поворотить по той дорогѣ, что впервые попали.

— Кто ево знатъ... И мѣста все другія, ни разу не былъ здѣся.

— И я тоже.

Вотъ подошли они къ большому полю. Дорогу занесло снѣгомъ; вѣтеръ сильный, рѣзкій. Бурлаки ругаются и идутъ по полю, оставляя за собой слѣды большими зигзагами. Идутъ они часъ, все нѣтъ конца. Что за чортъ? ворчатъ бурлаки. Ихъ обуяла лѣнь... Идти не хочется, а хочется попасть. Останавливается одинъ бурлакъ, за нимъ останавливаются всѣ. Садится одинъ на снѣгъ, всѣ садятся... Развязываетъ котомку одинъ, всѣ развязываютъ свои котомки.

— Подемъ назадъ! кричитъ одинъ.

— Айда! кричатъ двадцать человѣкъ.

— Баялъ, не ходи съ нимъ!... ворчитъ Пила. — А пошто назадъ-то?

— А пошто? А подемъ... было отвѣтомъ.

— Братцы, пойдемте, ночь поди скоро.

Бурлаки боятся ночи.

— А ты веди, песъ! кричитъ Пила.—Куда ты завелъ въ эку чучу!

— Пырни ево! пырни! кричатъ бурлаки на лоцмана.

— Пойдемте! право, скоро конецъ, за этимъ полемъ и конецъ.

— Помремъ! говоритъ Пила.

— Не помремъ, а рѣка будетъ. А назадъ подете, заблудитесь.

— Ну, и подемъ. Ужь много шли, ишшо подемъ, говоритъ Пила. Всѣ идутъ. Посыпалъ снѣгъ, вѣтеръ стихъ. Снѣгъ залѣпляетъ глаза, только и видно, что снѣгъ да товарищей, а что кругомъ товарищей—Богъ вѣсть. Бурлаки злятся, смотрятъ на свою одежду, она въ снѣгу, словно въ мукѣ купались. Всѣ устали.

— Ребя, вонъ лѣсъ! кричитъ одинъ изъ толпы. Всѣ повеселѣли. Бродятъ около лѣсу и блуждаютъ. Отыскали дорогу, къ ночи спустились подъ гору, и подъ горой уснули. Закусивши утромъ, опять идутъ, дорога опять

дѣлится на двѣ дороги. Просто чортъ знаетъ, что такое.

— Ну ужь и времечко! Прежъ, какъ подешь, и конецъ скоро, а таперь сколь исходили... говоритъ одинъ лоцманъ.

— Отъ тово все, што не такъ пошли. Говорилъ, надо трактомъ идти, а то мало ли дорогъ-ту! ворчитъ другой лоцманъ.

— Экіе лѣшіе, куды завели. Все лѣса да лѣса, да горы какія-то. Эвонъ гора-то, чучела какая! ворчатъ бурлаки.

— А мы подемъ на гору-то? Тамъ поди баско! говоритъ Сысойко.

— А и поди, попробуй!... Тамъ таперь видимо невидимо медвѣдевъ засѣло, замѣчаетъ Пила.

— Што медвѣди, волки поди стерелешиваютъ... (*) Ужасти! замѣчаетъ бурлакъ.

— А што, батъ, здѣсь поди много медвѣдевъ?

— Столько — бѣда!

— Вре?

— Видалъ ономеднись. Стадо цѣлое.

— Вре?... И не съѣли?

Бурлакъ-хвастунъ, не бывшій никогда въ этихъ мѣстахъ, улыбается и того больше вретъ.

(*) Бѣгаютъ.

— Какъ хватилъ коломъ, вонъ эдакимъ, одного—и издохъ, другаго хватилъ — побѣжалъ, и тѣ побѣжали.

— Вре?... Ишь ты!

Разговоръ идетъ о медвѣдяхъ, кто сколько на своемъ вѣку медвѣдей убилъ. Всякій старается перебить товарища разсказомъ, кто вретъ, кто говоритъ правду. Больше всѣхъ вралъ Пила.

— Ты вотъ по моему сдѣлай, говорилъ онъ. — Одново раза лѣтомъ иду, знашь, лѣсомъ: а лѣсъ-то эво! не здѣшній, иное дерево и не охватишь,выше этова,густо...А со мной, знашь, ломъ былъ. Ну, иду да собираю грибы... Собиралъ такъ-ту,много набралъ. Баско! и нашелъ на медвѣдя, спитъ... А медвѣдь-то эво какой! Такихъ въ первой увидѣлъ. Вотъ я, знашь, на цыпочкахъ и побѣгъ къ нему и хлопъ его по башкѣ... и хлопъ!... И пику не далъ!...

— Да онъ поди издохлой какой?

— Издохлой!.. Какъ бы не такъ! А пошто я ево хлеснулъ?..

— Значитъ, ты слѣпъ былъ, или другое что... можетъ спугался?

— Ну ужь, кто другой спугатся, а я шабашъ.

— Да онъ поди, медвѣдь-то, мухомора обтрескался!

— Сказано—убилъ!кричитъ Пила, сердясь.

— Знамо издохлова.

— Поговори ты, собака!..

Бурлаки хохочутъ и дразнятъ Пилу:—знамо издохлова медвѣдя убилъ.

— А што, если таперь медвѣди прибѣгутъ?

— Сюды-то?

— Ну... съѣдятъ насъ, али нѣтъ?

— Ну, таперь шабашъ. Насъ-то эво сколь. Какъ закричимъ и прогонимъ, и чортъ его не догонитъ...

— И топоровъ-то ни у кого нѣтъ.

— А мы закричимъ. Побѣжитъ...

Пришли они въ деревню. Въ деревнѣ сказали имъ, что они не въ ту сторону идутъ къ Чусовой. Пошли опять бурлаки назадъ отыскивать настоящій путь. Опять сбились съ дороги. На другой день встрѣтились съ толпой другихъ бурлаковъ.

— Вонъ они, лѣшіе! сказали обрадованные наши бурлаки.

— Это не тѣ, другіе.

— И то.

— А вы откедова?

— Вячки.

— Вячки ребята хвачки, семеро одново не бояча! съострилъ одинъ молодой бывалый бурлакъ.

Эти бурлаки знали дорогу лучше нашихъ бурлаковъ, и всѣ скоро добрались до Чусовой.

II.

Рѣка Чусовая была уже оживлена въ это время. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на льду и на низкихъ берегахъ ея, на поляхъ, строились барки и полубарки; воздухъ оглашался стукомъ топоровъ, крикомъ крестьянъ. Подлиповцы съ товарищами пошли берегомъ. Здѣсь идти имъ было весело: вездѣ народъ, есть съ кѣмъ и слово перемолвить, есть кого и спросить, куда идти, и далеко ли еще, и народъ такой добрый. Рѣка въ этомъ мѣстѣ узка; по обѣимъ сторонамъ ея или высокіе крутые берега, съ нависшими деревьями и скалами, или съ одной стороны крутой берегъ — гора, а съ другой низина, поле. Въ мѣстахъ, гдѣ крутые берега съ обѣихъ сторонъ, было мрачно и страшно. Бывалые бурлаки разсказывали разные ужасы и страхи.

— Вишь, эта гора-то какая, матушка! А бѣдъ отъ нея много бываетъ... Вотъ она теперь ровно впереди, а какъ подемъ, она угломъ будетъ, ровно кто топоромъ обрубилъ... Тутъ бѣда баркамъ. Какъ поплыветъ это барка и хлобыснется о гору, такъ ее и шарахнетъ, а мѣсто бѣда, баютъ, — дна нѣту...

— Баютъ, тутъ сидитъ кто-то. Чортъ не чортъ, а ужь больно сердится. Баютъ, у него въ лапахъ-то стресогласка.

— Что сидитъ! Коли сидѣлъ бы — словили; ныньче, баютъ, начальство строго. Вонъ таперича штуки подѣлали, штобы намъ ловко было плыть. А безъ эвтихъ штукъ бѣда была, потому рѣка ужь такая бурливая, да камней въ ней много, говорилъ одинъ лоцманъ.

— Экая гора-то! Ахъ ты какая высь! дивятся бурлаки.

— Вотъ гдѣ мы идемъ! говоритъ весело Пила. — Экъ баско! А тамъ поди ишшо лучше.

Въ этихъ мѣстахъ имъ приходилось идти даже ночью, потому что не было не только что деревень, даже людей, кромѣ ихъ, и ни одной барки. Здѣсь имъ казалось страшно: они боялись не медвѣдей, а чего-то иного. Впереди, позади, — кругомъ все горы, а въ верху небо черное и звѣздъ невидать.

— Ребята, тихонько иди! Смотри, полонья, говорилъ кто нибудь.

— Да мы бы спать.

— Ну нѣтъ. Смотри, какія богародни стоятъ вонъ тамъ. Кое - ва - дни какіе же были...

Въ лѣвой сторонѣ видится что-то бѣлое, большое такое. Немного выше — не то церковь, не то кто его знаетъ, что такое. И такихъ видовъ много. Бурлаки боятся подойти. «Убьетъ!» говорятъ они и дѣлаютъ отъ такихъ мѣстъ большіе круги.

— Боязно, братцы! Теперь-то еще што, а преже, баютъ, ужасти бывали. Вонъ, сказываютъ, жилъ здѣсь Ермакъ атаманъ-разбойникъ, людей убивалъ, бѣда!.. Онъ, сказываютъ, Сибирь въ полонъ взялъ, разсказывалъ лоцманъ.

— Все одинъ?

— У него сила была огромнѣющая. Люду сколь было, все разбойники...

— А онъ таперь гдѣ?

— Померъ, сказываютъ..... Сказываютъ, утонулъ

— Вре! А онъ поди спрятался тамъ на горѣ-то?

— Сказываютъ, потонулъ! У него, слышь, зипуна-то не было, а онъ желѣзо носилъ

— Пра?! Вотъ дакъ сила!... Какъ хлобыснетъ, и помрешь?

— Ну ужь, онъ сидитъ поди таперь, смотритъ шарами-то. Это, смотри, не онъ ли — экой высокой, да бѣлой, ишь какъ усторился (*)!...

— Это дерево, а то вонъ камень выдался.

— Ну ужь не ври, это онъ... Подемъ, поглядимъ?

— Ну-ко поди, онъ тѣ задастъ! Какъ пыр-

(*) Долго и строго смотритъ на одинъ предметъ.

нетъ камнемъ-то!... Бурлаки дали кругъ. И долго толковали бурлаки объ Ермакѣ, не зная его, а только наслышавшись о немъ отъ бурлаковъ же.

Наконецъ кончился ихъ путь. Они пришли къ заводу.

III.

На берегу было множество крестьянъ: кто пилилъ бревна, кто рубилъ, кто строгалъ, кто гвозди и скобки вбивалъ; достраивались барки, коломенки и полубарки. Подлиповцевъ и прочихъ бурлаковъ сосчитали, повѣрили и выдали имъ по десяти коп. денегъ. Купили они хлѣба, надѣли новыя лапти, взяли господскіе топоры, желѣзныя лопаты и прочіе необходимые инструменты для скорой работы и стали работать.

Всюду работа кипѣла. Каждый человѣкъ что нибудь да дѣлалъ, и если кто не умѣлъ топоромъ, то гвозди вколачивалъ, снѣгъ отскребалъ, или доски таскалъ. Кажется, барку нехитро сдѣлать, а нашимъ бурлакамъ больно мудреною казалась эта штука. Они не могли надивиться, какъ это такая штука состроена? съ которой стороны ни подойди, вездѣ гладко, только желѣзки какія-то вбиты, и вся изъ досокъ сдѣлана да бревенъ. — «Вонъ

у насъ избенки-те не такъ дѣлаютча, какъ хошь, такъ и перевернешь бревно и приладишь, а тутъ все инако. И куда экая чучела? домъ не домъ, а кто ее знаетъ, куда она годна?... Дай мнѣ, не возьму. Пра, не возьму! .»

На бурлаковъ кричали мастера.

— Что стоишь: Робь! Деньги только даромъ берете, разбойники!

Бурлакъ почешетъ одинъ бокъ, спину и пойдетъ съ топоромъ къ баркѣ. Что ему дѣлать? Вотъ онъ видитъ, лежитъ доска. Баская доска-то, да вѣрно робить велятъ, и бурлакъ начинаетъ рубить доску безъ цѣли, а такъ, думая, что и онъ робитъ.

— Пошто ты доску-то рубишь, пошто? Я тебѣ!... кричитъ на бурлака мастеръ или работникъ.

Бурлакъ отходитъ отъ доски и глядитъ на прочихъ.

— Что сталъ? Робь!

— Да што робить-то?

— Што! Подь, обтеши бревно... У, лѣнтяи! скоты! и т. д. И пойдетъ бурлакъ рубить бревно и изрубитъ его такъ, что оно на дрова годится.

— Ахъ вы безтолочь! Я васъ!... Поди, притяни доску.

Одинъ бурлакъ не совладаетъ, онъ и взять не умѣетъ доску, съ котораго конца ее при-

ложить; вотъ и возьмутся человѣкъ шесть-семь держать доску.

— Ладь, лать! Што стали!

Бурлаки прилаживаютъ.

— Не такъ!.. Сюды!!

Бурлаки смотрятъ на доску. Доску берутъ еще человѣкъ пять. Доску приладили.

— Напри брюхомъ!

Наперли всѣ разомъ и такъ сильно, что потъ ихъ пробираетъ, и имъ баско кажется.

Такъ и кипитъ работа. Всѣ бьются до поту и не могутъ понять, что они такое робятъ и къ чему эдакая работа, больно ужь баская да чудная.

Работаютъ они каждый день, бахвалятся, что и они робить мастера, а не понимаютъ своей работы. Чувствовать имъ нечего: имъ или баско, или худо; объ своихъ деревняхъ они забыли, съ людьми хорошо, да и чувствовать-то некогда: то рубить, то скоблить, то колотить... Всталъ рано, ѣсть хочется—чувство, поробилъ, ѣсть хочется—чувство, спать хочется —чувство...

О Пилѣ и Сысойкѣ сказать особеннаго нечего. Они точно такіе же были, а пожалуй и хуже. Они теперь блаженствовали. У маленькихъ подлиповцевъ, Павла и Ивана, было больше способностей, чѣмъ у старшихъ. Они, конечно, не могли сдѣлать больше взрослаго,

окрѣпшаго мужчины, но понимали, какъ и къ чему такая-то вещь слѣдуетъ и какъ, что и для чего дѣлается. Занятіе ихъ было обдѣлывать поносную, похожую на мачту, или вколачивать скобки. Эта работа имъ такъ казалась хорошей, что они, если ея не было въ одномъ мѣстѣ, шли въ другое и тамъ отгоняли рабочихъ отъ несвоего дѣла.

Теперь отецъ для Павла и Ивана былъ все равно, что и прочіе бурлаки. Они теперь никого не боялись, и старшихъ у нихъ не было.

— Пашка! они всѣ свиньи, говорилъ Иванъ.

— Всѣ. Они робить не умѣютъ.

— И тятька свинья!

— И Сысойко свинья... А мы свиньи?

— Мы-то?.. А пошто?

Немного помолчавъ, они опять спрашиваютъ другъ друга, свиньи они или нѣтъ; кажется, свиньи, а ровно и нѣтъ: «свиньи-то эво какіе! А мы воно какіе».

Откуда забралась въ ихъ головы такая мысль, они сами понять не могли; слышали только, что прикащикъ ругалъ какъ-то бурлаковъ свиньями...

Съ бурлаками маленькое заводское начальство обращалось очень грубо; часто обдѣливало деньгами, такъ что многіе голодали. У него, конечно, свои интересы, а надъ бѣднымъ бурлакомъ что хочешь дѣлай—смол-

читъ или изругаетъ, а жаловаться не пойдетъ, да и некому...

IV.

Настало тепло. Солнышко грѣетъ; снѣгъ съ каждымъ днемъ таетъ и таетъ; съ горъ бѣгутъ въ рѣку ручьи, на вершинахъ видится бурая земля. Барки уже сдѣланы, а бурлаки все еще работаютъ: кто весло дѣлаетъ, кто конопатитъ барки и полубарки, кто такъ себѣ рубитъ бревно; работа кипитъ вездѣ; цѣлыя двѣ тысячи бурлаковъ копошатся на берегу у барокъ, на баркахъ, на льду, въ рубахахъ, дырявыхъ и со множествомъ заплатъ; съ иныхъ потъ каплетъ.

Наступаетъ пора ѣды, бурлаки садятся кучками на барки или на обрубки бревенъ, на сломанныя доски, ѣдятъ хлѣбъ, прихлебывая щей съ капустой и дрянной говядиной, кто въ шапкахъ, кто безъ шапокъ. Солнышко такъ и грѣетъ ихъ, оно освѣщаетъ загрубѣлыя, желтыя лица бурлаковъ, и вообще какъ-то привѣтливо. Въ кучкахъ сидятъ преимущественно люди разныхъ названій: татары съ татарами, черемисы съ черемисами, подлиповцы съ подлиповцами и т. д., такъ что воздухъ оглашается разными нарѣчіями: лепечутъ бойко татары и черемисы, прищепе-

тываютъ зыряне, кричатъ пермяки, выговаривая: поце? зацѣмъ? цуца, и т. д. За обѣдомъ всѣ кажутся веселы: каждому, утомленному работой, любо, что солнышко свѣтитъ и грѣетъ баско, и онъ долго-долго смотритъ на солнышко, до тѣхъ поръ, пока не заболятъ глаза, и думаетъ какую-то думу... Славное солнышко! пошто оно не каждый день такъ свѣтитъ? когда и вовсе его нѣтъ, а когда покажется, да и спрячется, чучело!... Поѣвши, бурлаки опять принимаются за работу, но уже лѣнивѣе утренняго: хочется полежать. Вечеромъ всѣ собираются на барки, сидятъ кучками и толкуютъ больше о бурлачествѣ; сидятъ долго, думаютъ, скоро ли они перестанутъ робить; когда будетъ такая пора, когда они все такъ будутъ сидѣть... Потомъ начинаютъ пѣть свои пѣсни, каждый на своемъ языкѣ, и поютъ они долго, долго, не понимая сами смысла пѣсни, а хорошо имъ кажется и сердце ноетъ, кого-то жаль, хочется чего-то... Тутъ есть и музыканты: тѣ разгоняютъ свою тоску, играя на гармонійкахъ и балалайкахъ какія-то веселыя пѣсни. Но и тутъ не весело: поиграетъ, поиграетъ бурлакъ, отдастъ инструментъ другому, а самъ пристанетъ къ другимъ и поетъ съ ними. Одни только татары да зыряне какіе-то чудные: они, какъ кончатъ работу, и ложатся спать,

какъ будто имъ ненравится общество остальныхъ людей. Днемъ они иногда поютъ по одиночкѣ или голосовъ въ шесть, такъ надъ ними бурлаки смѣются — больно ужь забавно поютъ, талалакаютъ на своемъ языкѣ. Умаявшись, надравши горла, бурлаки идутъ спать въ пустыя барки: положивъ подъ голову котомку съ имуществомъ, чашкой, ложкой, лаптями, бурлакъ растягивается на полу; и какъ легъ, такъ и уснулъ...

Становилось все теплѣе и теплѣе. Снѣгъ почти весь стаялъ. Ледъ покрылся водой. Барки уже совсѣмъ отстроены. Стали прибирать бревна, доски, очищали берегъ, сдвигали коломенки, барки и полубарки ближе къ берегу, стали грузить ихъ желѣзомъ и чугуномъ. Воздухъ наполнился крикомъ, руганью, стукомъ, трескомъ, звукомъ отъ желѣза; бурлаки суетились, бѣгали, тащили полосы и листы желѣзные, кряхтѣли, потѣли... На нихъ кричали прикащики, лоцмана, показывая, куда что нужно класть. Наконецъ барки, коломенки и полубарки наполнены, поносныя весла, канаты, шестики, доски, бревна и разныя разности положены на коломенки, барки и полубарки, бурлаковъ распредѣлили на барки, кого до Елабуги, кого до Сарапула, кого до Волги, кого до Саратова. Бурлакамъ до Елабуги назначили 8 рублей, до Сарапула 9,

до Волги 10, до Саратова 14 за сплавъ. Всѣмъ заказано быть на готовѣ. На каждой баркѣ было по одному и по два лоцмана, по два водолива. Каждому было наказано, что дѣлать, гдѣ стоять. Дѣлать нечего, а бурлаки все что нибудь да дѣлаютъ: то поносную потешетъ топоромъ да пообрубитъ весло, то увидитъ на боку барки дыру, выстрогаетъ дощечку, прибьетъ и законопатитъ, а то еще дранку на скобки прибьетъ. И сколько на этихъ баркахъ заплатъ! Хотя онѣ и новыя, а все както кстати приладилось: и сами они въ заплатахъ, и рабочіе на нихъ тоже съ заплатами носятъ одежду. Барки приладились, нумера на нихъ написали,—первую букву завода на кормѣ выжгли, воткнули въ столбъ на носу палочку съ маленькимъ флагомъ. Среди коломенокъ и барокъ точно барыни какія красуются три большія коломенки - караванки съ мачтами, съ разноцвѣтными кружками на верху мачтъ и съ флагами, на которыхъ красуется названіе завода. Бурлаки большею частію отдыхаютъ, поютъ пѣсни, ѣдятъ и поглядываютъ на другія барки и въ особенности на караванки, на коихъ, сказываютъ, поплывутъ набольшіе, кои бурлаковъ приняли, да баютъ, ошшо палить станутъ. Бурлаки получили по полтора рубля денегъ, ходятъ по заводу, покупаютъ хлѣба, мяса, больше

луку свѣжаго; нѣсколько человѣкъ купили балалайки. Въ баркахъ и на берегу варятъ въ большихъ котлахъ говядину, брюшину, баранину и ѣдятъ дружно. Накопившіе рубля три денегъ покупаютъ въ заводѣ у рабочихъ чугунки, сковородки, сковородники, утюги и разныя вещи очень дешево и тащутъ въ барки. Даже собираютъ бросовое желѣзо, валяющіеся гвозди, скобки—все пригодится, можетъ быть, кто и купитъ.

Подлиповцы торжествовали. Они никогда не живали въ такомъ большомъ обществѣ людей своей братьи и другъ другу сообщали свои чувства.

— Вотъ, значитъ, я сила. Не я бы, такъ што было бы съ вами? говорилъ Пила своимъ товарищамъ.

— Ужь што говорить! откликались Пилѣ товарищи.

— Ошшо не то сдѣлаю.

— Все бы Апроську надо, говоритъ Сысойко печально.

— Надо бы... И Пила задумывается.

— А пошто здѣсь бабъ нѣту? спрашиваютъ другіе подлиповцы.

— А кто ихъ знатъ!... Да што бабамъ-то дѣлать?... все сробили.

Всѣ они ждали той поры, когда они поплывутъ, и говорили объ этомъ предметѣ каждый по своему разуму.

*

— Вотъ теперь какъ барка-то стоитъ и зашевелится, побѣжитъ, баютъ, и не догонишь; а мы ее пехать будемъ весломъ-ту, разсуждаетъ Пила.

— А куда побѣжимъ?

— Куда... знамо куда... А куда—Пила не можетъ объяснить.

— Какъ же мы теперь побѣжимъ? Смотри, сколь желѣза-то накладено, а насъ-то сколь?.. спрашиваетъ Сысойко.

— Ужь побѣжимъ.

— Да теперь барку-то не сдвинешь. Поди, лошадь запрегутъ?

— Баютъ, водой поташшитъ.

— Экой прыткой!... А какъ да насъ запрегутъ?...

— Толкуй съ дуракомъ!...

Каждый вечеръ былъ какимъ-то праздникомъ на баркахъ: выпившіе водки плясали, тысячи бурлаковъ пѣли, въ разныхъ мѣстахъ кричали, гдѣ нибудь нѣсколько бурлаковъ все еще рубятъ что-то. Все это веселитъ подлиповцевъ.

— Надо бы Матренку взять. Вотъ бы поглядѣла курва! думаетъ Пила и говоритъ объ этомъ Сысойкѣ. Сысойко вздыхаетъ объ Апроськѣ, потомъ плюетъ и говоритъ:—ну ихъ къ лѣшимъ!

— Ну ужь, мы теперь назадъ не пойдемъ, говоритъ Пила.

— Такъ и будемъ робить, соглашается съ Пилой Сысойко.

Многіе бурлаки курятъ махорку изъ глиняныхъ трубокъ съ коротенькими чубуками.

Пила тоже завелъ трубку и постоянно куритъ махорку съ Сысойкомъ. Сначала ихъ тошнило, а потомъ они втянулись. Для чего они курили,—не знали, а такъ завидно стало: прочіе бурлаки курятъ, да и баско, веселѣе ровно, какъ покуришь.

V.

Отъ береговъ отъѣло ледъ, и онъ готовъ тронуться, какъ только прибудетъ вода. Барки прикрѣпили канатами за сваи, вбитыя въ землю. Вотъ пустили изъ заводскаго пруда воду; вода съ силой вырвалась изъ своего заключенія, быстро большою массою хлынула изъ плотины и пошла катать: все, что было по пути, неслось водой. Вотъ бросилась вода въ рѣку, сначала покрыла ледъ, потомъ ледъ поднялся, треснулъ, заколыхался... Вода все больше и больше прибываетъ, а ледъ то и дѣло ломаетъ, вертитъ словно въ омутѣ. Бурлаки стоятъ съ разинутыми ртами на баркахъ, на берегу тысяча заводчанъ... Съ берегу слышны крики.

— Тронулся... тронулся. Многіе бросали въ рѣку мѣдныя монеты.

Но ледъ только кружится, чернѣетъ.

— Пошелъ, пошелъ! кричитъ народъ.

Дѣйствительно, рѣка на большое пространство очистилась. Ледъ впереди все болѣе и болѣе напиралъ на берега, трещалъ, ломался и наводилъ на бурлаковъ ужасъ до того, что нѣкоторые изъ нихъ крестились. Барки покачивало.

— Пошла Чусовая! пошла Христовая... кричитъ народъ и кидаетъ въ нее грошики.

— Нѣтъ ли у те копѣйки? спрашиваетъ дѣвица свою подругу.

Подруга даетъ ей копѣйку, она кидаетъ ее въ рѣку и что-то шепчетъ.

По мѣстному понятію, при вскрытіи рѣки нужно подарить ее для того, чтобы не утонуть въ ней.

Ни одного бурлака не было такого, который бы не радовался въ это время. Всѣ были заняты вскрытіемъ рѣки, какъ точно дождались свѣтлаго праздника. Рѣка шумѣла, издали слышался трескъ и какой-то гулъ, бурлаки кричали.

— Смотри, какъ льдину-то шарахнуло!

— Ли што діется! Экъ ее раскололо!...

— Смотри, шитикъ тащитъ!

— Зѣвай! Лови поносную!.. Черти!

— Я васъ, я васъ! што глазѣете!... Пехай льдину, пехай!

Съ этого дня началась работа бурлацкая.

Вода все больше и больше прибывала. Мало по малу вода подходила къ баркамъ, и на третій день всѣ барки стояли въ водѣ. Крикъ, бѣготня, стукотня не умолкали.

— Спехивай барки! спехивай! Что стали? кричали лоцмана.

Бурлаки берутся за шесты.

— Не такъ, съ этого конца!

— Канатъ опусти!

— Вяжи... Заматывай, дьяволъ!.. Подай чалку!

Барки подвигались все ближе и ближе къ рѣкѣ и наконецъ были уже въ ней.

— Сто-ой!.. Ахъ вы лѣшіе!.. Брось чалку на энту барку!

— Цѣпи!... што ротъ-то разинулъ!... Да подай ты, лѣшій, веревку!

Бурлаки метались на баркахъ и на берегу. Все изъ ихъ рукъ валилось.

Подлиповцы были на берегу. Ихъ очень удивило, что барки такъ скоро попали въ рѣку, и удивлялъ переходъ отъ льда къ водѣ. Все былъ ледъ, а теперь на̀ вотъ! Ишь сколь воды-то!...

Въ каждой баркѣ была уже вода.

— Откачивай воду! живо! кричатъ лоцмана въ одномъ мѣстѣ.

— Чини барку! кричатъ въ другомъ мѣстѣ.

Павелъ и Иванъ назначены въ водоливы. Стоятъ они въ баркѣ другъ противъ друга и большимъ черпакомъ, привязаннымъ веревкой за потолокъ барки (палубу), помахиваютъ, какъ очепомъ, и выливаютъ имъ воду въ отверстія, сдѣланныя на бокахъ барки.

Ледъ шелъ уже меньше. Бурлаки долго дивились по вечерамъ: куда это ледъ идетъ? И порѣшили на томъ, что идетъ куда-то въ море-окіянъ. Съ верху стали приплывать барки все больше и больше. Теперь было уже до ста барокъ, и на каждой отъ 50 до 80 человѣкъ бурлаковъ.

Черезъ три дня, какъ прошелъ ледъ, бурлакамъ опять нечего дѣлать. Большая часть лежала на баркахъ, суша онучки на солнышкѣ, или ходили въ заводъ за хлѣбомъ. Всѣ чего-то ждали, чего-то боялись, хотѣли скорѣе плыть, разсказывали разные страхи. Сысойко и Пила съ дѣтьми попали на коломенку. Эта коломенка, какъ и другія коломенки, построена изъ сосноваго лѣсу, имѣла плоское дно, которое къ кормѣ и носу постепенно съуживалось, и имѣла палубу.

Пила и Сысойко смѣняли Павла и Ивана, когда имъ нечего было дѣлать или надоѣдало лежать. Была ли то привязанность къ ребятамъ, жалость къ нимъ, или желаніе поро-

бить—рѣшать не берусь. Только Пила сильно начиналъ надоѣдать лоцману своими услугами. Скажетъ лоцманъ бурлакамъ: подтяните поносную! Пила летитъ со всѣхъ ногъ къ поносной, Сысойко тоже за нимъ, и примутся оба за поносную. Лоцманъ видитъ, что они и взяться-то не умѣютъ какъ слѣдуетъ, обругаетъ ихъ. Пила спрашиваетъ: а ты скажи, какъ?.. Велитъ лоцманъ какому нибудь бурлаку сбѣгать на другую барку за чѣмъ нибудь, Пила опять бѣжитъ отъ работы.

— Ты куды! Ты знай свое дѣло! говоритъ лоцманъ.

— Сдѣлаю то и то... говоритъ Пила и идетъ на другую барку.

Лежитъ лоцманъ въ коломенкѣ на желѣзѣ и думаетъ что-то, смотря на ребятъ, откачивающихъ воду, Пила и Сысойко гонятъ ребятъ.

— Подь, чучело! И тутъ робить не умѣешь.

— Вотъ умѣешь!.. Пусти! кричитъ Иванъ.

— Дурень, подь побѣгай... говоритъ Пила Ивану. А ребятамъ давно хочется погулять.

— Не трогъ! Што присталъ къ нимъ? Знай свое дѣло,—облаетъ Пилу лоцманъ.

— Экой ты Терентьичъ! Мальчонкамъ-то трудно вѣдь.

— Мало ли что! взялся за гужъ, будь дюжъ.

— Да парни-то родные.

— Мало ли, что родные. Знамъ мы родныхъ-то, кто съ борка, кто съ веретейки...

Пила и Сысойко откачиваютъ воду. Покачаютъ, покачаютъ, спины заболятъ, сядутъ и ждутъ, чтобы скорѣе лоцманъ ушелъ, и имъ бы лечь поспать.

— Качай, што стали!

— Да мы такъ...

— Я тѣ дамъ, такъ!...

Этотъ лоцманъ заводскій человѣкъ и уже четырнадцатый годъ бурлачитъ по Чусовой и Камѣ, лоцманомъ служитъ шестой годъ и знаетъ всѣ опасныя мѣста на рѣкахъ, за что и получаетъ хорошее жалованье. Лоцманъ на баркѣ или на коломенкѣ—глава; безъ него ничего не подѣлаешь. Лоцманъ отвѣчаетъ за цѣлость барки, казеннаго имущества, здоровье людей,—однимъ словомъ, онъ долженъ въ цѣлости сдать то, что принялъ. Поэтому неудивительно, что лоцманъ обращается со всѣми какъ ему вздумается.

Вотъ къ этому-то человѣку и старался втереться Пила, понравиться, для того, чтобы ему лучше было. Онъ понялъ, что всѣ его товарищи бурлаки такіе же люди, какъ и онъ, что отъ нихъ ничего не получишь хорошаго, а еще наживешь худа, пожалуй лоцманъ возьметъ да и прогонитъ, какъ прогналъ ше-

стерыхъ бурлаковъ за то, что они стащили ночью съ барки двѣ полосы желѣза.

Лоцманъ же, бывши самъ бѣднымъ бурлакомъ, всѣхъ считалъ равными себѣ, зналъ нужду каждаго, не налегалъ ни на кого слишкомъ работою и требовалъ только, чтобы всѣ исполняли свое дѣло какъ слѣдуетъ. Одно только въ немъ было скверно: зная, какъ и что сдѣлать, онъ хотѣлъ, чтобы всѣ такъ дѣлали и дѣлали живо.

Чтобы больше втереться къ лоцману, Пила сталъ ему наговаривать на бурлаковъ.

И дѣйствительно, лоцманъ по вечерамъ сидѣлъ съ подлиповцами, разспрашивалъ ихъ объ родинѣ и самъ разсказывалъ имъ свои дѣлишки.

— Вотъ ты пошелъ теперь бурлачить, и ладно. Города посмотришь разные, и жизнь-то лучше будетъ. Я, братъ, тоже прежде мыкался такъ-ту, да поправился. Трудно было, за то теперь любезно поживаю: въ заводѣ баба, лѣтомъ весело.

Пила слушалъ ротъ розиня.

— Какъ походишь годовъ десятокъ, и самъ будешь лоцманъ.

— А таперь нельзя?

— Экой ты дурень! Ты знаешь ли, што за штука лоцманъ?

— Э!

— Точно. Возьмешься ты за это дѣло и покаешься. Вотъ таперь Чусовая. Ужь я знаю все, гдѣ какое мѣсто опасное, а кто ево знаетъ, что случится. Вдругъ какъ коломенка-то разобьется, ну и потонетъ. А я отвѣчай... Дура!

Пила не понималъ, какъ можетъ потонуть коломенка. Лоцманъ растолковалъ ему.

— Эко дѣло!.. Научи ты меня, Терентьичъ! говорилъ Пила.

— Вотъ и учись. Ты стой возлѣ меня. Я тебя заставлю поносной водить.

— Ужь ты и Сысойка заставь.

— И его заставлю. Только смотри, дѣлай, какъ я буду велѣть.

— Ужь не бай! А ты, Терентьичъ, и ребятъ туды поставь.

— Ребятъ нельзя. Работа ихъ легкая. А имъ съ экимъ бревномъ валандаться неподходящее дѣло... Надо тоже и чувствіе имѣть.

— А если можно, ты лучше со мной поставь.

— Толкуй съ дуракомъ! Ты то пойми: што имъ здѣсь дѣлать-то? Какая у нихъ сила? Ишшо захвораютъ, горе будетъ съ ними.

— Ну, такъ и ладно.

Терентьичъ очень понравился Пилѣ, но Сысойко почему-то не взлюбилъ его.

Не долго постояли барки; не долго нѣжи-

лись и бурлаки. Надо же и плыть въ дальній путь... Поплывайте, добры молодцы, за богачествомъ. Не знаете вы, что богачество-то вы сами спроваживаете: барки-то полны, да не для васъ все это.

VI.

Прикащики сосчитали всѣхъ бурлаковъ. Бѣглыхъ оказалось двадцать четыре человѣка. Барки были осмотрѣны старательно. Дали бурлакамъ по полтиннику денегъ и велѣли готовиться въ путь; а тронуться назначено завтра. Окончивъ повѣрку и осмотръ барокъ, прикащики сказали лоцманамъ: ну, ребята, завтра мы поплывемъ. Смотрите, берегите барки и народъ.

— Ужь въ эвтомъ не сумнѣвайтесь, было отвѣтомъ лоцмановъ.

— Ну, и ладно. А вы, ребята, бурлаки, во всемъ слушайтесь лоцмановъ. Если кто лѣнивъ окажется да буянить будетъ, того мы прогонимъ и денегъ не дадимъ.

Бурлаки на это ничего не сказали, а стояли безъ шапокъ, переминаясь съ ноги на ногу и почесывая свои бока.

— А когда въ Пермь приплывемъ, тогда получите половину денегъ сполна.

Бурлакамъ это любо показалось. Кто по-

клонился прикащику, а кто и такъ стоялъ и смотрѣлъ на прикащика, какъ будто говорилъ про себя: больно ты хорошъ человѣкъ, только не обидь бѣднаго человѣка...

Когда ушли прикащики, дѣятельность оживилась: лоцмана кричали на бурлаковъ, бурлаки бѣгали, кое что прилаживали и починивали, готовили барки къ отплытію. Вечеромъ, накупивши въ заводѣ хлѣба и лаптей, всѣ бурлаки загуляли — пропили свои трудовыя деньги. Вечеромъ въ заводѣ было большое веселіе: у бурлаковъ много было знакомыхъ изъ рабочихъ и они теперь угощали ихъ за хлѣбъ-соль. Наши подлиповцы тоже были пьяны, даже Павелъ съ Иваномъ выпили косушку, и лоцманъ Терентьичъ тоже былъ пьянъ и бахвалился тѣмъ, что онъ лоцманъ не на баркѣ, а на коломенкѣ и шесть лѣтъ благополучно проводилъ барки. Пѣсни и пляски стихли далеко за полночь, и многіе бурлаки вовсе не спали, потому что въ четвертомъ часу утра пріѣхало заводское начальство съ духовенствомъ. Священникъ отслужилъ молебенъ на караванкѣ, окропилъ барки водой, раздался выстрѣлъ; бурлаки дрогнули, а онъ глухимъ раскатомъ залился въ горахъ. Выстрѣлили съ караванки еще разъ, еще разъ, и пошла пальба... Народу на берегу много было.

— Отчаливай! Живо!.. крикнулъ кто-то съ главной караванки.

Бурлаки бѣгали какъ угорѣлые по баркамъ, перебѣгали съ барки на барку, кто бралъ весло, кто держалъ поносную, кто веревку...

— Отчаливай вонъ ту! что стали? кричали съ караванки. Барки трещали, скрипѣли...

Одна барка пошла, понесло и людей вмѣстѣ съ нею. Подлиповцы ротъ разинули.

— Крестись! командовали лоцмана.

Крещеные бурлаки перекрестились.

Барку повернуло бокомъ, и она такъ и поплыла.

— Греби возьми!.. Бурлаки схватили весла. Одно весло держали двое.

— Греби сильнѣй! греби-и!!

Бурлаки опустили въ воду весла и стали помачивать ихъ.

— Отчалива-ай!!

Поплыли еще двѣ барки, потомъ три, десять....

Пила и Сысойко стояли по срединѣ коломенки, ничего не понимая.

— Сысойко! сказалъ Пила съ боязнію и вцѣпился въ полу Сысойкина полушубка.

— Боюсь, отвѣтилъ Сысойко.

Дѣти Пилы перестали откачивать воду. Они тоже стояли около отца и, ухватившись за полы полушубковъ Пилы и Сысойка, дико смотрѣли на удаляющіяся барки.

— Эй вы! Пила! Сысойко! на корму! кричитъ лоцманъ.

Пила и Сысойко подошли.

— А вы што глазѣете! Пошли въ барку! крикнулъ лоцманъ на дѣтей Пилы.—Эй, вы! у веселъ стойте!... Пошли на носъ! еще шестеро сюда! командовалъ лоцманъ, толкая бурлаковъ и тыча въ ихъ подбородки.

Стали стаскивать въ воду поносныя. Стаскиванье сопровождалось пѣснею: обхватитъ бурлакъ поносную, напретъ на нее всею силою и закричитъ: «дернемъ-подернемъ, да разъ!.. Ха!!» — и двигается поносная, а не запоетъ бурлакъ этой простой пѣсни — и силы нѣтъ...

— Смотри, ребя! не робѣть. Что скажу, то и сполняй. Теперь, братцы, боязно, какъ разъ потонемъ! говоритъ лоцманъ.

Всѣ бурлаки струсили, а Пила спросилъ лоцмана: а пошто? Лоцману не до разсужденій было. У него много дѣлъ.

Всѣ приготовлены, каждый держитъ въ рукѣ что нибудь: кто весло, кто поносную, кто шестикъ, лежащій на коломенкѣ, кто веревки.

—Отчаливай! закричалъ лоцманъ Терентьичъ. — Отвязывай веревку-то!

Съ другой барки отвязали веревку съ кормы. Коломенку двинуло въ воду и живо поворотило кормой въ низъ по рѣкѣ.

— Мужланы! Анаѳемы!! Я васъ! реветъ лоцманъ... — Да отвязывайте носовую веревку!... Ахъ бѣда!... Греби къ берегу!... стой въ носу!.. Не тронь канатъ!

Бурлаки забѣгали, напугались. Сдвинули поносную и стали; погребли веслами и стали. Лоцманъ вышелъ изъ терпѣнія.

— Ахъ мука какая! Да будьте вы прокляты, дьяволы эдакіе! Загребай воду-то! Не такъ: въ ту сторону!.. Ахъ бѣда! Отъ себя, чортъ, отъ себя!... Бурлаки работали, что есть силы. Съ нихъ катилъ потъ, а все не въ толкъ...

— Что вы стали, дьяволы! кричали на эту коломенку съ берегу и съ караванокъ.

— Отчаливай носъ! Принимайся въ греби! загребай въ рѣку. Коломенка пошла и пошла бокомъ поперегъ рѣки.

— Сильнѣе, сильнѣе! Эй вы, носовые, въ глубь! въ глубь!... А вы къ берегу... Стой весла, иди сюды!

Кормовыхъ и носовыхъ пробрало. Потъ такъ и катилъ съ нихъ. Коломенка скрипѣла, покачивалась и ушла уже далеко отъ завода. Бурлаковъ привѣтствовалъ рѣзкій вѣтеръ. Воздухъ свѣжѣлъ.

— Стой! кричитъ лоцманъ. Бурлаки сѣли, на рукахъ мозоли, а коломенка идетъ животомъ впередъ.

— Славу Богу — начинъ хорошъ, а тамъ не знаю, что будетъ, говорилъ лоцманъ и крестился. За нимъ крестились и прочіе.

Бурлаки сидятъ и удивляются, что они плывутъ; впереди и позади тоже барки плывутъ. Много ихъ пущено. Сидятъ они, смотрятъ на деревья и дивуются: ровно коломенка-то стоитъ, только деревья бѣгутъ, вонъ и камни бѣгутъ, и мужикъ какой-то бѣжитъ. Чудно! Ничего не поймешь. Коломенку несло очень скоро. Бурлаки не долго сидѣли. Минутъ черезъ пять лоцманъ опять поднялъ всѣхъ на ноги.

— Заворачивай корму! живо!... Корма повернулась вкось. — Греби къ тому берегу, смотри, тутъ плотъ — это заплавь называется. Кабы не торнуться... Дѣло въ томъ, что дно р. Чусовой каменистое, и сама она очень быстра и извилиста, такъ что нерѣдко барки ударяются въ береговые камни огромной величины, какіе выглядываютъ даже изъ воды на серединѣ рѣки. Поэтому, въ отвращеніе несчастныхъ случаевъ, придумали ограждать эти камни, носящіе разныя названія, въ родѣ: Косой, Бражка, Узенькій, Писаный, Дужный, Печка, Горчакъ, Разбойникъ,—заплавями, состоящими изъ двухъ плотинъ, изъ которыхъ каждая половина состоитъ изъ трехъ *пряселъ* (бревенъ) длиною до 10 саженъ,

толщиною до 7 вершковъ, связанныхъ между собою веревками. Они привязываются къ деревьямъ, ростущимъ на берегу, такъ, чтобы, плавая по водѣ, могли принять на себя барку, если она силою теченія будетъ плыть прямо на камень. Но эти заплави мало приносятъ пользы, потому что, ударомъ барки о бревна, бревна далеко относитъ и барка все-таки разбивается о камень. Въ двухъ верстахъ показалась черная гора.

— Греби! не робѣй, ребятушки... Выручи, водки куплю!...

Работа началась на всей коломенкѣ, работали носовые, кормовые и греби. Весла и поносныя шумѣли, вода отъ плеска тоже шумѣла, вѣтеръ свисталъ и проницалъ каждаго человѣка до костей. Всѣ умаялись; всѣ молчатъ, дико смотря на приближающуюся гору. Каждый трепещетъ и молится горѣ: матушка, горушка! выручи!.. Лоцманъ нѣсколько разъ перекрестился, поминутно мѣрялъ шестомъ глубину рѣки и самъ помогалъ грести поносную. Гору миновали благополучно. Лоцманъ перекрестился и сказалъ: брось! Всѣ бурлаки сѣли.

Так плыли бурлаки цѣлый день.

И хорошо, какъ плывутъ барки! Люди сидятъ измученные и что-то думаютъ, вѣроятно о трудной работѣ, какой они еще не дѣлы-

*

вали, и весело имъ кажется: барка плыветъ, лѣсъ и камни мелькаютъ. Ишь, какое дерево-то хорошее промелькнуло! Вонъ какой лѣсъ показался, рѣчка бѣжитъ, а тамъ вдали деревушка подъ горой стоитъ и сѣрыя поля съ грядами видятся... Вонъ село какое-то съ деревянной церковью, ишь какія крыши-то высокія, такъ вотъ и кажется, что дома другъ на дружку лѣпятся. Вонъ опять поле, плетнемъ огороженное. Какой-то мужикъ въ тележкѣ ѣдетъ... А вонъ налѣво лѣсъ горитъ, и тушить-то его некому. А вонъ мужики куда-то бревна везутъ. Вонъ въ лодкѣ мужикъ съ бабой рѣку переѣзжаетъ...И все плыветъ, идетъ, бѣжитъ куда-то, все смотритъ на бурлаковъ, киваетъ имъ привѣтливо: здравствуй, молъ, поштенный! куда те Богъ несетъ?... Бурлаки дѣйствуютъ веслами и поносными; вода плещется, барка скрипитъ, точно какъ плачетъ, обмывается водой, смывая бурлацкія слезы... Бурлаки работаютъ: то и дѣло нагибаютъ спины, наклоняются, поднимаются, шлепаютъ тяжелыми, усталыми ногами, думаютъ что-то, вѣроятно объ томъ: ахъ бы лечь да отдохнуть... Рубашки смокли, прильнули къ горячему тѣлу, по бородамъ текутъ крупныя потныя капли и падаютъ то на весла, то на рукавицы... А барку несетъ бокомъ; лѣса, поля, деревни, люди —

на, Лиссабона и до сей торжественной исповѣди англійскаго парламента: отъ одной строки профессора — до 200 тысячъ штыковъ и ста линейныхъ кораблей, до государствъ, обливаемыхъ кровью!»

Представивъ доводы въ пользу немедленнаго прекращенія преподаванія философскихъ наукъ, Магницкій заключаетъ слѣдующими словами свою записку: «Глубоко убѣжденный въ сихъ истинахъ, горестныхъ для сердца, преданнаго вѣрѣ своихъ отцовъ, готовъ будучи запечатлѣть ихъ моею кровью, я почелъ себя обязаннымъ, какъ членъ главнаго правленія училищъ, какъ вѣрный сынъ церкви, какъ ненарушимо присягнувшій моему Государю подданный, какъ Русскій, оберегающій для потомства своего доброе имя отечественной исторіи, какъ христіанинъ, долженствующій предстать нѣкогда на страшное судилище Божіе, — я почелъ себя обязаннымъ, устранивъ всѣ соображенія, всѣ ухищренія приличій сказать почтенному начальству моему истину, самоважнѣйшую по моему мнѣнію. Я истребилъ за собою мостъ, по которому могъ бы отойдти нѣкогда къ другому образу мыслей, не оставилъ никакой средины между двумя для себя крайностями: или я мыслю право — правоту мою примутъ въ уваженіе; или я мыслю ложно — меня избавятъ отъ всякаго участія въ такихъ дѣлахъ, гдѣ принужденъ я былъ бы дѣйствовать противно моей совѣсти и гдѣ мой образъ мыслей будетъ только препинать успѣшный

лось нѣсколько бурлаковъ; къ баркѣ плыли въ шитикѣ два лоцмана и четверо бурлаковъ.

— Пусти! говорили они.

— Греби! что стали?.. говоритъ лоцманъ Терентьичъ.

— Ради Христа...

— Ну васъ!.. Греби сильнѣе, вонъ тамъ опасно...

Барка завернула за утесъ. Впереди плывутъ барки.

— Вотъ оно што!..

— Бѣда...

— Экъ ее хлобыснуло! разсуждаютъ бурлаки.

— А еще два лоцмана! говоритъ лоцманъ Терентьичъ.

— Какъ же теперь? спрашиваетъ лоцмана Пила.

— А такъ: барка потонула, а можетъ, и люди потонули, лоцману бѣда. Ахъ, злочесь какая! тужитъ лоцманъ.

— Эй ты, мужланъ, сворачивай въ глубь! кричитъ лоцманъ на лоцмана одной барки, плывущей впереди.

— Э! отозвалось съ барки и слышится оттуда крикъ: — вали къ берегу! вали!

Бурлаки плывутъ молча. Темнѣетъ. Слышны скрипъ барокъ, глухой плескъ воды, да пѣсня: разомъ да разъ! дернемъ подернемъ да разъ!... Ха!...

Вечеромъ пристали къ прочимъ баркамъ. На баркахъ разсуждали объ убившейся баркѣ. Много бурлаковъ хотѣло идти посмотрѣть на ту барку и потужить съ бурлаками, да идти-то далеко и отдохнуть хочется.

— Эдакъ и мы помремъ, говоритъ Сысойко.

— Не помремъ. У насъ лоцманъ — бѣда! говоритъ Пила.

Бурлаки наѣлись сытно и улеглись спать въ барки. Во снѣ имъ снилось: какъ они плывутъ, какъ кричитъ лоцманъ, какъ хлобыснется барка объ утесы, какъ они поднимаются на горы и падаютъ въ рѣку...

Ночью приплыло къ баркамъ нѣсколько бурлаковъ съ разбившейся барки. Утромъ ихъ приняли на двѣ барки. Эти бурлаки говорили, что потонули два бурлака, одинъ лоцманъ убѣжалъ куда-то, а другой уѣхалъ куда-то къ набольшимъ.

Въ третьемъ часу утра бурлаки уже отчаливали барки. Берега опять огласились бурлацкою вознею, скрипомъ веселъ и поносныхъ, руганью лоцмановъ, пѣснями: дернемъ, подернемъ да разъ!... И каждую весну оглашаются такъ берега Чусовой; страшилища утесы, пугалища камни любуются трудомъ бурлаковъ, издѣваются надъ людскимъ горемъ... И сколько по этой Чусовой барокъ пройдетъ!

Не одинъ десятокъ тысячъ людей, плывя по этой быстрой, каменистой, страшной рѣкѣ, дрожитъ отъ страха и молится горамъ: «не ударь — проведи ... Всю жизнь буду молиться тебѣ... Что хошь возьми — только не убей!..» Только по ночамъ опасности забываются и идутъ разсказы про Ермака Тимофеича, о камнѣ Ермакѣ-разбойкѣ, да воздухъ оглашается скрипочной игрою съ каравановъ, на которыхъ съ утра до вечера буянятъ и пьянствуютъ прикащики...

VII.

До Камы барки плыли восемь дней. Ночью приставали гдѣ попало. Приставали и днемъ около селеній, въ которыхъ закупали хлѣба.

Можно бы много написать про то, какъ бурлаки плыли восемь дней, да не стоитъ, потому что первый день плаванія походилъ на прочіе: тотъ же крикъ лоцмановъ, тѣ же пѣсни бурлаковъ, та же возня ихъ, тѣ же думы бурлаковъ. Бурлака мало интересуетъ природа: видитъ онъ баское мѣсто, да что толку? Не про него оно устроилось такъ... Ему бы поѣсть только хорошенько да поспать въ теплѣ... А тамъ, можетъ, и лучше будетъ. Только работа больно какъ тяжела! Почти четверть бурлаковъ чувствуютъ боль, и поло-

вина этихъ больныхъ лежитъ, да и на нихъ покрикиваютъ лоцмана: что дрыхните!

— Ой помираю! стонутъ бурлаки.

— Я тѣ помру! Пошелъ, робь!.. кричитъ лоцманъ.

А бурлакъ и пошевелиться не можетъ.

Два бурлака умерли. Ихъ зарыли на берегу. А зарыть очень легко, легко и въ рѣку съ камнемъ бросить, потому: можно сказать, что они убѣгли. Сельское начальство не скоро отыщешь, надо ждать дня три, да оно еще привяжется. Ужь лучше, какъ зарыли; всѣ знаютъ, что человѣкъ-то померъ; ну, и спи, родной: по крайности не мучишься!.. Пожалѣютъ бурлаки мертвеца, да и забудутъ въ тотъ же день, только ночью инымъ мерещется во снѣ что-то страшное.

У заводовъ и большихъ селъ барки и коломенки останавливаются для закупки провизіи. Прикащики выдаютъ бурлакамъ деньги на харчи, и съ прибытіемъ барокъ набережныя заводовъ, селъ и деревень оживаютъ. Бурлаки запасаются хлѣбомъ, наполняютъ кабачки; жители навязываютъ имъ разныя сласти, — мясо, брюшину, яица, лукъ, огурцы и т. п. и продаютъ, сравнительно съ приволжскими мѣстами, очень дешево. Бурлакъ, имѣющій деньги, непремѣнно покупаетъ что нибудь и,

главное, непремѣнно вернется на барку на веселѣ.

Пила съ Сысойкомъ пробавлялся даромъ. Ни у него, ни у ребятъ его, ни у Сысойка не было денегъ. Хлѣбъ, купленный въ заводѣ, давно весь вышелъ, такъ какъ каждый съѣдалъ въ сутки по полковригѣ. Когда не стало у нихъ хлѣба, они воровали изъ котомокъ другихъ бурлаковъ. На рынкахъ, въ селахъ и заводахъ Пила на хитрости пустился. На рынкахъ обыкновенно кричатъ:

— Хлѣба купи! луку купи!

Пила и говоритъ: давай. И наберетъ пять ковригъ. Сысойко наберетъ огурцовъ и луку.

— А вы деньги подайте?

— А ты подожди. Насъ гли сколь — не убѣжимъ

— Знаемъ мы васъ!

— Толкуй ошшо! Сказано, прибѣгу.

Къ торговкѣ или къ торговцу приходятъ другіе покупатели, Пила и Сысойко уходятъ на свою барку; а какъ ушли, и поминай, какъ звали.

Такимъ же манеромъ онъ и мясо покупалъ.

На пристаняхъ бурлаки отдыхали; этотъ отдыхъ былъ для нихъ какимъ-то праздникомъ. Накушавшись хлѣба, доставши сластей, они дружно ѣли кучками и ѣли очень много, такъ много, что другой крестьянинъ не

съѣстъ столько: возьметъ пленку луку, съѣстъ, — мало, еще съѣстъ; возьметъ огурцы, съѣстъ, у другаго попроситъ; нальетъ изъ котла щей въ большую деревянную чашку, накрошитъ въ нее хлѣба, водицы рѣчной подольетъ и хлебаетъ огромной бурлацкой ложкой. Цѣлаго котла не доставало на толпу, и они, выхлебавъ щи, нальютъ въ чашку воды и опять хлебаютъ съ крошками. Да и щи-то какіе: вода да мясо, безъ всякой приправы... За то всѣ ѣдятъ дружно, не сердятся, не завидуютъ, какъ будто всѣ родные братья. Наѣстся бурлакъ и начнетъ проминаться — что нибудь ладитъ, кое-кто лапти чинитъ, кое-кто спитъ, развалившись на палубѣ, такъ что только вѣтерокъ развѣваетъ волосы да бороды. Вечеромъ стоитъ посмотрѣть на бурлаковъ, чего-то они не дѣлаютъ: и поютъ, и пляшутъ, и играютъ на гармонійкахъ, точно забыли денной трудъ, точно радуются, что они миновали опасность, не нарадуются, что дождались таки волюшки-свободушки и не думаютъ, что завтра опять будетъ тяжелый трудъ... Почти каждый бурлакъ, плывущій не въ первый разъ, знаетъ пѣсню «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», и пѣсня эта часто поется разомъ на трехъ-шести баркахъ. Больно нравится бурлакамъ эта пѣсня,—почему, они не дадутъ отчета, только чувствуютъ,

что она хорошая пѣсня и лучше ея нѣтъ другой пѣсни.

Дѣти Пилы тоже радовались вмѣстѣ съ бурлаками. Работа ихъ была легкая, и братъ съ братомъ постоянно толковали объ чемъ нибудь.

— Слышь, какъ лоцманъ реветъ! дивуется Павелъ.

— Ну ужь и горло! Ребята смѣются.

— Это онъ на Сысойка кричитъ.

— Э! пусть кричитъ... Слышь! Во какъ честитъ!

— А вотъ на насъ такъ не кричитъ.

— А пошто онъ те вчера билъ?

— Ужь молчи! Самово тебя билъ.

— Вотъ што, Пашка, пошто это барка-то пишшитъ?

— А кто ее знатъ.

— Поди мужикамъ-то трудно?

— Што мнѣ... А мы вотъ качали-качали, а воды все гли сколь! Какъ ты ее ни отливай, а ее все больше да больше.

— Вотъ што... сдѣламъ дыру въ баркѣ-то, вода и выбѣжитъ...

— Дурень! Да вѣдь вода-то отъ тово и бѣжитъ въ барку — дыры въ баркѣ-то. Ты сдѣлай дыру и потонемъ.

— А тятька-то воръ, гли, сколь хлѣба укралъ.

— Отколотимъ его.

— У него сила, Ванька,—прибьетъ! Вонъ и Сысойко не можетъ съ нимъ справиться.

— Да Сысойко вахлакъ: Сысойка я что есть прибью.

— Пойдемъ спать?

— Давай лучше барки пускать.

— Давай.

Ребята бросаютъ въ воду щепку и смотрятъ: идетъ щепка, или нѣтъ. Щепка стоитъ....

— Умоемся. И ребята умываются грязной водой, покрывшей на полторы четверти дно барки. Читатель, можетъ быть, удивился: зачѣмъ ребята умывались грязною водою, накопившеюся въ баркѣ, когда они могли бы умыться въ самой рѣкѣ? Во первыхъ, они были еще глупы; прежде они умывались и купались въ рѣчкѣ, находящейся въ трехъ верстахъ отъ Подлипной, да и я забылъ раньше сказать, что въ Подлипной бань не существовало; во вторыхъ, они были водоливы и имъ было мало времени на то, чтбы бѣгать на берегъ, а достать воды ведромъ... они вѣроятно не додумались до этого въ тотъ моментъ, когда имъ пришла мысль: есть вода подъ ногами—и ладно.

Больше всего ихъ занимало то: идетъ барка, или нѣтъ.

— Смотри, Пашка, какъ лѣсъ бѣжитъ.

— Ужь я смотрю.

— А барка-то стоитъ...

— Ну и врешь: лѣсъ бѣжитъ и барка бѣжитъ.

— Диво!... Пошто это барка-то бѣжитъ? Вѣдь ее никто не везетъ?

— То-то и есть.

Ребята старались сами узнать, почему это такъ. Спросить некого. Они знали, что бурлаковъ не стоитъ спрашивать. Вотъ они разъ бросили съ барки доску, доска поплыла; бросили камень, камень утонулъ. Спустили шестъ на воду, шестъ потянуло къ низу, и они никакъ не могли удержать его.

— Эка сила!

— Вотъ поэтому и тащитъ насъ.

— А мы попробуемъ, зайдемъ въ рѣку — поплывемъ, али нѣтъ.

Разъ они зашли въ воду по колѣно, ихъ перло къ низу.

— Эка сила—утащитъ!

Они хотѣли идти дальше, и потонули бы, да ихъ лоцманъ испугалъ:—потонуть вамъ, шельмамъ, хочется!

— Мы, дядя, такъ...

— Я тѣ дамъ такъ! Ступи-ко еще, и утонешь.

— А и то утонешь, вонъ камень потонулъ тоже...

было, конечно, одного проповѣданія; новость истины придавала ей особенную силу, но нынѣ потребны для насъ гораздо сильнѣйшія средства *). Теперь нужно чтобы человѣкъ, управляемый своими чувствами, находилъ въ добродѣтели чувственныя прелести. *Нельзя искоренить страстей; должно только стараться направить ихъ къ благородной цѣли, и потому надобно, чтобы каждый могъ удовлетворять своимъ страстямъ въ предѣлахъ добродѣтели и чтобы нашъ орденъ доставлялъ къ тому средства* **).

«.... Какъ скоро будетъ у насъ нѣкоторое число достойныхъ людей въ каждомъ государствѣ, каждый изъ нихъ образуетъ опять двухъ другихъ и всѣ они тѣсно между собой соединятся: тогда все возможно для ордена, который втайнѣ успѣлъ уже сдѣлать многое ко благу человѣчества ***).»

Возвратимся къ мнѣнію Магницкаго о преподаваніи философскихъ наукъ въ нашихъ университетахъ. Заключеніе Магницкаго клонилось къ безусловному запрещенію преподаванія этихъ наукъ. «Нѣтъ ника-

---

*) *Примѣчаніе Магницкаго.* И дана быша ему уста, глаголюща велика и хульна. (Апок. XIII, 5.)

**) *Примѣчаніе Магницкаго.* Слово въ слово урокъ нравственной философіи, на всѣхъ экзаменахъ нашихъ университетовъ открыто доказываемый!

***) *Примѣчаніе Магницкаго.* Весьма вѣроятно, что здѣсь разумѣются успѣхи просвѣщенія.

кого способа, говорилъ онъ, излагать эту науку не только согласно съ ученіемъ вѣры, ниже безвредно для него.» Вопросъ, возбужденный въ такой формѣ, обратилъ на себя вниманіе высшаго начальства, но онъ былъ слишкомъ важенъ, чтобы возможно было прибѣгнуть, въ разрѣшеніи его, къ одной изъ тѣхъ крутыхъ и рѣзкихъ мѣръ, предъ которыми не останавливался попечитель Казанскаго округа. Образъ дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія представляетъ въ этомъ случаѣ много любопытнаго. Такъ какъ Магницкій указывалъ въ запискѣ своей преимущественно на примѣръ Франціи, гдѣ будто бы правительство не допускало преподаваніе философіи, то прежде всего положено было разузнать въ точности, какія распоряженія существовали на этотъ счетъ въ упомянутой странѣ. Задача эта возложена была на члена главнаго правленія училищъ, графа Лаваля.

Графъ Лаваль поспѣшилъ обратиться за необходимыми для него свѣдѣніями къ лицамъ, на которыхъ возложено было, въ числѣ прочихъ, управленіе учебною частью во Франціи, а именно къ знаменитому Кювье, къ гг. Сильвестру-де-Саси (который, впрочемъ, покинулъ свою должность за нѣсколько времени предъ этимъ) и къ де-Маллевалю, директору коллегіума Лудовика Великаго. Онъ просилъ ихъ разъяснить слѣдующіе вопросы:

1) Въ какихъ размѣрахъ заключено преподаваніе

— Да больше тово, сколь прошли.

— А Подлипная близко? спросилъ Пила.

— Какая Подлипная?

— Ну, наша-то деревня?

— Чердынь-то?

— Ну, Чердынь городъ.

— Да какъ тебѣ сказать, не солгать? Мы одново разу судно тянули отъ Перми до Чердыни; пошли, тепло было, а пришли туда, холодно стало, потому значитъ долго шли—рѣка больно мелка. А такъ ходу недѣля.

— Вре?

— Только недѣля. Вотъ таперь тамъ хлѣбъ больно дорогъ, а суда ходятъ только до Усолья да до Соликамска, а въ Чердынь рѣдко, потому рѣка мелка, да и Чердынь въ сторонѣ верстъ за сорокъ стоитъ.

— Да мы въ Усольѣ городѣ были. Тамъ ишшо соль дѣлаютъ. А оттуда шли-шли... Пошли, стужа была, а пришли къ баркамъ, тепло стало.

— А можно бы въ двѣ недѣли дойти.

— Ну и врешь!.. Подлиповцы думали, что лоцманъ морочитъ ихъ.

— Вы кругъ большой дали: вамъ бы по Камѣ надо идти или по большому тракту.

— Вре?

— Вамъ можно всево только недѣлю дойти

до Перми, а тамъ бы на пароходы наняться.

— И то бы лучше тамъ было.

— Я вотъ теперь Каму хорошо знаю, и на Волгѣ бывалъ годовъ съ пять. Хотѣлъ на пароходъ наняться, да прохворалъ зиму-то; а нынѣ наймусь безпремѣнно зимой.

— Тамъ баско?

— Да лучше здѣшняго, работы меньше.

— Такъ ты и насъ возьми.

— Можно будетъ, и вамъ доставлю работы.

Пила съ Сысойкомъ задумали поступить на пароходы, еще не зная, что это за штуки такія.

IX.

Барки тронулись по Камѣ. Кама бушевала, дулъ съ низу сильный вѣтеръ, шелъ дождь. Бурлаковъ пробирало вѣтромъ очень чувствительно, полушубки ихъ смокли. Барки покачивало отъ большихъ волнъ. Подлиповцы въ первый разъ увидали такія волны и дивовались.

— Экая большая, какъ гора! Смотри, какъ хлобыснулась! Ишь какъ! Шумитъ больно...

Барки плыли въ разсыпную бокомъ. Бурлаки работали съ часъ. Ихъ хорошо пробрало, да и грести не стоило. Бурлакъ такъ гребетъ: спуститъ весло въ воду, обмакнетъ и

подниметъ, кое кто развѣ гребнетъ, да и то рѣдко. Работа очень скучная. А въ вѣтеръ немного такъ нагребешь: спустилъ бурлакъ весло въ воду, волна и ударитъ его, а иное и недостанетъ воды. Лоцмана наконецъ прекратили работу, да и не стоило работать, когда барка шла по серединѣ рѣки. Вонъ два острова миновали уже, а теперь и спи часа два, а тамъ Мотовилихинскій островъ будетъ и Пермь въ двухъ верстахъ.

Подлиповцы, кромѣ Елки, который хворалъ, по прежнему находились у кормы. Пилу и Сысойка больно пробрало вѣтромъ, вымочило дождемъ; они дрожали. Имъ страшно надоѣло сидѣть на кормѣ, а лоцманъ не пускаетъ въ коломенку.

— Сиди, чего еще надо? Вотъ скоро Пермь будетъ, выдрыхнешься.

Однако Пила увелъ Сысойка въ нутро коломенки и легъ на желѣзныя доски. Оба дрожали. Въ коломенкѣ лежали семь бурлаковъ.

— Ну ихъ къ лѣшимъ! Не станемъ робить! говорилъ Пила.

— Баютъ: городъ скоро, тамъ и останемся, говоритъ Сысойко.

— И мы съ вамъ! напрашивается Павелъ.

— Васъ не возьмутъ.

— Возьмутъ.

— Коли возьмутъ, ступай. А ужъ мы здѣсь

не останемся. Ну ужь и край! Экъ вымокли. Помремъ тожно...

— А лоцманъ баетъ: сила онъ. А тоже и безъ него барку-то тащитъ.

— Послушай только его, навретъ онъ тебѣ.

— Наплевать намъ на лоцмана! говоритъ одинъ изъ бурлаковъ.

— Ужь больно кривливъ. А мы вотъ, какъ онъ закричитъ на насъ, и не пойдемъ! ворчитъ Пила.

— Ты за меня держись: ужь не пойдемъ! говоритъ Сысойко.

— Городъ, баетъ, близко. Да поди ошшо вретъ: сколько водилъ по рѣкамъ-то, да обманывалъ!

— Вотъ онъ таперь насъ бьетъ. А пошто? говоритъ Павелъ.

— А ты не давайся. Мнѣ скажи; я ему задамъ, ворчитъ Пила.

— Баетъ, прогоню.

— Ишь командеръ какой, чортъ! Самъ восемь медвѣдевъ убилъ...

— Лоцманъ баетъ, намъ въ городѣ денегъ дадутъ.

— А не дадутъ разѣ? Ну-ко не дай... попробуй!

— Эй вы, черти! что спрятались? крикнулъ въ дыру лоцманъ.

Пила и Сысойко ни съ мѣста. Павелъ и Иванъ тоже перестали откачивать воду.

Лоцманъ еще крикнулъ. Сысойко и Пила хохочутъ: экъ испугались! Лоцманъ вошелъ въ барку. За нимъ вошло бурлаковъ двадцать.

— А вы куда! Пошли!.. закричалъ онъ на бурлаковъ.

— Не слушай его, лѣшева. Заведетъ онъ васъ въ чучу! кричитъ Пила.

Бурлаки развалились спать. Лоцманъ руками хлопнулъ.

— Да что вы, анаѳемы? Пошли!

Бурлаки хохочутъ.

— Бурака водка баръ! Пьенъ се, шайтанъ те заѣшь, проговорилъ черемисъ.

— Пырни ево! пырни! кричитъ Пила одному бурлаку.

Лоцманъ сталъ бить Пилу. За Пилу вступились прочіе бурлаки.

— Такъ вы такъ! начальство не хотите знать?.. Пошли вонъ!

— А ты деньги подай! Тогда и распоряжайся! кричитъ Пила.

— Деньги подай! говорятъ бурлаки.

Лоцманъ струсилъ. Всѣ бурлаки вооружились на лоцмана и никто не шелъ на палубу.

«Бѣда! еще убьютъ пожалуй»! думаетъ лоцманъ.

— Братцы, да не сердитесь! ну чѣмъ я васъ обидѣлъ?

— Знаемъ мы, чѣмъ ты обидѣлъ. Подай деньги и робить станемъ.

— Ребятушки, вѣдь эдакъ мы и городъ проплывемъ.

— Ты городъ кажи!

— Да скоро. Вонъ за тѣмъ угломъ и городъ.

Бурлаки не шли на палубу. Лоцманъ ушолъ.

— Што? Али я не сила? бахвалился Пила.—Пусь одинъ поробитъ. Пусь...

— Да и што робить-то! Барка-то и безъ насъ идетъ, замѣтили бурлаки.

Лоцманъ не зналъ, что дѣлать. Напугать бурлаковъ — убьютъ; соврать имъ что нибудь—не повѣрятъ. Онъ стоялъ закручинившись. Съ нимъ стояло трое бурлаковъ. Лоцманъ рѣшился пугнуть бурлаковъ острогомъ.

— Послушайте, братцы: если вы дѣломъ не хотите робить, я, какъ пріѣду въ городъ, начальству васъ отдамъ. Пусть въ острогъ посадитъ.

— Экой прыткой! говорилъ Пила.

— Тебѣ хочется? Не бывалъ развѣ въ острогѣ-то?..

— Былъ, да теперь не затащишь.

Пилу окружили нѣсколько бурлаковъ.

— Такъ ты, батъ, сидѣлъ?

— Бѣда!

— Значитъ бѣжалъ?

— Прибилъ ошшо, самово прибили. Вонъ и Сысойко прибили.

— А ты за што сидѣлъ—за убійствіе?

Пила осердился, но смолчалъ.

— Ужь знаю, нехорошій человѣкъ! сказалъ лоцманъ.

— Онъ, ребя, ошшо убьетъ! замѣтили нѣкоторые изъ бурлаковъ и пошли на палубу. За ними пошли остальные и лоцманъ.

— А вы вотъ еще связались съ ними! сказалъ бурлакамъ лоцманъ.

— Не говори съ нимъ.

— Хлѣба не ѣшь...

— Убьетъ...

— Я, батъ, туда пойду! говорилъ Сысойко, скучая отъ лежанки на желѣзѣ.

— Ну и чортъ съ тобой.

— А пойдемъ!

— Ну те къ лѣшимъ! Спи, знай.

Иванъ и Павелъ смѣялись надъ Пилой и Сысойкомъ.

— Пашка! дерни Сысойка-то!

— Сысойко, хлобысни тятьку!

— Я те хлобысну! Ну-ко подойди!

Иванъ подходитъ къ Пилѣ, дергаетъ его за полушубокъ; Пила схватываетъ его за волосы и теребитъ. За Ивана пристаетъ Павелъ; Пила прибилъ и Павла.

Сысойко вышелъ на палубу. Показался городъ.

— Тятька! гликось тамъ што! крикнулъ Иванъ Пилѣ, увидавъ въ дыру городъ.

Пила посмотрѣлъ, улыбнулся и ткнулъ въ бокъ Елку.

— Вставай—Перма ужь.

— Ой, пусти! стонетъ Елка.

Пила ушелъ на палубу. Всѣ бурлаки смотрѣли на городъ и дивились.

— Эко баско! Ай да Перма матушка! Вотъ дакъ городокъ! Гли, церквей што, домовъ бѣлыхъ... А барокъ-то, судовъ!

Здѣсь рѣка была въ версту ширины и больно она большою казалась впереди: далеко-далеко тамъ что-то черное видно, тамъ видно и конецъ. Выглянуло солнце и опять спряталось.

— Греби! вскричалъ лоцманъ. Работа началась. Пила и Сысойко тоже принялись за поносную.

— Ты не тронь, сказалъ одинъ бурлакъ Пилѣ, и оттолкнулъ его отъ поносной.

— Потолкайся, што я не свисну!—Ты вишь городъ.

— Бей ево!

— Я тѣ дамъ бей... Въ воду столкону!

— Греби, греби! что ругаетесь! Мало ли

что вамъ скажутъ, такъ вы и вѣрите, заступился лоцманъ за подлиповцевъ.

Пила и Сысойко не могли понять, что такое сдѣлалось съ бурлаками. Они не залюбили бурлаковъ...

И опять работаютъ бурлаки молча, нагибая спины, опуская весла въ воду и поднимая ихъ,—только и слышатся ихъ тяжелые шаги, да барка скрипитъ. Что думаютъ бурлаки, Богъ вѣсть. Они то и дѣло смотрятъ на приближающійся городъ; на лицахъ видится тоска, какое-то желаніе, и что-то такое, что бурлакъ не въ состояніи не только передать другому бурлаку, но даже понять. Одинъ только лоцманъ стоитъ у столба посреди барки и важно, жадно глядитъ на городъ: знай молъ нашихъ!

— Брось греби! брось носовые! Загребай къ берегу! кричитъ онъ бурлакамъ.

Городъ близко. Около берега, возлѣ города, стояло нѣсколько барокъ, коломенокъ, каравановъ, съ кружками на верху мачтъ и флагами на мачтахъ, баржи, два парохода, изъ которыхъ одинъ готовился къ отплытію. Мимо подлиповцевъ прошелъ пароходъ съ двумя баржами и оглушительно просвистѣлъ: бойся, молъ, дрянь ты экая! Всѣ бурлаки смотрѣли на него, какъ на чудо; особенно дивились тѣ, которые въ первый разъ видѣли пароходъ.

Ихъ забавляли колеса, дымъ, свистокъ и то, что онъ бѣжитъ къ верху, да еще во-какіе огромные домины претъ. Больше всего дымъ занятенъ: экъ онъ изъ трубы-то валитъ, черный, да много сколь и выходитъ, да какъ лошадь ржетъ.

— Ну и чортъ!

— Экъ онъ! разсуждаютъ бурлаки.

— Вотъ ошшо! Впереди шелъ пассажирный пароходъ.

— Гли, какъ онъ колесами-те загребатъ!.. Эво! воно какъ. Ахъ будь онъ проклятъ...

Раздался свистокъ. Бурлаки дрогнули.

— Экая у него пась-то. Варнакъ... право!..

А лоцманъ издѣвается надъ бурлаками да хихикаетъ:

— Оболтусы вы экіе!.. Ничего-то вы не смыслите... Право, дурачье экое. — Вы то поймите, онъ паромъ ходитъ и названье ему пароходъ.

Бурлаки хохочутъ. Больно ужь смѣшно лоцманъ баетъ.

— Тамъ котлы подѣланы для паровъ и печь большая устроена. Онъ саженъ двадцать въ день съѣдаетъ.

Бурлакамъ опять смѣшно.—Ишь ты чортъ! А пошто?

— По то, что пароходъ. Парами ходитъ.

— Прокуратъ, право, ты! Экой зубоскалъ!..

— А тамъ машины такія устроены, кои сами дѣйствуютъ.

— Ну ужъ и сами?

— Ей Богу.

— Такъ-таки сами?

— И люди только дрова бросаютъ, да машинистъ около машины сидитъ, наблюдаетъ.

— Такъ онъ самъ бѣжитъ?

— Экіе вы дураки! Лоцманъ плюнулъ въ рѣку. — Врать вамъ стану — нужно, подикось.

— А пошто же у него весловъ нѣту?

Лоцманъ рукой махнулъ и отошелъ отъ бурлаковъ прочь.

— А вѣдь прокуратъ лоцманъ-то. Ишь што сбрехалъ: самъ, баетъ, ходитъ, толкуютъ бурлаки и хохочутъ.

Причалили къ берегу противъ почтовой конторы. Здѣсь было уже барокъ двадцать. Бурлаки сидѣли и ходили на баркахъ, на берегу, плелись на гору въ городъ. На горѣ гуляла губернская публика. Все это занимало подлиповцевъ, и они тоже сошли на берегъ, постояли подъ горой, потолковали, идти или нѣтъ, и рѣшили, что идти не зачѣмъ, нѣтъ денегъ, да и поздно,—ушли опять на свою барку. Наѣлись сытно хлѣба съ водой и легли спать, но никакъ не могли уснуть. Больно ихъ забавляли пароходы и публика губерн-

ская. Разговоры шли теперь въ родѣ слѣдующаго:

— Ну, таперь доплыли въ Перму. Отдохнемъ. Супротивъ Перми да Елабуги ужь не будетъ такихъ городовъ.

— Тамъ еще Нижной городъ есть. Огромнѣющей, дома эво какіе! А этотъ супротивъ Нижняго пиголича.

— Этотъ, баютъ, губерня, потому, баютъ, все набольшіе живутъ, страшные такіе... Всѣмъ городамъ правятъ и Чусова тоже на Перму молится.

— Вре! А Чердынь? спросилъ Пила.

— И Чердынь тоже.

— А Подлипная?

— Тоже.

— Ну, братъ, врешь... У меня только и было начальство—попъ да становой! ворчитъ Пила.

— Ну, значитъ, ты Вячкой.

— Я тѣ дамъ Вячкой! Самъ ты.Вячкой... бранится Пила.

Барки то и дѣло прибывали. Къ каждой баркѣ приходили солдаты, служащіе въ дистанціи путей сообщенія, осматривали барки, билеты, считали бурлаковъ, придирались къ лоцманамъ за больныхъ, кричали и получали отъ лоцмановъ деньги.

Первый день прошелъ скучно для бурла-

ковъ. Всѣ они умаялись и рано легли спать. Нѣкоторые изъ нихъ ходили въ городъ, да только такъ, поглазѣть. Ночью еще приплыло нѣсколько барокъ и вновь приплывшіе бурлаки не давали спать приплывшимъ раньше, потому что кричали: — бери чалку! потомъ наступали на ноги спавшихъ на баркахъ бурлаковъ. Бурлаки ругались.

X.

Въ полдень, на другой день, бурлаки получили по полтиннику денегъ. До этого времени нѣкоторые изъ нихъ продавали въ городѣ, за дешевую цѣну, сковородки, чугунки и прочія желѣзныя вещи и на деньги эти покупали хлѣба, булокъ, огурцовъ, сушеныхъ судаковъ и луку. Соленые и сушеные судаки бурлаки разрубливали на нѣсколько частей и большею частію глотали не размоченные, прикусывая хлѣбомъ и свѣжимъ лукомъ.

Бурлаковъ, не бывавшихъ въ большихъ городахъ, очень занимала Пермь. По правдѣ сказать, городъ этотъ неказистъ, жители бѣдны, хорошіе дома построены большею частію на одной улицѣ, идущей отъ сибирской заставы къ дому В., а потомъ къ будкѣ, стоящей на краю лога. Но бурлаки эти въ первый разъ видѣли большіе дома, въ первый разъ ходили

по прямымъ улицамъ. Ихъ все забавляло: и люди, и кареты, и телеграфные столбы.

Въ этотъ день Пилу и Сысойка съ ребятами лоцманъ не отпустилъ въ городъ, а заставилъ чинить барку. Посмотримъ поближе на жизнь бурлаковъ въ Перми хотя въ третій день, когда подлиповцы пошли въ городъ.

Четыре часа утра. Барокъ больше сотни; но барки все еще приплываютъ Посреди ихъ красуются четыре караванки съ разноцвѣтными кружками и съ надписями на флагахъ, означающими названіе заводовъ. Бурлаки почти всѣ встали и каждый что нибудь ладитъ. Стукъ, звукъ отъ желѣза, скрипъ и говоръ не умолкаютъ и слышатся далеко. Нѣсколько бурлаковъ кучками сидятъ или лежатъ подъ горой и на горѣ; сидящіе разговариваютъ или зѣваютъ, или ѣдятъ хлѣбъ, лежащіе дремлютъ, или смотрятъ на барки, на рѣку, на небо... Хорошо сидѣть на горѣ противъ рѣки, такъ бы все и сидѣлъ, и мысли все какія-то хорошія появляются въ головѣ... И часто бурлакъ засыпаетъ, нѣжась на сырой землѣ... Онъ отдыхаетъ, и хочется ему все бы такъ отдыхать.

Пять часовъ утра. Въ это время къ баркамъ идутъ городскія и мотовилихинскія (*)

(*) Мотовилихинскій заводъ, находящійся въ трехъ верстахъ отъ города.

торговки и приносятъ на доскахъ, положенныхъ на головы, хлѣба и калачей и на коромыслахъ луку, квасу и огурцовъ. Бурлаки берутъ на расхватъ или хлѣба, или луку. Квасъ пьютъ всѣ. Пила старался достать хлѣба даромъ, да здѣсь торговки оказались хитрѣе его: сами мастерицы обманывать, а хлѣбъ большею частію продаютъ съ закалой.

Въ восьмомъ часу бурлаки идутъ толпами въ городъ, кто въ полушубкахъ, кто въ однѣхъ рубахахъ. Лоцмана отправляются къ начальнику дистанціи, за ними идутъ и прикащики и другія старшія лица надъ бурлаками, плывущія на караванкахъ. Зачѣмъ они идутъ къ начальнику дистанціи, объ этомъ рѣдкій житель Перми не знаетъ, а мы умолчимъ.

Бурлаки валомъ валятъ въ городъ, а на баркахъ все еще много ихъ: тамъ все не умолкаетъ стукъ, скрипъ. Нѣсколько барокъ уже отплываютъ.

Пилѣ и Сысойку лоцманъ не далъ денегъ за то, что они нагрубили ему. Въ этотъ день лоцманъ велѣлъ имъ не отлучаться съ барокъ, а самъ ушелъ. Ихъ взяло горе.

— А мы побѣжимъ, сказалъ Пила Сысойкѣ.

— Куды подемъ? здѣсь баско.

— А мы подемъ поглядимъ.

Пила пошелъ къ дѣтямъ.

— Сколько онъ далъ? спросилъ онъ Павла.

— Ишь! Павелъ показалъ мѣдныя деньги 20 копѣекъ.

— Много, говорилъ Иванъ.

— Пойдемъ! скомандовалъ Пила дѣтямъ.

— Да онъ велѣлъ воду откачивать.

— Што откачивать! Хоть ты качай не качай, а воды гли сколько.

Ребята пошли.

— А вы намъ дайте денегъ. Какъ получимъ, отдадимъ.

Ребята не давали.

— Вы насбираете. Право, дай!

Ребята поругались, а какъ стали всходить на гору, отдали по 15 коп. каждый. Деньги взялъ Пила.

Взошли они на гору съ двумя бурлаками. На горѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ сидѣли горожане, глазѣвшіе на барки и на бурлаковъ. Подлиповцамъ хорошо сдѣлалось, когда они посмотрѣли на рѣку.

— Ишь ты! улыбаясь, говорилъ Пила. Они вошли въ улицу. Проѣхала карета. Пила долго ломалъ голову и не могъ понять, что это за штука такая.

Пройдетъ ли хорошо одѣтый господинъ, подлиповцы шапки снимаютъ и смотрятъ на него; попадется ли офицеръ, они тоже снима-

ютъ шапки и долго дивуются: кто же это такой? Попался имъ на встрѣчу молодой дьяконъ безъ пушка на лицѣ въ шелковой рясѣ, Пила долго смотрѣлъ на него, разсуждая, кто это. Ему казалось, что это женщина, и онъ хотѣлъ догнать дьякона, посмотрѣть на него, да товарищи отговорили. Куда ни посмотри, вездѣ хорошо. Вотъ бы пожить тутъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ на деревянныхъ тротуарахъ сидятъ бурлаки и ѣдятъ; нѣсколько человѣкъ лежатъ около заплотовъ на травѣ.

— Вы откелева? спрашиваютъ подлиповцы бурлаковъ. Тѣ скажутъ.

По улицамъ идутъ бурлаки: одинъ несетъ чипунки, другой коты, третій пять ковригъ чернаго хлѣба на спинѣ, обвязавъ ихъ веревкой, двое тащатъ на палкѣ брюшину, осердіе, старую, почти засохшую говядину... Кто ѣстъ, а кто и такъ идетъ; попадаются даже пьяные.

Увидали они телеграфные столбы.

— А это што?

— А это соль добываютъ, рѣшилъ Пила.

Однако они подошли къ одному столбу, около котораго стояла кучка бурлаковъ.

— Што ребя, диво? сказалъ Пила, думая, что въ столбахъ ничего нѣтъ удивительнаго.

— Да, баютъ, тутъ бѣда. Сказалъ ты слово, и пошло качать, говоритъ одинъ бурлакъ.

— Поди ты къ лѣшимъ!.. Вишь ты, тутъ соль добываютъ.

— Попалъ! Ты видалъ ли, какъ соль-ту добываютъ?

— Эво?

— Тамъ столбы-то не экіе, да и перекладины подѣланы, а тутъ желѣзки, да еще четыре.

Пила въ тупикъ сталъ, однако подумалъ: «можетъ и здѣсь соль дѣлаютъ, только иначе».

— Эй, поштенный! Это што? спросилъ одинъ бурлакъ мѣщанина.

— Это телеграфъ.

— Какъ?

Тотъ повторилъ.

— А што же тутъ дѣлаютъ?

— Письма отправляютъ.

Бурлаки не знали, что за штука такая письмо.

— Теперича, какъ пошешь письмо за тысячу верстъ утромъ, оно вотъ и побѣжитъ по проволокѣ и къ обѣду тамъ будетъ.

— Худо мѣсто! сказалъ Пила. И бурлаки отошли прочь.

Передъ окнами одного дома пѣли двое зырянъ. Имъ что-то подали. Пилѣ завидно стало, и онъ пошелъ просить подъ окно ради Христа; ему не подали ничего.

— Не баско здѣся, сказалъ онъ.

Подлиповцы шли посереди дороги. По полу, какъ называли они тротуары, они боялись идти: ишшо прибьютъ.

Они пришли на рынокъ. По всему рынку бродили и терлись около торгашей и торговокъ бурлаки. Торговцы кричали, ругались и силой навязывали бурлакамъ купить что нибудь. У подлиповцевъ глаза разбѣжались: чего-то нѣтъ на рынкѣ!.. А какія еще есть булки бѣлыя, да махонькія, крендели, да штучки какія-то... Такъ бы вотъ и съѣлъ все. Пила купилъ пекарскую булку (*). Эта булка такъ понравилась Пилѣ и Сысойкѣ, что они ее въ четыре пріема съѣли.

— Што? говоритъ Пила.

— Давай ошшо! проситъ Сысойко.

Они купили еще и съѣли, и все-таки не наѣлись, потому что такую мягкую булку они ѣли въ первый разъ; онѣ на вкусъ подлиповцевъ были только сладки, но сравнительно съ чернымъ хлѣбомъ далеко не питательны.

(*) Нисколько не похожую на французскую, какъ замѣтилъ одинъ несчастный критикъ, отозвавшись о подлиповцахъ съ полнымъ непониманіемъ этихъ людей, сравнивая ихъ съ петербургскими судорабочими. Пекарская булка въ Перми продолговатая, вѣситъ около фунта и по роду муки называется или казанской сайкой, или сибирской пекарской булкой. *Авторъ.*

*

Пошли всѣ въ питейную лавочку, взяли у ребятъ послѣднія деньги и пропили.

— А ись хочется, говоритъ Пила.

— Бѣда!..

— А больно баско тамо! Все бы ѣлъ да ѣлъ.

— Денегъ нѣтъ. Лоцманъ не далъ.

Въ лавочкѣ было восемь бурлаковъ, изъ коихъ два съ той барки, на которой былъ Пила. Подлиповцевъ поподчивали. Они захмѣлѣли. Ребята ушли сбирать милостинку и черезъ часъ пришли съ семью кусками хлѣба; въ рукахъ у нихъ было двѣнадцать грошиковъ.

Подлиповцы вышли изъ лавочки. На улицѣ били ихъ лоцмана, Терентьича. Пила и Сысойко пристали за лоцмана.

— Ну, спасибо, братцы, выручили, говорилъ лоцманъ и поцѣловалъ Пилу и Сысойка: — таперь подемте пить. Лоцманъ былъ пьянъ.

— А ты пошто мнѣ не далъ денегъ? ворчитъ Пила.

— А почто ты ослушаться вздумалъ? Ты знай, я сила!.. Я барку по Чусовой провелъ.

— Сама прошла.

— Ну, и не дамъ денегъ, не дамъ... Не перечь мнѣ! Не пере-е-ечь!!

Лоцманъ привелъ подлиповцевъ въ питейную лавочку, купилъ полштофъ водки и уго-

стилъ ихъ, даже Иванъ и Павелъ выпили. Лоцманъ далъ Пилѣ рубль.

— Пей, ребя! Таперь праздникъ! кричали въ лавочкѣ бурлаки.

— Ужь таперь нѣтъ опаски!.. Лоцманъ повелъ подлиповцевъ въ трактиръ и тамъ угостилъ супомъ и жаркимъ. Подлиповцы сладко наѣлись.

Изъ трактира лоцманъ и подлиповцы вышли пьяные и по выходѣ на улицу тотъ часъ же запѣли пѣсню. Даже Павелъ и Иванъ пошатывались и что-то пѣли. По улицамъ было очень много пьяныхъ бурлаковъ. Большая часть ихъ пѣла и играла на гармонійкахъ и балалайкахъ. Горожане смотрятъ на нихъ да посмѣиваются. Но никто не обижаетъ бурлаковъ.

Нѣсколько бурлаковъ нашли себѣ теплыя гнѣздышки въ домахъ бѣдныхъ мѣщанъ. Хозяева домовъ пускали бурлаковъ по 3 коп. въ сутки отъ 6 до 15 человѣкъ. И крѣпко спали бурлаки въ теплыхъ избахъ, и хорошо имъ было, хотя они и на грязномъ полу спали. Давно уже они не спали такъ, и долго еще имъ не придется такъ спать.

Подлиповцы съ лоцманомъ едва добрались до своей барки и какъ только пришли, такъ и завалились спать и проспали весь вечеръ и всю ночь.

На баркахъ точно праздникъ подъ вечеръ: всѣ сидятъ кучками; одни хлебаютъ щи, другіе ѣдятъ колодку судака, третьи хлебаютъ вареное прокислое молоко. Передъ каждымъ лежитъ коврига хлѣба. Пьяные спятъ. На барки возвращаются тоже пьяные. Изъ города слышны бурлацкія пѣсни. Наѣвшись, бурлаки начинаютъ пѣть, играть на инструментахъ и пляшутъ. На одной караванкѣ кто-то играетъ на скрипкѣ, на другой кто-то играетъ на гитарѣ, визжитъ женщина, звенитъ посуда.

Былъ тихій, прекрасный вечеръ.

Губернская публика, человѣкъ до двухъсотъ, ходитъ взадъ и впередъ по маленькой набережной, называемой загономъ. Любуется ли она бурлаками,. Богъ вѣсть. Для нея играетъ музыка на возвышеніи, посреди площади. Далеко разносится эта музыка, заключающая въ себѣ польки. Музыканты играютъ скверно, но все-таки около загородки стоятъ бурлаки и боятся войти въ загонъ, слушаютъ они музыку: хорошо и весело играютъ, долго бы слушалъ, да непонятно что-то. Постоитъ бурлакъ, заноетъ у него сердце и пойдетъ онъ невеселый на барку. А тамъ поютъ родныя пѣсни, выигрываютъ родныя-же пѣсни, пляшутъ—все какъ-то лучше, отраднѣе...

— Баско играютъ, да не по намъ, разсуждаютъ бурлаки.

— И люди-то тамъ какіе! Сморчи... чучелы...

— Эхъ, батъ, сыграй веселую... Вотъ тутъ болитъ! говоритъ одинъ бурлакъ, указывая на грудь или на сердце.

— Што тамъ! У нихъ свое, у насъ свое. Имъ такъ-то не спѣть. Затягивай! Знай нашихъ! кричитъ какой нибудь пьяный лоцманъ.

И выпѣваются бурлацкія пѣсни, грустныя, заунывныя, и далеко, далеко, и долго разносятся эти пѣсни. А поютъ-то какъ они: сидитъ бурлакъ, подопретъ щеки руками, задумается точно, въ глазахъ жизнь видится, на лицѣ горе, и смотритъ въ воду... Слушаешь эти пѣсни, все бы слушалъ ихъ, а словъ разобрать не можно, только и слышится какой-то стонъ протяжный...

Въ прежніе годы, когда не плавали еще пароходы по Камѣ до Перми, Кама была запружена до половины барками, и тогда городъ наполнялся бурлаками. Теперь только десятая часть прежняго: пароходы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сокращаютъ число бурлаковъ. Что будетъ съ этими людьми, когда имъ негдѣ будетъ бурлачить?

Есть люди, которые называютъ бурлаковъ самыми послѣдними, бросовыми людьми. Есть даже и такіе, которые называютъ ихъ него-

дями, вредными. Но они ошибаются: бурлаки только люди необразованные, грубые, самые бѣдные люди. Вѣдь у бурлака только и ёсть богатства, что на немъ надѣто, да что онъ съѣдаетъ... и для этого онъ трудится больше, нежели другой. А терпѣніе переносить зной, холодъ, дождь?..—«Надо же кому нибудь быть бурлакомъ»... обыкновенно говорятъ люди, надсмѣхающіеся надъ бурлаками и непонимающіе бурлацкой жизни.

Въ Перми барки простояли еще три дня. Въ послѣдній день бурлаки съ утра скучали: дѣлать нечего, а хочется дѣлать; сходитъ бурлакъ на рынокъ, денегъ нѣтъ, — лоцмана не даютъ, — говорятъ, прикащики не даютъ; просто задоръ беретъ. Есть же такіе богачи, что у нихъ и хлѣба-то множество и всякой всячины пропасть! Походитъ, походитъ бурлакъ по рынку и по городу, погорюетъ, что напрасно онъ пропилъ деньги, и идетъ на барку.

Подлиповцамъ хорошо казалось жить на баркахъ. Хотя и бываетъ работа, за то не всегда, а хлѣбъ-то у нихъ всегда есть, даже еще много. Жалко, нѣтъ Матрены!.. Ну, Апроська померла, куда съ ней больной. Здѣсь и безъ бабъ хорошо: татары да зыряне смѣшатъ; и городскіе смѣшатъ, говорятъ какъ-то инако да надъ ними смѣются.

Подлиповцы узнали здѣсь больше, нежели они знали въ деревнѣ и въ Чердыни: они узнали, что міру божьему нѣтъ конца, что деревня ихъ дрянь, люди совсѣмъ другіе, чѣмъ они; что имъ ужь не быть такими, какіе ходятъ въ городѣ въ богатой одеждѣ. Имъ хотѣлось еще побывать дальше и пріискать себѣ такое мѣсто, гдѣ бы было хлѣба много и можно бы было спать подольше.

XI.

Между тѣмъ барки постоянно приплывали, и выправивши билеты и заплативши положенный съ нихъ сборъ, плыли внизъ. Когда отправились караванки, то съ нихъ палили изъ пушекъ.

Въ воскресенье назначено было плыть лоцману Терентьичу. Пила съ Сысойкомъ и ребятами отпросились у лоцмана купить хлѣба. Лоцманъ отпустилъ на полчаса. Звонили къ обѣднѣ. Пила и Сысойко нѣсколько разъ проходили мимо собора и заглядывались на него. Идя теперь мимо его и увидавъ, что въ ограду идетъ много людей, въ томъ числѣ и бурлаки, подлиповцы вошли въ соборъ. Ребята пробрались въ народъ на самую середину, а Пила съ Сысойкомъ стоятъ у дверей. Видятъ они, посереди церкви одѣваютъ кого-то и надѣ-

ваютъ-то на него все хорошее... Нигдѣ такихъ одеждъ они не видали. Нигдѣ не слыхали такого хорошаго пѣнія... Никогда не видали такой хорошей церкви...И расписано-то какъ. Пѣвчіе пропѣли очень громко...Сердце дрогнуло у Пилы. Настала тишина. Пила не утерпѣлъ.

— Баско! Ай баско!! сказалъ онъ.

— Ишь ты. А! проговорилъ Сысойко.

Ихъ вывели на улицу казаки.

Они долго терлись на крыльцѣ; заглядывали въ стекла, видѣли только архіерея да много людей, хотѣли пробраться въ церковь, но ихъ не пустили.

— Эко ты диво! Кто же это? удивлялся Пила, отходя прочь отъ церкви.

— Я баялъ, не надо идти.

— Ужь намъ гдѣ! А ты, Сысойко, поди скличь ребятъ-то, а то безъ нихъ барки не пойдутъ.

— Самъ скличь.

— Поди, право. Боюсь.

Они пошли къ воротамъ. Имъ попался офицеръ. Они сняли шапки. Офицеръ прошелъ.

— Поштенный! а поштенный! окликнулъ офицера Пила.

— Что вамъ? спросилъ тотъ.

— Кликни тамъ Пашку да Ваньку, тятька молъ зоветъ, плыть тожно надо.

— Ступайте сами.

— Да не пушшаютъ. — Офицеръ ушелъ. Пила и Сысойко постояли нѣсколько времени, попросили еще кого-то послать къ нимъ ребятъ, да тотъ и не отвѣтилъ даже имъ. Они пошли на рынокъ.

— Эко дѣло... Какъ таперь безъ ребятъ-то? говоритъ Сысойко.

— Ты говори!..

— Ходить бы не надо.

— Ты вотъ то говори: они поди богачество тамъ получатъ.

— Экъ ты!

— А получатъ. Ишь какъ тамъ баско... Вдругъ Богъ-отъ и дастъ имъ богачество. Эвотъ сколько! Эво!.. говоритъ Пила, указывая рукой на большой домъ.

— Пожалуй. Толды мы вмѣстѣ станемъ жить?

— А не то, такъ и Матрену скличемъ.

— Апроську бы надо...

Пилѣ грустно сдѣлалось. Теперь ему казалось, что у него и родныхъ вовсе нѣтъ, кромѣ Сысойка, а ребята такъ и пропали. Жалко!

На рынкѣ они купили по три ковриги хлѣба и печенку. Сысойко несъ хлѣбъ, Пила печенку. Они опять подошли къ архіерейской оградѣ.

— Пойдемъ туда, говорилъ Сысойко.

— И! Гли, туда какіе все идутъ.

— А вонъ бурлаки.

— Насъ не пустятъ, ошшо въ острогъ засадятъ.

Однако они вошли въ ограду, взошли на крыльцо и хотѣли войти въ церковь. Ихъ опять прогнали... Они пошли на барки.

— Можетъ, они ужь тамъ, откачиваютъ..

Ихъ барка отваливала.

— Шевелись! черти!.. кричалъ на нихъ лоцманъ.

Барка уже плыла. Пилу, Сысойка и еще трехъ бурлаковъ посадили на шитикъ.

— А ребята здѣсь? спросилъ Пила лоцмана на баркѣ.

— Ждать мнѣ твоихъ ребятъ!

— Врешь?

— А ты пошто ихъ бросилъ?

— Да они въ церкви остались, не нашли... Эка бѣда!

— Поди глазѣютъ тамъ впервые-то!

— Какъ же теперь?

— А такъ... На друку барку можетъ пустятъ, только едвали пустятъ безъ билета.

— Не здѣсь ли они, Сысойко? погляди, — спросилъ немного погодя Пила Сысойка.

— Можетъ.

Пила сходилъ въ барку. Въ баркѣ отливали

воду два бурлака. Пилѣ и Сысойку еще скучнѣе сдѣлалось.—Эко горе! Какъ же теперь безъ ребятъ-то! Помрутъ они тамъ.

А барка между тѣмъ плыла да плыла. Города уже невидно.

XII.

До Елабуги плыли полторы недѣли. Въ это время они на сутки останавливались для починки барокъ и для закупки провизіи въ городахъ Осѣ и Сарапулѣ. О житьѣ бурлаковъ въ это время сказать нечего: оно было такое же, какъ и на Чусовой и въ Перми, съ тою только разницею, что работы было меньше, чѣмъ на Чусовой. Бурлаки уже привыкли къ бурлацкой жизни, мало сѣтовали на свою судьбу; не удивлялись, какъ прежде, надъ пароходами, попадавшими имъ навстрѣчу и обгонявшими ихъ раза по четыре въ сутки; не удивлялись надъ величиною баржи: имъ теперь все пригладѣлось, надоѣло.

Съ потерею дѣтей Пила сдѣлался очень скученъ и еще болѣе привязался къ Сысойку.

— Нѣту у меня теперь ребятъ, только ты одинъ, говоритъ онъ Сысойку ночью, лежа съ нимъ въ баркѣ.

— Идти бы назадъ въ церковь.

— Што дѣлать! Ужь ты не отставай отъ меня.

— Ты только не брось.

— Я не брошу. Што мнѣ одному-то? Вонъ наши подлиповчи—што имъ,—своихъ пріятелевъ завели.

Елка и Морошка работали на носу и рѣдко говорили съ Пилой и Сысойкомъ. Имъ почему-то ненравились Пила и Сысойко, и они даже наговаривали объ нихъ бурлакамъ, что они колдуны, въ острогѣ сидѣли и прочее.

Каждый разъ, когда нечего было дѣлать, Пила и Сысойко садились куда нибудь вдалекѣ отъ прочихъ бурлаковъ, смотрѣли другъ на друга и жалѣли другъ друга.

— Плохо, Сысойко! Аяй плохо... Такъ вотъ и болитъ *нутро;* ужь болитъ!

— Какъ болитъ!.. Помереть бы...

— Сысойко, зачѣмъ ты не баба?..

— А пошто?

— Да такъ. Все бы оно лучше.

— А мы подемъ назадъ?

— Да надо ребятъ найти. Какъ найдемъ, и подемъ сюда.

Половина барокъ поплыла изъ Елабуги къ устью Волги и въ Саратовъ. Подлиповцевъ и прочихъ бурлаковъ заставили выгружать желѣзо на берегъ, а потомъ нагружать въ баржи. По окончаніи нагрузки

Пила и Сысойко получили по четыре рубля денегъ, а прочіе больше и меньше, смотря по тому, кто сколько забралъ раньше впередъ. Нѣсколько бурлаковъ поступили на баржи, тысяча человѣкъ пошла въ Вятскую губернію, кто по рѣкѣ Вяткѣ, впадающей въ Каму недалеко отъ Елабуги, кто проселочными дорогами. Человѣкъ двѣсти нанялись вести суда до Осы, Перми, Усолья и Чердыни. Грузъ былъ большею частію съ хлѣбомъ. Пила и Сысойко нанялись съ прочими подлиповцами до Усолья по шести рублей и получили задатку по полтора цѣлковыхъ.

XIII.

Работа для подлиповцевъ теперь была еще тяжелѣе. Судно дожидалось попутнаго вѣтра. Вѣтеръ подулъ. Подняли паруса съ пѣснями: ухнемъ! ухнемъ! разомъ да разъ!!! Вѣтеръ натянулъ паруса и потянулъ судно. Подлиповцы удивлялись первый день, какъ это ихъ тянетъ вѣтеръ. Прошли они такъ верстъ десять, судно вошло въ такое мѣсто, гдѣ вѣтеръ не могъ тащить судно. Судно подплыло къ берегу, посредствомъ гребли, и стало на якорь.—Бери бичеву! сказали лоцмана. Бурлаки, въ томъ числѣ и подлиповцы, положили въ лодку бичеву — веревку, привязанную за

верхушку и середину мачты, съ кожаными петлями или лямками, и приплыли на берегъ.

— Бери бичеву!..

Бурлаки надѣли на груди лямки. Всѣхъ ихъ было пятнадцать, на суднѣ было десять бурлаковъ.

— Трогайся съ Богомъ! трогайся! Што стали?

Бурлаки тронулись, пошли и стали: веревка точно за гору была привязана.

— Што стали! Шевелись, натягивай! кричатъ мужики съ судна.

Бурлаки потянули бичеву и все ни съ мѣста.

— «Ухнемъ, ухнемъ! да разъ!».. Они натянулись впередъ всей силой, ихъ подало впередъ.

— «Ухнемъ, ухнемъ! да разъ!.. Дерни, подернемъ, да разъ!!»..И они уже шли, нагнувши спины, опустивши голову внизъ; руки болтаются, ноги переступаютъ едва-едва... «Дернемъ, подернемъ, да разъ!» И они идутъ, не увеличивая скорости шага; на плечахъ ихъ точно что то тяжелое лежитъ, такое тяжелое, что ужасти... Идутъ они такъ часъ, груди у нихъ болятъ, ноги устали; съ нихъ каплетъ потъ, большія шапки ихъ закрываютъ глаза... Идутъ они тихо и покачиваются изъ стороны въ сторону.

Идутъ они сегодня по песку, солнышко ихъ жжетъ. На другой день идутъ болотистымъ берегомъ, ноги вязнутъ; выбились изъ силъ, а лоцманъ то и дѣло кричитъ: што стали, пошли живо! На третій день идетъ дождь, гремитъ громъ, сверкаетъ молнія, а они идутъ и тянутъ богачество... Вотъ судно встало на мель. Пошли они къ судну по колѣно въ водѣ, вошли на судно и сталкиваютъ его шестами съ мели и опять ихъ пробираетъ потъ, солнышко или дождь. Вонъ стоятъ суда съ высокими мачтами.

— Стой! кричитъ лоцманъ.

Они хотятъ встать, ихъ пятитъ назадъ.

— Брось бичеву!

Они снимаютъ лямки и бросаютъ. Бичева подбирается на судно. Много ловкости нужно имѣть лоцману, чтобы провести судно къ верху; много труда для бурлаковъ, нанявшихся вести судно на своихъ плечахъ!...

Какъ трудно подымается судно къ верху, это видно изъ того, что наши подлиповцы пришли изъ Елабуги въ Пермь черезъ мѣсяцъ, потому что они большею частію тащили его, а вѣтеръ дулъ рѣдко.

Пила и Сысойко вездѣ спрашивали про Павла и Ивана, но никто не зналъ объ нихъ. Въ Перми они не шли бичевой, а сначала стояли противъ рѣчки Данилихи, потомъ, ког-

да подулъ вѣтеръ съ низу, ихъ протянуло до рѣчки Егошихи, и здѣсь они простояли два дня, въ которые выправили билеты. Пила справлялся на трехъ баржахъ и ничего не узналъ объ дѣтяхъ.

— Померли! рѣшилъ онъ.—Ну хоть не мучатся. А то што имъ жить-то... А вотъ на насъ такъ нѣту смерти.

— И мы поди не помремъ? спросилъ на это Сысойко.

— Какъ не помремъ — всѣ помираютъ. А все бы теперь лучше...

— А ты живи: я-то какъ безъ тебя?

— Ну и ты помри.

— Утонуть?

— Ступай на Чусову, хлобыснись.

— Боюсь...

— Вотъ мы таперь муку премъ, а небось ее не дадутъ намъ, а даютъ когда гривну, когда полтину.

— Знамо, они богатые.

— Вотъ, баютъ, и въ Чердынь муку плавятъ, а пошто она тамъ дорога?

— А по то: кто плавитъ-то, — богатъ. Вотъ тѣ и богачество!

— Ужь именно! Какъ прежь жили, такъ и таперь придемъ безъ всего, да ошшо ребятъ нѣтъ.

— Што дѣлать!.. Вотъ тѣ и бурлачество!

— Трудно. Оно и баско тамъ, да што? А мы, Сысойко, не подемъ ужь въ Перму, лучше соль будемъ дѣлать: ишь какъ тамъ тепло, и денегъ, баютъ, больше дадутъ.

— И то ладно. Только на чучелу бы попасть, што съ колесами бѣгатъ.

— Попробуй — попади! Прогонятъ. Вездѣ гнали, и изъ Перми прогонятъ. Народъ тамъ, баютъ, злой...

— Все бы поплавать.

— Чортъ ты экой! Ты погляди, што у те на груди-то? У меня, смотри, кожа слѣзла...А спина-то? Самого такъ и пошатыватъ,—хоть помереть тожно... Сысойко!.Пошто мы родились-то?.. Вонъ лошадямъ такъ славная жизнь-то...

— Ну ихъ!.. А мы соль будемъ дѣлать.

Черезъ день Пила и Сысойко ведутъ такой разговоръ:

— Ошшо бы такъ-ту поплавать, какъ по Чусовой плыли... Людей сколь, барокъ!.. города разные... И хлѣбъ тамъ былъ... говоритъ Сысойко.

— Такъ оно. А таперь и люди-то побѣгли, баютъ, домой.

— А намъ куды?.. што намъ въ деревнѣ-то?..

— Тамъ, Сысойко, баютъ, города баскіе

*

есть. Баютъ, Перма супротивъ ихъ пиголица... Походимъ ошшо тамока?

— Подемъ.

— Баютъ, городъ есть такой: — дома все каменные, а вышина-то... въ Перми нѣтъ такихъ домовъ. Тамъ, баютъ, царь живетъ.

— И туды подемъ... А денегъ даютъ?

— Баютъ, баско тамъ.

— А мы и таперь подемъ!

— Куды таперь подешь? Я чуть иду, такъ бы вотъ и лежалъ... А мы полежимъ въ Усольѣ и подемъ...

Черезъ день опять другое:

— Гли, Пила, траву косятъ!.. Што бы намъ землю дали, — ужь и бурлачить бы не пошли.

— Э! Людямъ счастье, а намъ гдѣ ужь! Вонъ, баютъ, много есть бросовой земли, а не даютъ—богатые люди продаютъ, да дорого... Здѣсь ошшо што: все лѣсъ да лѣсъ, а вонъ ниже Пермы видали мы, какія земли-то, баютъ, хлѣба много.

— Пожить бы тамъ... Гли, плотъ плыветъ!

— Пусь плыветъ. Ты вотъ то суди:—люди-то на немъ такіе же, какъ и мы. А ты погляди, какъ рыбу ташшатъ неводомъ. Вотъ дакъ ремесло! Лучше этова ремесла ничего нѣтъ.

— И легко!

— Поймалъ и съѣлъ, и продатъ можно.

— Подемъ рыбачить.

— Подемъ... Поспимъ и подемъ.

— Слышь, Сысойко, какой я сонъ видѣлъ... Ходимъ мы въ Перми, дома все инакіе, огромнѣющіе — ужасти! Церквей сколь!.. Хлѣба такъ и накладена цѣлая гора... Набрали мы много хлѣба... Идемъ, идемъ, да и очутились въ рѣкѣ и хлѣба нѣтъ, — неводъ тащимъ... Вытащили—ничего нѣтъ; ошшо пошли, много достали рыбы... Столь много, што ужасти... Потомъ мы въ варницѣ очутились... Печь большая, пребольшая; все дрова кидаютъ, и мы кидамъ... Только кидамъ, кидамъ такъ-ту дрова, и вижу я въ печкѣ-то Апроську... Кричитъ она: тятька, вытащи! тятька, вытащи!.. Ужасти... Стою я и не смѣю въ печку водти, а только тебя жгетъ, жгетъ, и самъ будто ты въ полымѣ сталъ. Кричу я эдакъ, а меня въ печку толкаютъ... Вотъ дакъ сонъ.

— Бѣда!

— А какъ худо жить!.. Ходили мы, ходили съ тобой, а што выходили? Смотри, лапти-то у насъ куды гожи?.. а гунька-то, гунька-то!..

— Ну и жизь!

— Походимъ ошшо, можетъ, лучше будетъ.

— Кто ево знатъ. Ты считай, сколь бѣдъ-то.

— А попъ баялъ, какъ помрешь, баетъ, на томъ свѣтѣ лучше будетъ,—баско... Значитъ и домъ будетъ, и лошадь, и корова...

Послѣ этого разговора оба друга весь день ничего не говорили.

Предоставляю читателю самому судить о положенiи Пилы и Сысойки. А такихъ бурлаковъ очень много. Пила говорилъ правду, что ему бы родиться не слѣдовало: родился зачѣмъ-то человѣкъ; въ дѣтствѣ терпѣлъ горе, вся жизнь его горе-горькая, ужь какъ ни пробовалъ выбиться изъ нищеты, нѣтъ-таки — стой! Куда лѣзешь, лапотникъ?..

XIV.

До Усолья осталось верстъ тридцать. Полдень. Идетъ дождь и немилосердно мочитъ бурлацкiе полушубки. Идутъ бурлаки часа четыре, то по колѣна въ водѣ, то по болотистому берегу, то перескакиваютъ черезъ ручейки, переходятъ ложки. Всѣ устали, измучились, какъ загнанныя лошади, у всѣхъ пересохло горло. Всѣ молчатъ уже съ часъ.

Пила идетъ впереди, Сысойко рядомъ, Елка и Морошка позади ихъ. Пила и Сысойко страшно исхудали и походятъ на мертвецовъ. Они цѣлую недѣлю пролежали въ суднѣ, теперь немного поправились, и хотя едва едва

переступаютъ ногами, хотя у нихъ кружатся головы, лоцманъ заставилъ-таки ихъ тащить судно. Двѣ недѣли не пѣли бурлаки пѣсенъ, говорили мало. А это худой признакъ. Водку пили только въ Перми.

Идутъ бурлаки по отлогому берегу около плетня, которымъ огороженъ чей-то покосъ съ лѣсомъ; ноги скользятъ, запинаются за пни; всѣ они покачиваются изъ стороны въ сторону, свѣсивши головы, опустивши руки. Одинъ только бурлакъ, молодой парень, то и дѣло тараторитъ, издѣвается надъ вятскими мужиками.

— Пошли, значитъ, вячки утку стрѣлять, а никто и не умѣетъ стрѣльнуть. Штука, значитъ, забористая...

— Ты ужь баялъ. Лонись баялъ, давече баялъ...

— Толды не все; таперь какъ есть скажу.

— Ну бай.

— Ну и пошли, значитъ, стрѣлять семь мужиковъ одну утку, а ружье у нихъ у всѣхъ одно, да й то забарабали у богатаго хресьянина... Ладно. Увидѣли утку и закричали:— лови ее, халяву! Побѣгли, она и спряталась. Потомъ выбѣгла и сидитъ на озерѣ... Вотъ они и стали ружье затыкать порохомъ: одинъ положилъ горсть, другой баетъ: — погоди, я положу! Моя, баетъ, копеичка нещербовата..

Третій тоже баетъ: моя копеичка нещербовата, и пехаетъ горстоцку пороху... И всѣ такъ баютъ и пехаютъ горстоцку пороху... Ну и положили всѣ по горстоцкѣ пороха, затыкали семью тряпками... Ну вотъ одинъ баетъ: я стрѣльну, другой тоже хочетъ стрѣльнуть и расцапались, а потомъ и обхватили всѣ ружье разомъ... Ружье, какъ бзданетъ ихъ всѣхъ,— кому руку ушибло, кому лицо—бѣда! а одинъ, какъ стоялъ, такъ и упалъ — покойникъ сдѣлался. А они и баютъ:—скрадыватъ! скрадыватъ! и полегли съ нимъ, головами врозь... Такъ и лежатъ, а встать не смѣютъ... Только ѣдетъ мужикъ и видитъ ихъ... Едва-едва сдогадались, што одинъ мужикъ померъ. Ну ихъ и сцапали опосля, приволокли къ начальству.

Бурлаки даже не улыбнулись и молча слушали разсказъ. Они уже въ четвертый разъ на этомъ дню слышали этотъ разсказъ. Молодой бурлакъ обидѣлся, зачѣмъ бурлаки не смѣются, и началъ другой разсказъ, какъ вячки онучи сушили...

Судно нашло на мель. На немъ шесть бурлаковъ работали шестами. Бичевники стали.

— Трогай сильнѣе, трогай! што стали? понукалъ бичевниковъ лоцманъ съ судна.

Бичевники натянули бичеву, наперлись, закричали: «дернемъ, подернемъ, да разъ! ух-

немъ да ухнемъ! разомъ, да разъ!».. Судно стоитъ на одномъ мѣстѣ.

— Пошло, родимые, пошло! Прибавь силушки! Вотъ у рѣчки отдохнемъ... понукаетъ лоцманъ.

Бичевники наперлись пуще прежняго, запѣли; судно подвинулось, они пошли, но шли такъ трудно, словно ни вѣсть что тащили... Идутъ они, ни о чемъ не думая, а только далеко, далеко раздается ихъ пѣсня: «ухнемъ! ухнемъ! разомъ, да разъ!.. ха! дернемъ, подернемъ, да разъ!».. Вдругъ бичева лопнула, всѣ бурлаки упали... Кто ударился головой о плетень, кто колѣнкомъ о камень, кто расшибъ носъ и губы, кто свалился къ водѣ, кто упалъ на товарища...

Восьмеро встали. У одного окровавлено лицо, другой жалуется, что бокъ ушибъ, третій кажетъ руку, двое кричатъ: ой брюхо болитъ! оеченьки!..

Пила и Сысойко лежатъ безъ чувствъ въ разныхъ сторонахъ, облитые кровью. Бурлаки окружили ихъ и стали смотрѣть. Пила разбилъ лобъ, переломилъ лѣвую ногу... Сысойко разбилъ грудь...

Всѣ запечалились.

— Померли!.. Родимые...

— Эхъ ма! Вотъ тѣ и жизь!.. Охъ-хо-хо! и бурлаки утираютъ черными жесткими ладонями глаза...

Пилу и Сысойка накрыли полушубками и отошли прочь.

Приплылъ на берегъ одинъ лоцмамъ съ бурлаками. Всѣ погоревали, долго судили: что дѣлать съ Пилой и Сысойкомъ, и рѣшили свезти ихъ въ деревню. Пилу и Сысойка положили на рогожи, завернули рогожами, приплавили въ шитикѣ на судно и тамъ положили на палубѣ. Бурлаки не отходили отъ нихъ, обмыли водой обоихъ и положили такъ, какъ мертвецовъ. Сысойко пришелъ въ чувство, застоналъ, взглянулъ въ лѣвую сторону, гдѣ лежалъ Пила... Лицо Пилы было страшно.

— Пила! простоналъ Сысойко.

— Дай водицы ему, сказалъ лоцманъ одному бурлаку.

Бурлаки почерпнули въ ведро воды и влили въ ротъ Сысойкѣ воду. Тоже сдѣлали и съ Пилой.

Пила пошевелился, но не издалъ звука.

Сысойко смотритъ на Пилу дико. «Пила!» опять стонетъ онъ.

Пила издалъ глухой стонъ.

— Больно? спрашивали Сысойка бурлаки.

Сысойко смотритъ на всѣхъ дико, стонетъ... Вотъ онъ повернулся на бокъ и смотритъ на Пилу. Пила открылъ глаза, пошевелилъ губами и ничего не сказалъ... Потомъ онъ протянулъ къ Сысойкѣ руку и умеръ...

— Померъ!

— Добрый былъ, добрый...

— И мы такъ помремъ... разсуждаютъ бурлаки чуть не плача.

— Тятька!.. стонетъ Сысойко.

— И онъ помретъ...

— Сысоюшко! поживи ошшо чуточку!.. говорятъ Сысойкѣ бурлаки.

Лоцманъ никакъ не могъ заставить бурлаковъ тянуть судно.

— Не трогъ! говорятъ.—И мы помремъ.

— Братцы, спехнемъ хоть судно-то. Смотрите, вѣтеръ!

— Нѣтъ, братанъ... Гляди!

Лоцманъ привыкъ уже къ подобнымъ сценамъ и перевезъ Пилу и Сысойка въ деревню, находившуюся недалеко.

Пилу схоронили бурлаки. Не одна слеза упала на Пилу. Холодныя были эти слезы, слезы бурлацкія...

Сысойка оставили въ деревнѣ и судно коекакъ сдвинули съ мели. Оставили Сысойка въ деревнѣ безъ бурлаковъ у одного крестьянина и, черезъ четыре дня послѣ отплытія судна, онъ умеръ...

Родился человѣкъ для горе-горькой жизни, весь вѣкъ тащилъ на себѣ это горе, оно и сразило его... Вся жизнь его была въ

томъ, что онъ старался найти себѣ что-то лучшее...

Вотъ каково бурлачество и каковы люди бурлаки.

Елка и Морошка благополучно добрались до Усолья и тамъ поступили на варницы. Отъ работниковъ они узнали, что жена Пилы Матрена за воровство попала въ острогъ, а Тюнька воспитывается какою-то нищею. Эта нищая каждый день бьетъ его, беретъ съ собой, заставляетъ говорить: подайте ради Христа! пропиваетъ насобиранный хлѣбъ и деньги и часто оставляетъ его безъ хлѣба.

Положеніе этого ребенка очень незавидно. Вѣдь и онъ выростетъ, и какимъ онъ будетъ человѣкомъ?..

XV.

Что сдѣлалось съ Павломъ и Иваномъ? Они не нахвалятся своею судьбой; жизнь имъ кажется хорошая. У нихъ заведенъ сундучекъ, въ которомъ хранятся сапоги, зеркальцо, чай, сахаръ, двѣ ситцевыя рубашки, два тиковыхъ синяго цвѣта халата. Они лѣтомъ кочегарами на пароходѣ, а зимой работаютъ на пристани. Лѣтомъ они бывали въ Нижнемъ, въ Саратовѣ, въ Астрахани, ѣдали

яблоки и арбузы, очень развились и даже умѣютъ читать.

Пила оставилъ ихъ въ Перми въ соборѣ. Тамъ они стояли около архіерейскаго мѣста (престола по церковному) и глядѣли, какъ одѣвали архіерея. Когда они услыхали слово *баско*! то думали, что это такъ и должно быть, и не обратили вниманія на волненіе въ народѣ, когда выводили изъ собора Пилу и Сысойка, потому что они въ это время смотрѣли на архіерея, на духовенство, на пѣвчихъ и на живопись. Ихъ все удивляло. Когда былъ великій выходъ, Павелъ сказалъ Ивану:

— А тятьки нѣтъ!

— Онъ, поди, смотритъ. И простояли всю обѣдню. Они бы, пожалуй, два дня простояли, если бы два дня шла архіерейская служба. Когда сталъ выходить народъ изъ церкви, они спохватились, что нѣтъ отца, забѣгали на дворѣ, вездѣ выглядывали его, ушли опять въ церковь, тамъ уже не было людей. Они зашли и на хоры, и тамъ нѣтъ, пошли въ алтарь, но оттуда ихъ прогналъ староста. Погоревавъ на улицѣ объ отцѣ, они пошли на рынокъ, походили тамъ часа съ три, насобирали Христа ради милостинки, наѣлись, спросили бурлаковъ объ отцѣ, ничего не узнали и пошли глазѣть на народъ.

— Гдѣ же тятька-то? говорилъ Павелъ.

— Кто ево знаетъ.

— Онъ, поди, уплылъ?

— Безъ насъ не уплыветъ.

— А мы какъ?

— Мы здѣсь останемся. Ишь баско!

— Все тятьки жалко...

По городу они ходили съ часъ и зашли на бульваръ. На бульварѣ начала собираться губернская публика. Они выспались въ канавѣ и когда пробудились, то бульваръ былъ уже полонъ народа; игралъ военный оркестръ; въ шалашѣ играли фокусники. Ребята все высмотрѣли, всему дивились: ихъ очень забавляли офицеры, нарядъ людской, гимнастическія упражненія, качели, танцы въ залѣ.

— Баско!

— У насъ нѣту такъ-то.

— И на баркахъ инако.

— Вотъ такъ городъ!

— А мы ужь здѣсь останемся...

— А какъ протурятъ?

— Смотри, бурлаковъ сколь. Гдѣ же тятька-то?

— Онъ, поди, смотритъ: ишь сколь людей-то! Ишь што діется! говорятъ ребята, указывая на круглую качель.

Ночью они уснули на бульварѣ. Утромъ

на бульварѣ никого не было и ребята заплакали съ горя.

Въ городѣ имъ попались бурлаки.

— Видѣли тятьку? спросилъ ихъ Павелъ.

— А вы бурлаки?

— Бурлаки.

— Откедова?

— Чердынскіе.

— А откелева съ баркамъ-то идете?

— А заводъ Шайтанскій есть, оттоль и плывемъ. А тятьку-ту Пилой зовутъ, да ошшо Сысойко съ нимъ.

— Не знамъ мы твово Пилы, и Сысойка не знамъ.

— Шайтански отвалили ужъ.

Ребята запечалились и пошли съ бурлаками на рынокъ. Они заплакали. Куда идти? гдѣ жить?

Пошли они сбирать милостинку. Два дня собирали милостинку, исходили весь городъ, а ночами спали у соляныхъ амбаровъ. Потомъ они наткнулись на одну пристань, увидѣли, какъ и что работаютъ люди, сами стали работать и получили за работу по 20 коп. сер. въ сутки. Цѣлую недѣлю они спали подъ лодками, а потомъ надъ ними сжалился одинъ водоливъ, узнавшій отъ нихъо потерѣ отца, и пустилъ спать въ баржѣ. По совѣту

этого водолива, ребята и поступили на пароходъ съ жалованьемъ по 6 руб. въ мѣсяцъ.

Житье на пароходѣ ребятамъ кажется хорошимъ. Когда идетъ пароходъ, они постоянно бросаютъ въ печь дрова и въ это время ходятъ черные, какъ трубочисты, и только изрѣдка любуются людьми. Они узнали, что такое пароходъ, и знаютъ каждый уголокъ въ пароходѣ, каждую вещь, для чего она тутъ хранится или придѣлана. Товарищи любятъ ихъ, въ особенности любитъ ихъ подручный повара и часто даетъ имъ то кусочекъ пирога, то кусочекъ жаркова или иныхъ какихъ сластей понемногу, а главное, въ свободное время, когда пароходъ стоялъ, училъ ихъ читать. Въ это свободное время Павелъ и Иванъ купались въ рѣкѣ, смывали съ себя сажу, надѣвали чистенькія рубашки и ходили по городу, или спали, или починивали свою одежду. Зимою они отскребаютъ снѣгъ, метутъ, колятъ дрова, носятъ воду и дрова то смотрителю пристани, то служащимъ на пристани и часто исправляютъ должность кучеровъ.

Они часто вспоминаютъ про отца и Сысойка. Сидятъ они у печки пароходной, покуривая трубки, и горюютъ:

— Жаль, Пашка, что отца нѣтъ. Все бы вмѣстѣ лучше.

ѣ влъ.

— Живъ ли онъ, п...

— Не потонулъ ли съ баркой?..

Одѣнутся они прилично и говорятъ:

— Какъ посмотрѣлъ бы на насъ отецъ да Сысойко, удивились бы... Ишь какіе мы!

— А мы какъ накопимъ денегъ, полушубки хорошіе купимъ, а то дали намъ какіе-то большіе да старые.

— Они, поди, теперь и не узнаютъ насъ.

— Я бы, знаешь, какъ сталъ бы жить съ нами отецъ съ матерью да съ Сысойкомъ, про